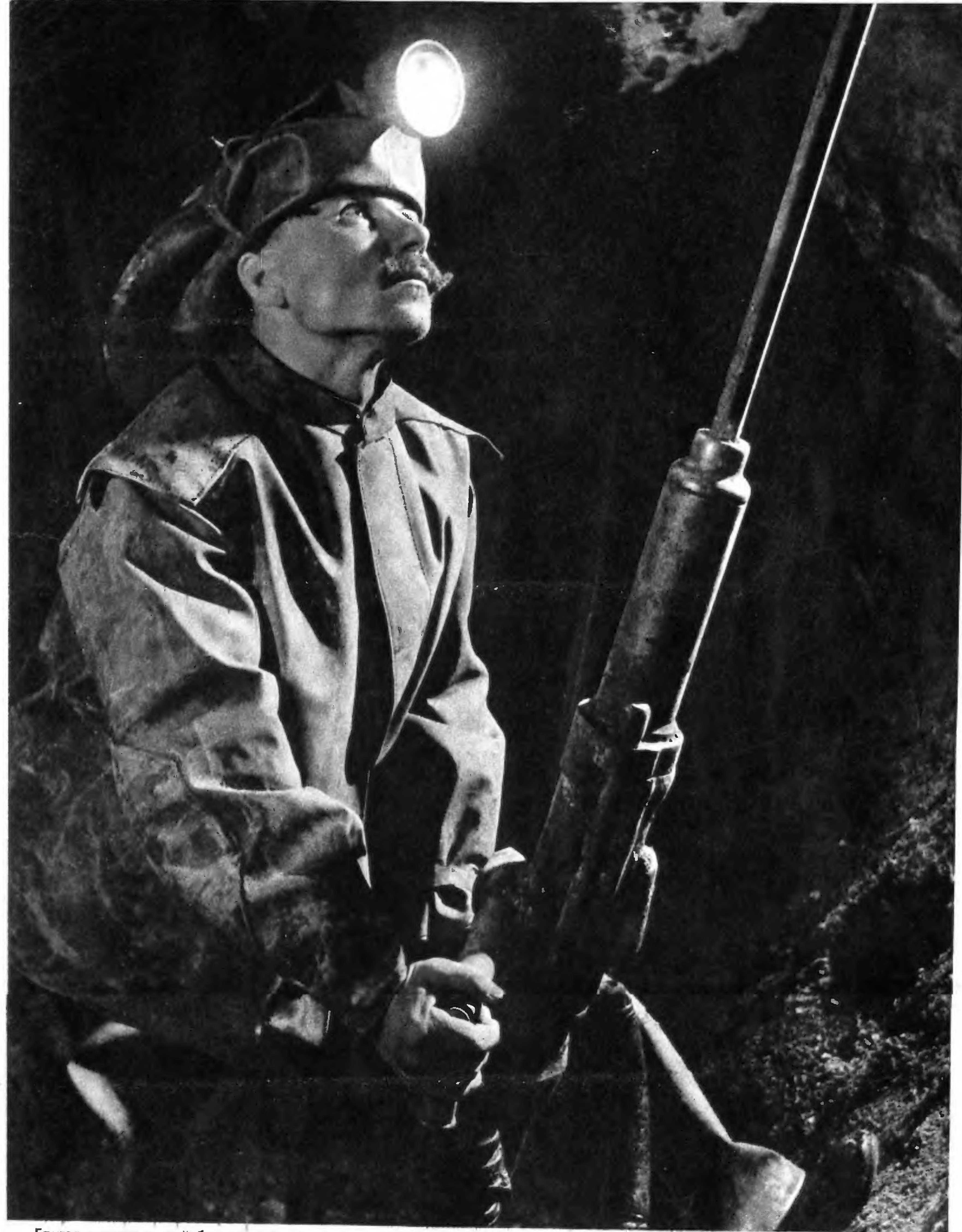

ОГОНЁК

№ 2 ЯНВАРЬ 1957

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Бригадир комплексной бригады забойщиков Быструшинского рудника Лениногорского полиметаллического комбината К. А. Миронов в забое.

Фото Б. Кузьмина.

ОГОНЁК № 2 (1543) 6 ЯНВАРЯ 1957

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

35-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Вот они, герои битвы на верховой эстакаде.

ДОБРЫЙ ПУТЬ!

В семи километрах от Иркутска, вверх по Ангаре, все выше дыбится к небу бетонная громада первой из шести гидроэлектростанций Ангарского каскада — Иркутской ГЭС. Уже запружена Ангара. Иркутское море, ставшее заливом Байкала, затопило низины, и теперь оно набирает миллионы кубов воды, чтобы вытолкнуть их с силой на лопатки турбин. И прошло уже несколько дней, как первый ангарский ток подан по проводам системы Иркутскэнерго.

...Небольшой клочок левого берега, где постепенно скрываются под водой остатки старой транссибирской магистрали. Новая железная дорога стала короче и пошла по другим местам. А как память от прошлого стоит затертый льдами светофор, обращенный на восток, и едва выглядывают из-под снега перила — остатки прежнего моста. И это все на фоне бескрайней глади Иркутского моря, пределы которого затерялись в тумане.

Несколько дней длилась битва монтажников на верховой эстакаде. Обстоятельства сложились так.

Был смонтирован и подготавливался к пуску первый агрегат. Оставалось создать напор воды в верхнем бьефе. На Ангаре это несложно: благодаря многоводности Байкала не надо ждать паводка или дождей, как на Дону, или Оби, или Волге. Стоило лишь ограничить водосброс, опустить еще несколько затворов. Так и сделали.

Но все дело упиралось в верховую эстакаду: она стояла на дне верхнего бьефа. По ней передвигались четыре портальных крана, подававшие в здание ГЭС строительные материалы и детали. Когда-то эстакада возвышалась над фундаментом станции. Сооружение переросло ее. Теперь до макушки станции с эстакады могли дотянуться только краны. Эстакада отслужила свой срок.

Монтажники не сумели вовремя разобрать эстакаду, и она оказалась отрезанной от обоих берегов и зажатой между двумя высокими и гладкими стенками береговых устоев. Люди отсюда спускались на эстакаду по длинной приставной лестнице, грузы шли по «воздушному мосту».

Вода в верхнем бьефе должна была подняться выше уровня эстакады через десять дней. А на ее демонтаж по проекту требовалось не меньше месяца.

Вместо крана решили применить большой шагающий экскаватор, у которого заменили ковш на крюк. Всего лишь несколько дней и ночей имели в своем распоряжении монтажники, и они использовали каждую минуту. Мороз 32—36 градусов. Ветер и снег. Густой пар, поднимающийся от бурлящей, ревущей внизу воды. Обогревались у разведенных на эстакаде костров. Если за 12-часовую смену бригада не успевала снять два пролета, люди оставались на следующую смену. Последние 24 часа никто не уходил с рабочей площадки, начиная с начальника участка Александра Фисенко, кончая рядовыми монтажниками.

Вокруг колонн эстакады в полутора метрах от их вершин уже бурлила надвинувшаяся вода. Четверо добровольцев: Петр Брызгалов, Юрий Чурин, Анатолий Зарубин, Георгий Ткачев — вызвались «стропить» оставшиеся на колоннах балки. Каждый из них садился верхом на крюк крана, тот проносил монтажника над бездной и сажал на колонну. Когда балка была застроплена, монтажник спускался с нее по колонне ближе к воде и прятался на всякий случай среди стальных переплетений. Выбросив на берег балку, кран доставал монтажника с колонны освободившимся крюком.

Через несколько часов после того, как последняя стальная балка была выброшена на берег, вершины колонн эстакады скрылись под водой.

...В еще не достроенном, без потолка, машинном зале установлен шатер-тепляк. Он сбит из листового железа и теплоизоляционных материалов. По углам шатра расставлены мощные радиаторы, и пропеллеры гонят горячий воздух на середину, где стоит верхняя часть недавно смонтированного первого агрегата Иркутской ГЭС.

Тут уместно сказать, что первый гидроагрегат первой гидроэлектростанции Ангарского каскада сделан на Новосибирском турбогенераторном заводе и является его первенцем.

19 декабря, после обеда, под шатром столпилось немало народу, пришлось огородить агрегат веревкой.

— Товарищи, мы так не можем пускать машину, — обратился к людям начальник монтажа Николай Петрович Юнак. — Обещаю, никого из шатра не уберем, но прошу за веревку не вылезать.

Были здесь и рабочие, державшие за спиной рукавицы, и их жены, что принесли поесть тем, кто больше суток не отходил от агрегата, представители заводов и министерства.

Все смотрят на резервуар, куда залито шестьдесят тонн масла. Ровно гудят моторы, и вдруг — оглушающий рев. Некоторые в испуге оглянулись, где выход, потом посмотрели на Юнака. Юнак даже головы не поднял из-за стола с телефонами. Отлегло от сердца. Как потом оказалось, испытывали предохранительный клапан.

— Женя, — кричит в телефонную трубку куда-то на нижние этажи прораб Иван Кононов, — на тормозах стоит Василий! Чтоб ты его видел. Понял? Имей в виду сам и людей предупреди, чтоб паники не было, если потечет вода...

Первый поворот агрегата — «прокрутка» — экзамен монтажникам. На заводах испытываются лишь отдельные узлы. В своем законченном виде агрегат рождается только на монтажной площадке. А монтаж производился в тяжелейших условиях, на морозе, а не в теплом заводском цехе. Маленькая неточность — и машину в тысячу шестьсот тонн придется перебирать сначала. Поэтому и ра-

бочие здесь — народ не случайный: Аркадий Шайкин командирован с Нарвской ГЭС, оттуда же Михаил Василенко, Александр Рыбалкин — с Куйбышевской гидростанции. Бывалые монтажники и Иван Мирошниченко и Евгений Акишин...

— Все в порядке, Лев Никитич,— докладывает Юнак начальнику главка Л. Н. Мнацаканову.

— Добрый путь, Николай Петрович! — командует Мнацаканов.

Добрый путь — это традиционное напутствие у энергетиков перед пуском.

На лбу Юнака постепенно проступает испарина. Испарина скапливается в мелкие влажные бисеринки. Бисеринки собираются в крупные капли пота. Капли спускаются по вискам. И все это произошло в считанные секунды.

По традиции, бытующей у энергетиков, агрегат должен запускать тот, кто монтировал автоматическое регулирующее устройство.

«Евгений Николаевич Акишин,— как писала потом местная газета,— подтянулся, набрал побольше воздуха в легкие и повернул рукоятку».

Так оно и было на самом деле 19 декабря, в 17 часов 09 минут по иркутскому времени. Акишин предварительно поплевал на ладони, потер их и уже потом левой рукой повернул рычаг со слова «Стоп» на слово «Пуск».

Это был очень торжественный момент. Началась прокрутка первого агрегата, люди аплодировали машине.

— Спасибо, спасибо! — отвечал Юнак по телефону на рапорты своих подчиненных, наблюдавших за работой машины в других отсеках.

В 17 часов 20 минут кто-то выхватил из толпы начальника строительства Иркутской ГЭС Андрея Ефимовича Бочкина и стал подкидывать его к потолку. В 17.23 качали Юнака, в 17.26 — прораба Синявского.

Агрегат набрал свои проектные 83,3 оборота в минуту, стрелка на щите стоит против буквы «н» — норма.

У самого выхода рабочие перехватили главного инженера строительства Сергея Никандровича Моисеева. И он тоже полетел вверх. Потом началось паломничество в машинный зал. Приходили не только рабочие и инженеры. Шли их дети, жены, старики. Стояли перед работающим агрегатом и, не слыша из-за шума объяснений, молча смотрели на машину. Она гудела ровно и монотонно.

Все это досталось нелегко. Имена восьмидесяти двух героев записаны в «Книгу трудовой доблести». Эпиграфом к ней поставлены слова Ленина:

«Коммунизм начинается там, где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд, забота **рядовых рабочих** об увеличении производительности труда...»

...Заметно изменились за последние годы те края. Меняется, выходит из берегов даже вечный Байкал.

— А потрудись-ка теперь, «славное море»! — говорят ему люди.

И «славное море» взялось за работу.

Добрый путь!

В. ПОЛЫНИН
Фото В. Темина.

— Пользуемся стамеской, а долбежный станок у нас бездействует! — с упреком обращается к начальнику цеха И. В. Масютину рабочий Борис Кошелев.

СЕГОДНЯ В ЦЕХЕ РАБОЧЕЕ СОБРАНИЕ...

Мих. ЗЛАТОГОРОВ

Фото Дм. Бальтерманца.

— Время! — крикнул кто-то из переполненного зала, перебивая оратора. И еще один басовитый сильный голос напомнил:

— Регламент для всех одинаковый!

Стоявший на трибуне начальник вагоносборочного цеха Масютин улыбнулся, развел руками, словно извиняясь за чью-то бестактность, и оглянулся на президиум.

Мастер Любовь Павловна Левина, председатель профсоюзного собрания, обратилась к залу:

— Как, товарищи, продлим Илье Васильевичу?

Несколько секунд тишины, потом угрюмо-примирительные предложения:

— Пять минут еще можно дать.

— Только пусть он... без прописных истин.

Но Масютину, кажется, трудно изменить всегдашней своей манере. Любит Масютин «накачивать». Совсем недавно на производственном совещании начальник цеха говорил примерно то же, что и сегодня: надо покончить с браком, со штурмовщиной, давать высокое качество продукции... Сейчас он призывает «объявить жесточайший поход против бракодельства». Все это бесспорно, но... Напрасно собрание ждет, что руководитель цеха наконец-то вспомнит, о чем только что говорили люди, болеющие за производство, ответит на деловую критику. И только в конце Масютин роняет стандартную фразу:

— Что касается критики в мой адрес, то я учту...

Кто-то рядом насмешливо говорит:

— Вот так он всегда: «Учту, приму меры...» А на другой день все забывает.

Мало удовлетворил собравшихся и доклад, сделанный председателем цехкома Павлом Алексеевичем Исаевым. Цифр привел кучу, а про болячки производства и быта умолчал.

Первым сказал об этом слесарь Владимир Дубовицкий.

На московский завод «Памяти революции 1905 года» Дубовицкий пришел подростком в суровую военную годину и вот уже почти пятнадцать лет честно исполняет свой долг. Здесь прошла его молодость, здесь он возмужал и перенял обычаи ветеранов завода. Гудок дают в восемь утра, но Дубовицкий уже в семь тридцать на своем рабочем месте: проверяет, есть ли в запасе детали, подготовлен ли инструмент.

Нет, он не из числа штатных ораторов. Может, первый раз и поднялся на трибуну большого собрания. Посвящено оно обсуждению работы цехового комитета профсоюза, а вылилось в прямой горячий разговор о чести завода, о том, что же мешает сегодня вагоноремонтникам Пресни, наследникам славных революционных традиций своего предприятия, трудиться с наивысшей производительностью.

Дубовицкий говорил о «мелочах». Заглядывают ли начальники в раздевалку, в умывальную? Всего три крана... Да и расположены эти краны так близко друг от друга, что без толкотни никак не умоешься. Цементный пол (без решеток) постоянно залит водой. Будь Масютин повнимательней к нуждам рабочих, а цеховой комитет позубастей и потребовательней, разве не навели бы давно порядка в умывальной? И в душевой, куда начальник энергоцеха Гансевский частенько своевольно прекращает подачу горячей воды...

Другие коснулись «мелочей» в столовой.

— Читаешь в меню: «Суп харчо по-грузински»,— а как окунешь ложку в тарелку, там только рис и вода... Давно пора нам, товарищи, наладить зоркий общественный контроль над работой столовой. Тогда никто не посмеет «экономить» за счет рабочих...

Мастер Клавдия Ивановна Завьялова, приводя факт за фактом, отчитала администрацию за пренебрежение к законам об охране труда и технике безопасности. Подают на ремонт вагоны со снегом на крышах. В рабочие часы допускают маневры паровозов. Хлам никак не уберут — возле корпусов горы мусора.

— А у тебя, товарищ Исаев,— обратился один из выступавших к

председателю цехкома,— в докладе все гладко получилось.

Не любят здесь гладких, обтекаемых докладов, не любят безынициативных, робких, а по существу, равнодушных профработников, которые предпочитают не ссориться с администрацией.

Многому научил тружеников фабрик и заводов исторический XX съезд КПСС. И прежде всего — смелости и непримиримости в борьбе с недостатками.

Как подлинные рачительные хозяева своего социалистического предприятия говорили рядовые рабочие:

— Сначала красим вагон, а потом принимаемся рамы вставлять — и давай красить сначала. Так разве государственную копейку берегут?

— Стамеской долбим проушины для дверей, гнезда для связки рам. А специальный долбежный станок бездействует,— говорит станочник Борис Кошелев.

— Сколько раз предлагали: сделайте сдаточные пути, сумеем наладить регулировку центров буферных стаканов. Годится ли нам, столичному заводу, регулировать кое-как, на глазок? Дороги возвращают нам назад вагоны. Это и по чести рабочей бьет и по карману.

От «мелочей» собрание незаметно переходит к сложным вопросам производства, организации труда. Переход естествен, ибо в жизни завода, рабочего коллектива нет «мелочей»; все важно: и чтобы в столовой был порядок и чтобы техника в цехах не омертвлялась.

— Вперед мы должны смотреть, товарищи. В пятьдесят седьмом пустят у нас новый цех, получим новое оборудование. Да и жить будем лучше: новый дом строят для наших рабочих. Только строить надо быстрее и лучше!

— Сто бригад в нашем цехе. Кто такой бригадир? Младший командир производства. Так давайте больше спрашивать с бригадиров, бригадиры — с мастеров, мастера — с начальников, а они — со всех нас...

— И пусть в конце дня весь цех знает, какая бригада сегодня впереди, какая отстала. А то у нас фамилии на доске почета годами не меняются.

— Да, все мы коммунисты — и партийные и беспартийные,— когда речь о государственном плане идет.

Так думает вслух собрание. Столяры и отделыщики, слесари и электромонтеры, обойщики и листоправы. Пусть порой они и хмурятся из-за неполадок и нехваток, пусть сурово, по-пролетарски критикуют людей своего класса, выдвинутых на руководящие посты, но сильнее всего в их сердцах глубочайшая преданность социалистической Родине, делу партии.

Знаменитые ленинские слова о профсоюзах, как школе управления, школе хозяйничания, школе коммунизма, приобретают сегодня особенно действенное звучание. Как могучий океанский вал, нарастает в стране политическая и трудовая активность народных масс. Побывав на таких заводах, как «Памяти революции 1905 года», понимаешь, что наши успехи во втором году шестой пятилетки будут умножены, если руководители и организаторы производства сумеют возглавить рабочую инициативу. Они должны сделать для себя выводы из справедливых замечаний таких людей, как Владимир Дубовицкий: о плохом планировании, неумелом использовании оборудования, пренебрежении к жизненным нуждам рабочих.

— Товарищи, кто еще хочет выступить?

Из задних рядов поднимается высокая, сутуловатая фигура. Директор завода Николай Николаевич Рей.

— Я бы не взял слова, если бы товарищ Масютин выступил подругому. Но теперь придется вместо него ответить на каждый вопрос, затронутый в прениях.

Не так давно вошел в коллектив завода товарищ Рей. Люди к нему присматриваются. «Кто будит, тот и сам рано встает»,— так любит поговаривать Николай Николаевич. И это не просто фраза: рано утром он обходит производственные корпуса и рабочие площадки, сидит на цеховых планерках, беседует с мастерами и бригадирами, потом принимает рабочих. Сам поднялся из низов — начинал железнодорожным телеграфистом, работал и помощником машиниста на тепловозе и электромонтером.

— Начнем с того, что говорил товарищ Дубовицкий. За безобразия в умывальной и в душе придется спросить пожестче с товарища Масютина и с товарища Гансевского... Маневры паровозов в рабочее время отменим завтра же приказом... Копейку можно сэкономить, а жизнь человеческую загубить.

Эти два снимка иллюстрируют справедливость критического замечания Б. Кошелева: слева — бездействующий долбежный станок, справа — вынужденная ручная операция со стамеской и молотком.

— Правильно! — откликается собрание.

С чем согласен, об этом директор говорит: «Так и сделаем, товарищи...» А где у него сомнение, предупреждает: «Это еще надо проверить...»

* * *

...Над старыми кирпичными корпусами бывших Брестских мастерских медленно кружатся снежинки. Они летят и над приземистой котельной, откуда более полувека назад, в такой же декабрьский день, был дан сигнал к вооруженному восстанию рабочих Пресни против царского самодержавия. И над бывшей литейной, где в 1957 году пресненские вагоноремонтники освоят новое производство — сборку тяговых узлов для электричек.

Прошло три дня после бурного собрания в вагоносборочном цехе. Вместе с секретарем партийного бюро Николаем Васильевичем Чистяковым заглядываем к тем, кто выступил позавчера с критикой.

— Настроение у народа боевое,— делится слесарь Дубовицкий.— Есть смысл, говорят, на собрания ходить. Не пустая говорильня...

Борис Кошелев ведет к бездействующему долбежному станку.

— Сегодня уже приходили монтеры. Давно бы так. Ничего тут неразрешимого нет: только бы у главного инженера желание не остыло. Вот и калёвочный станок надо отладить. А насчет циркульной пилы я сам предложение внес.

— Приняли?

— Обещают разобраться... А замаринуют, так в «Обкатку»,— весело отвечает Кошелев и подмигивает Чистякову: он знает, что секретарь партбюро сам редактирует популярную на заводе сатирическую стенгазету «Обкатка».

Довольна первыми результатами собрания и Клавдия Ивановна Завьялова. Она уже несколько актов составила по поводу различных нарушений техники безопасности. Теперь директор крепко помог. Вот только что полученный приказ из заводоуправления за номером 314. Он начинается так:

«...Двадцатого декабря на общем собрании рабочих вагоносборочного цеха вскрыты в выступлениях недостатки в условиях труда рабочих, а именно...»

И дальше перечень всего, о чем говорили участники собрания. Не только перечень, но и конкретные указания, как со всеми этими недостатками покончить и кто за какой пункт отвечает.

— А следующее рабочее собрание надо начать с проверки, что сделано,— говорит Чистяков.— Мы превратим наши собрания в настоящую школу хозяйствования, школу управления производством.

Коллектив вагоносборочного цеха московского завода «Памяти революции 1905 года» собрался в цеховом красном уголке на профсоюзное собрание. Выступает мастер Клавдия Ивановна Завьялова.

Дневник ОГОНЬКА

Соревнование друзей

Председатель судового профсоюзного комитета Холодырев (слева) и заместитель председателя комитета профсоюза чехословацкого судостроительного завода Земанек после заключения договора на социалистическое соревнование.

В 1947 году на судостроительном заводе в Комарно (Чехословакия) был построен для СССР мощный буксирный теплоход «Измаил». С тех пор «Измаил» курсирует по Дунаю между портами Советского Союза и Чехословакии.

В минувшем году комсомольско-молодежный экипаж судна досрочно выполнил годовой план и в сентябре стал на средний ремонт в Комарно. Здесь завязалось соревнование между советскими моряками и чехословацкими рабочими. Общими усилиями они закончили ремонт буксира раньше срока.

А. МИШИН,
первый помощник капитана теплохода «Измаил».

Еще два дворца культуры

Поселок Нижний появился на карте Днепропетровска в послевоенные годы. Вырос он в южной части города на пустыре. Здесь построены многоэтажные дома, лечебные учреждения, магазины, столовые, гостиница. В западной части поселка возвышается красивое монументальное здание — Дворец культуры машиностроителей, сданный в эксплуатацию в канун праздника Великого Октября.

Новый Дворец культуры построен с большим вкусом. Зрительный зал имеет около тысячи мест.

В малом зале — 400 мест, здесь можно показывать кинофильмы. Оборудованы библиотека, читальный зал, комната отдыха, десятки комнат для коллективов художественной самодеятельности. Построен большой спортивный зал. Не забыты и малыши — есть детская комната.

И другое монументальное сооружение украсило город. На центральной магистрали — проспекте К. Маркса — выделяется Дворец культуры строителей. Четырехъярусный зрительный зал имеет 700 мест, лекционный зал — 150, есть библиотека, читальный и спортивный залы, до 50 рабочих комнат.

В Днепропетровске сейчас работает семь крупных дворцов культуры, в том числе первый в стране Дворец культуры студентов. Недавно в городе открыт театр имени Ильича со зрительным залом на 1 500 мест. В шестой пятилетке будет построено несколько новых культурно-просветительных учреждений.

Н. КЕМЕНОВ

На проспекте Карла Маркса воздвигнут Дворец культуры строителей.

Фото М. Робертса.

Колхозники и механизаторы—студенты

Более 30 колхозников и механизаторов Бобровицкого района, Черниговской области, заочно обучаются в специальных средних и высших учебных заведениях нашей страны.

Три года назад окончили Черниговскую среднюю сельскохозяйственную школу колхозники артели «Украина» Николай Билим и его жена Антонина. Ныне Николай работает полеводом в своем колхозе, Антонина — агрономом в соседней сельскохозяйственной артели, и оба они — студенты-заочники третьего курса Киевской сельскохозяйственной академии. В этой же академии на заочном отделении учатся после окончания сельскохозяйственной школы председатели колхозов И. Шубский, Г. Сабанцев, колхозник Б. Лысенко.

Я. МАРТЫНЕНКО

ЖОРЖ САДУЛЬ—ДОКТОР ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ

В Институте истории искусств Академии наук СССР. На кафедре Жорж Садуль.

Фото С. Шингарева.

В Институте истории искусств Академии наук СССР под председательством академика И. Э. Грабаря заседал Ученый совет. Жорж Садуль, видный французский ученый, защищал диссертацию на соискание ученой степени доктора искусствоведения.

Двадцать лет работает Садуль над многотомной «Всеобщей историей кино». Ее первые тома и послужили материалом докторской диссертации: «Изобретение кино» (1832—1897), «Пионеры кинематографа» (1897—1909), «Кино становится искусством» (1909—1920); этот третий том включает две объемистые книги.

Ученая степень была присуждена Ученым советом талантливому исследователю единогласно.

Т. ОСИПОВА

Новые корпуса Московского университета

Так будет выглядеть через несколько лет территория МГУ на Ленинских горах.

Рисунок архитектора Ю. Африканова.

После того, как на Ленинских горах вступили в строй новые корпуса Московского университета, туда переведены шесть факультетов из двенадцати: географический, геологический, механико-математический, химический, физический и биолого-почвенный. Гуманитарные же факультеты остались на старом месте. Но пройдет несколько лет — и все факультеты МГУ соберутся в одном месте.

Архитектурно-проектная мастерская № 15 института «Моспроект». На ватманы наносят месторасположение новых зданий, которые дополнят университетский ансамбль на Ленинских горах, определят архитектурный облик и конструктивное решение будущих сооружений.

Руководит работами Александр Федорович Хряков — один из авторов уже существующих зданий МГУ на Ленинских горах и Центрального стадиона имени В. И. Ленина в Лужниках.

— Нам предстоит в сравнительно короткие сроки, — говорит А. Ф. Хряков, — подготовить проект комплекса новых учебных и вспомогательных корпусов, а также студенческих общежитий. Мы должны добиться таких композиционно-планировочных и архитектурных решений, при которых новые здания органически вошли бы в существующий ансамбль.

Общий объем новых корпусов определен в 450 тысяч кубических метров. Это более одной пятой того, что уже воздвигнуто на Ленинских горах. В восточной части нынешнего комплекса зданий МГУ намечается построить два пятиэтажных учебных корпуса. Они предназначены для филологического, исторического, философского, юридического и экономического факультетов, факультета журналистики, Института восточных языков МГУ, а также различных кафедр.

Это будут простые по архитектуре и конфигурации здания с большими окнами, облицованные керамикой, выполненные в индустриальных конструкциях из сборного железобетона. Около 11 тысяч квадратных метров составит площадь их аудиторий, лабораторий, специальных кабинетов, библиотек, двух читальных залов. В ряде помещений разместятся столовые, буфеты, различные общественные организации.

Учебные корпуса обеспечиваются всеми видами современного инженерно-технического оборудования.

Одним из крупных объектов нового строительства явится фундаментальная библиотека МГУ. Вместимость книгохранилищ определена в 5 миллионов томов.

Предстоит также запроектировать, а затем и построить четыре восьмиэтажных общежития для 3 тысяч студентов. Комнаты рассчитаны на двух—трех человек. В зданиях общежитий проектируются уютные холлы, комнаты отдыха, читальные залы, буфеты, прачечные, медицинские учреждения, радиоузел. Первые этажи отводятся под предприятия бытового обслуживания, отделение связи. Небезынтересна такая деталь: в общежитиях предусматриваются специальные помещения для родителей, приехавших навестить своих детей — студентов университета.

К услугам студентов, проживающих в общежитиях, будут спортивные площадки, тренировочный стадион.

— Мы рассчитываем,— заключает А. Хряков,— завершить разработку эскизного проекта к середине 1957 года.

Предполагается, что после завершения строительства новых корпусов в старых зданиях на Моховой сохранятся Зоологический музей, Институт антропологии, Общество испытателей природы, Институт повышения квалификации преподавателей кафедр общественных наук.

Г. ЛИДИН

Новогодняя елка во Дворце спорта. В зале показались «три богатыря».
Фото А. Шевича.

Замечательным праздником начались зимние каникулы у московских школьников.

В эти дни их радуют огни новогодней елки в Большом Кремлевском дворце, для детей устроены елки также в многочисленных клубах, школах, театрах, проводятся утренники. Свыше двенадцати тысяч ребят собрались во Дворце спорта в Лужниках, у самой высокой елки в Москве: она поднялась на двадцать метров от земли.

Сколько интересного, увлекательного было на этом празднике! Особенно понравилось собравшимся шествие любимых героев, среди которых были и Чапаев, и Дядя Степа, и Дон-Кихот, и «три богатыря» — такие, какими изобразил их на известной картине Васнецов.

В счет миллиарда рублей

Общий вид нового мясокомбината.

Только за три дня бомбардировки Пхеньяна в начале войны в Корее американская авиация сбросила на жилые кварталы города более полутора тысяч бомб весом от пятидесяти до тысячи килограммов. Свыше трех лет интервенты фугасами и напалмом калечили мирную землю Кореи. Когда было подписано перемирие, замолкли пушки, прекратились бомбардировки городов и сел, перед народом Кореи встала труднейшая задача — восстановить разрушенную родину.

Корейский писатель Ли Ги Ен сказал: «...Сейчас мы подобны человеку, преодолевающему крутую гору с тяжелым грузом на плечах. Такой путь трудно преодолеть и налегке, а тем более — с грузом».

Но у Кореи много друзей во всем мире. Помощь, оказываемая Советским Союзом трудящимся Кореи в восстановлении страны, приобретает все более широкие размеры.

Близ Пхеньяна весной прошлого года было начато строительство мясокомбината в счет одного миллиарда рублей, выделенного Советским Союзом КНДР.

Одновременно со строительством этого крупнейшего промышленного предприятия большие группы корейских рабочих и служащих прошли подготовку на Улан-Удэнском мясокомбинате. Здесь они завязали дружеские связи с советскими специалистами. Многие работники Улан-Удэнского комбината часто получают письма от корейских друзей.

Недавно мясокомбинат был пущен в ход. Только один колбасный цех дает в смену две тонны изделий, а консервный — около девяти тысяч банок консервов. На мясокомбинате будут производиться копчености, пельмени, колбасы, пирожки, консервы из мяса, помидоров, фруктов, риса, кукурузы, персиков.

После завершения строительства председатель кабинета министров КНДР товарищ Ким Ир Сен направил строителям комбината приветственное письмо, в котором говорится, что сооруженный мясокомбинат является огромным вкладом в дело повышения благосостояния корейского народа.

Юл. СЕМЕНОВ

Овощи в Арктике

Редакция журнала «Огонек» получила радиограмму:

«На многих полярных станциях, даже на самых высокоширотных, в том числе и на дрейфующих полюсных станциях, полярники выращивают в ящиках цветы и овощи. Много радости доставляет нам это занятие. Приятно любоваться зеленью и яркими красками пышно растущих цветов, когда на улице бушует полярная вьюга. Не менее приятно снимать урожай таких чудесных овощей, как огурцы и помидоры. Но не всегда заботливый уход за растениями вознаграждает нас хорошим урожаем, бывают и досадные неудачи.

Прошлым летом любители комнатного овощеводства нашей зимовки были очень огорчены тем, что выращенные ими огурцы и помидоры, несмотря на роскошный внешний вид растений, чудесный ярко-зеленый цвет листьев, обильное цветение, помидоры совсем не завязали плодов, а огурцы дали очень низкий урожай. Уход за растениями ничем не отличался от предыдущих лет: так же удобряли почву, поливали по мере надобности водой, производили перекрестное опыление огурцов. А вот почему получились плохие результаты, для нас совершенно не понятно. Очень просим вас объяснить нам причину наших неудач и помочь избежать ошибок в будущем. За это скажут вам спасибо не только наши зимовщики, но и многие другие полярники — любители комнатного овощеводства, у которых тоже, вероятно, не всегда все гладко получается. Если поместите ответ нам, то просьба сообщить нам по радио номер этого журнала.

Наш адрес: остров Диксон, полярная станция острова Краснофлотские, Свирненко».

Полярникам послан следующий ответ:

Уважаемые товарищи!

На вашу радиограмму отвечает почетный академик ВАСХНИЛ доктор сельскохозяйственных наук профессор В. И. Эдельштейн.

— Наши современные знания по агротехнике овощей и цветочных растений таковы, что мы можем выращивать овощи и цветы в любых условиях, а следовательно, и в Арктике.

Какие же наибольшие затруднения следует преодолеть в полярных условиях, чтобы выращивать успешно эти культуры? Прежде всего необходимо поддерживать в парниках и оранжерейках определенную температуру и соответствующую влажность, а самое главное — соблюдать условия освещения для каждой культуры.

Что же касается пищевого и водного режима растений, то он подробно разработан агротехникой и доступен всем любителям — овощеводам и цветоводам.

Посылаю вам, дорогие товарищи полярники, книжку Александра Акимовича Новоселова «Огород без грядок» и свое пособие «Новые методы выращивания овощей». В них вы найдете все необходимые советы для успешного овощеводства и цветоводства в Арктике. Желаю вам больших успехов. В. И. Эдельштейн.

Убийцы и их жертвы

К каким только вымыслам не прибегала реакционная пропаганда в связи с законными мерами Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства по подавлению затаившейся контрреволюции! Сколько фальшивых слез пролито по поводу «арестов невинных людей», «террора против честных революционеров»! Истинную цену этих слез показали опубликованные венгерской печатью сообщения о первых результатах следствия по делам контрреволюционеров. Перед нами задержанная венгерской полицией Илона Гизелла Тот. Она не может оторвать взгляда от фотографии, запечатлевшей дело ее рук,— трупа рабочего-строителя Иштвана Коллара, которому преступница впрыснула в вены бензин, а затем «для верности» нанесла еще несколько ударов перочинным ножом.

Недоучившийся врач Илона Тот временно заведовала больницей Петерфи, где под видом «больных» и медперсонала укрывалась контрреволюционная организация. Бандиты, среди которых дружно сотрудничали военный преступник Миклош Дьендеши и журналист Дьюла Обешовски, занимались «охотой на коммунистов» и печатанием провокационных листовок.

А. НОВИКОВ

Киприоты не перестают устраивать массовые демонстрации против колониального ига и английского террора.

Английские войска пытаются рассеять демонстрацию киприотов на площади Метаксаса в столице Кипра Никозии. Они применяют против демонстрантов оружие и слезоточивые газы.

Мы получили эти фотографии из Греции. Они рассказывают о страданиях героев-киприотов, о их борьбе против английских колонизаторов.

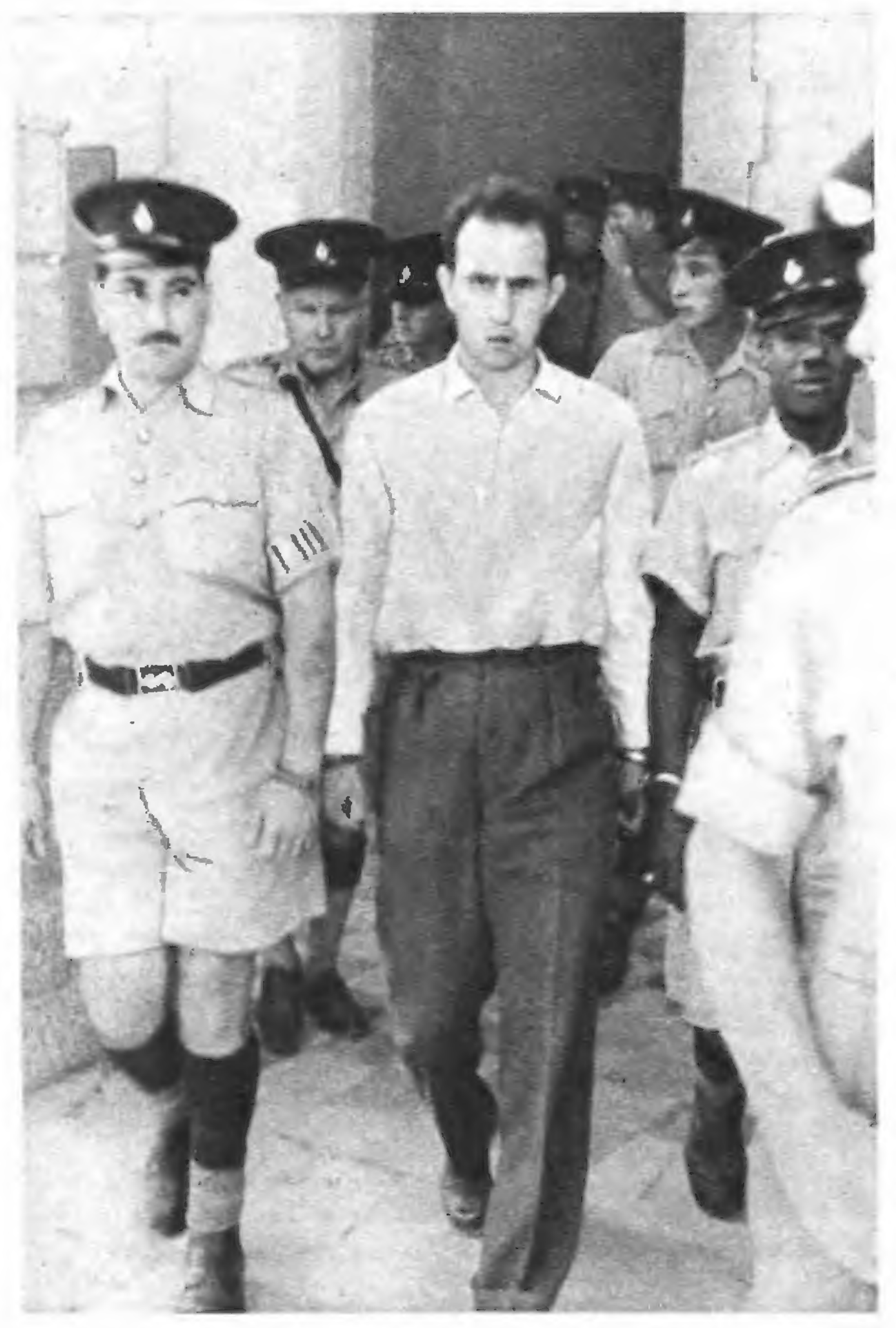
Чего хотят английские колонизаторы, так упорно цепляясь за этот остров в Средиземном море? Эта английская колония нужна империалистам прежде всего как стратегическая база для защиты своих уже поколебленных позиций в районе Средиземноморья, для военных авантюр. Кипр был основной англо-французской базой, которая служила для агрессии против Египта.

Чего требуют патриоты Кипра, которые героически борются против английских колонизаторов? Они требуют права на самоопределение, хотят, чтобы этот исконно греческий остров был воссоединен с Грецией. Они отвергают все планы английских колонизаторов, рассчитанные на то, чтобы под тем или иным предлогом держать в своих руках Кипр.

Кровавые дела английских империалистов на Кипре разоблачают их как душителей свободы, попирающих элементарные права человека. Каждая из фотографий, которые мы печатаем, обвиняет английских колонизаторов.

Кипрские города патрулируют английские солдаты, а киприотов сажают за колючую проволоку, протянутую прямо на улицах. На снимке: на одной из улиц Никозии.

Одной из первых жертв английского террора был молодой киприот Караолис. Его повесили. На снимке: Караолис перед казнью.

Английские солдаты и служащие созданной англичанами специальной турецкой полиции ведут арестованного, залитого кровью кипрского патриота. Он принимал участие в демонстрации против английского владычества.

В деревне Калогреза англичане арестовали всех мужчин за отказ «сотрудничать» с колонизаторами.

Тысячи киприотов заключены в концентрационные лагери, созданные англичанами на Кипре.

Целый патруль солдат понадобился для того, чтобы арестовать безоружного студента. У английских солдат — щиты против камней, которыми их забрасывает население.

Английский солдат избивает кипрского мальчика перед зданием школы за участие в демонстрации.

Чтобы подавить сопротивление молодежи, колонизаторы прибегали к телесным наказаниям арестованных школьников.

На снимке: группа арестованных школьников в Никозии.

Горит земля под ногами английских колонизаторов на Кипре. Они ведут настоящую войну против киприотов, создавая вот такие заграждения. На снимке: Улица в Никозии.

НОВОСТРОЙКИ АЛБАНИИ

Так доставляли оборудование для рудника.

На географической карте мира Албания — небольшая страна на западе Балканского полуострова. Но природа наделила албанскую землю большими богатствами. Раньше жадные руки империалистов тянулись к ним, отнимая у албанцев то, что принадлежало им по праву. Победа революции вернула природные богатства страны законному хозяину — народу.

И теперь, осваивая эти богатства, албанский народ вводит в строй новые рудники, шахты, заводы. О двух стройках, законченных в 1956 году, рассказывают присланные для «Огонька» заметки и фотографии албанских журналистов.

В братском содружестве

До народной революции в доме Мемета Бектеши никогда не было керосина для лампы. Семья жила при свете лучины. Теперь Мемет Бектеши, крестьянин из села Голаборды, работает на новом нефтеперегонном заводе. Рядом с заводом раскинулся городок с новыми двух- и трехэтажными домами, клубами, магазинами, автомобильными дорогами, с электрическим светом, радиоустановками.

Лучшая бригада монтеров нового завода, которой руководит Р. Брахими, обсуждает план дневных работ.

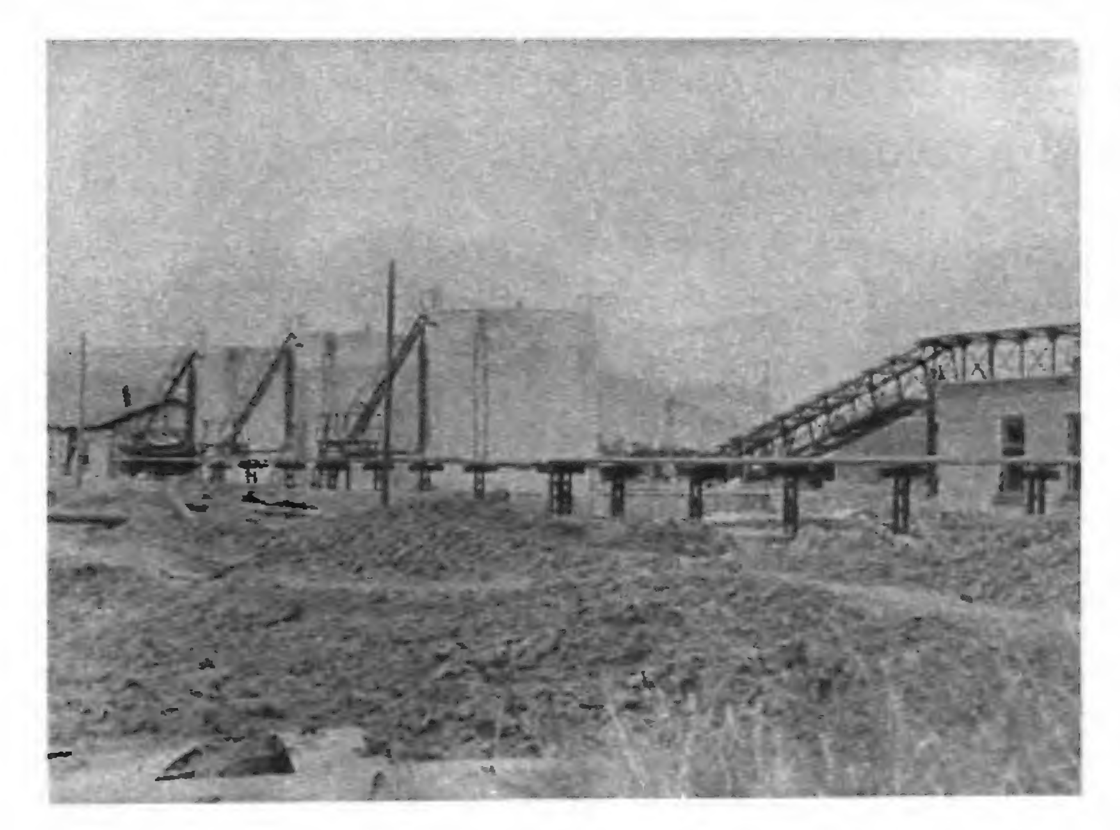
Сооружение нефтеперегонного завода в Церрике началось три года назад. Теперь он вступил в строй. Завод спроектирован советскими инженерами, советские специалисты помогли его строить, с советских заводов было прислано для него и оборудование.

Строить новый завод было нелегко. Рабочие пришли из горных селений, и даже те из них, кто работал на стройках раньше, никогда не участвовали в создании подобных предприятий. Пришлось проложить целый лабиринт труб под землей. Работа не прекращалась круглый год.

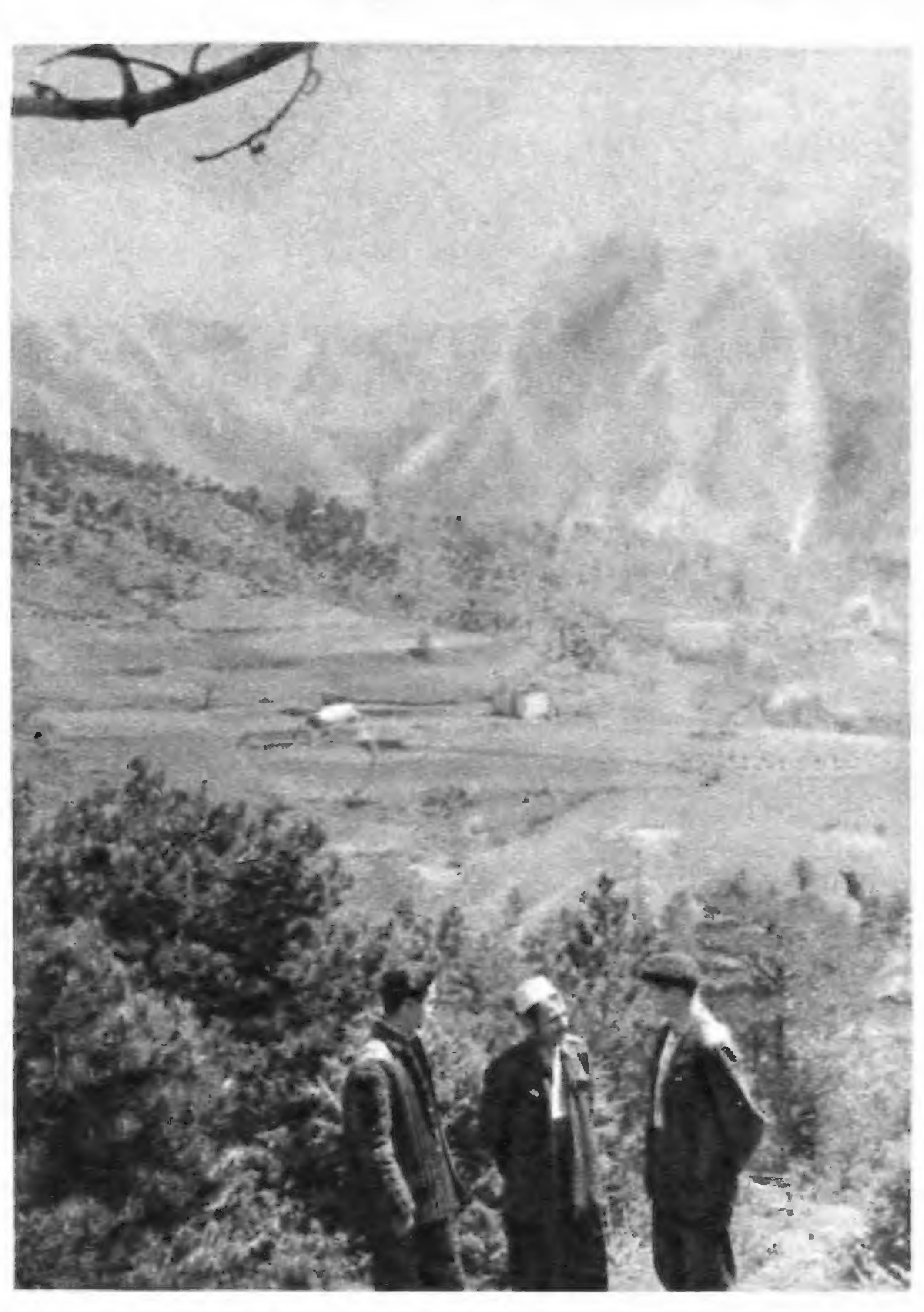
По нефтепроводу нефть из нефтеносных районов будет доставляться на завод в Церрике. А здесь из нее изготовят горючее для тракторов и машин, керосин для албанских сел и другие нужные стране нефтяные продукты.

Раньше албанский народ не мог и мечтать о таком нефтеперегонном заводе. Иностранные капиталисты не были заинтересованы в том, чтобы развивать промышленность Албании. Теперь в братском содружестве социалистических стран и с их помощью Албания строит свою отечественную промышленность.

Т. ШИЛЕГУ

Цистерны нового нефтеперегонного завода.

Курбнеш.

Есть рудник!..

...В октябре 1954 года в селе Курбнеш, лежащем среди высоких гор на севере Албании, появилась группа незнакомых людей. Это была геологическая партия. В ее составе были албанские геологи и их советские коллеги, приехавшие помочь друзьям. По селу пошел слух: скоро в Курбнеше будут добывать медную руду. «Будут!» — подтвердили геологи.

Но нашлись и такие, кто не очень-то верил: разве можно привезти в такое село все, что нужно для работы? Горы высоки, дороги плохи — трудно!..

И действительно, трудно было доставить в Курбнеш машины, оборудование для электростанции, компрессоры, бочки с горючим. Но все это «было».

А теперь среди горных вершин раскинулась площадка, залитая электрическим светом. Это новый рудник. И местные жители с благодарностью вспоминают своих соотечественников, вызвавших к новой жизни далекий горный район.

Хорошо работают горцы. На всю Албанию знаменит минер Биб Души. Двадцатилетний Джон Марку умело возглавляет бурильщиков. Руководителем подземных работ стал горец Тнф Буроку. На руднике работают и его братья.

Труд этих людей и сотен таких, как они, все шире открывает дорогу к богатствам щедрой албанской земли.

Х. ПЕТРЕЛЯ

КОГДА СЛИВАЮТСЯ РЕКИ

Отрывок из романа

Петрусь БРОВКА

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

На стыке границ трех братских республик — Белоруссии, Литвы и Латвии — колхозники — латыши, литовцы и белорусы — общими усилиями построили межколхозную электростанцию, которую назвали «Дружба народов». На материале этого строительства и написан роман «Когда сливаются реки».

Жизнь трех соседних колхозов, борьба с последствиями национальной розни, с пережитками старого в быту, стремление к новому, к большой братской дружбе — вот что является основой романа.

На холмах рыжело жнивье. Высокие и широкоплечие, виднелись стога на лугах. Сиротливый аист, задумавшись, стоял на одной ноге и, повернув голову, подолгу смотрел на юг. Казалось, что и вода в озере потемнела, покрылась мелкой корочкой ряби. Природа затихала и засыпала, но на этот раз ей словно мешали люди. На берегу озера становилось все шумнее и оживленнее. На бугор, который превращался в огромный, хотя и выглядевший хаотично, склад материалов, шли и шли груженые подводы. Поблизости на срубе барака тюкали, переговаривались топоры. А со стороны «Пергале», если внимательно прислушаться, доносился слитный гомон — это молодежь работала на прокладке канала от речки Погулянки к озеру.

Алесь помнит, как тихо и молчаливо бывало здесь прежде. То, что все вдруг ожило и заговорило, не только поднимало его настроение, но и наполняло гордостью: по молодости, всегда несколько склонной к безобидному любованию собой, ему казалось, что, хотя и не его сила и воля вызвали к жизни это движение, все-таки он, бывший сельский мальчишка, коловший босые ноги здесь на жнивье и таскавший из озера окуньков и плотичек, стоит в центре этого оживления, управляет им, как дирижер в театре сложным оркестром. Да и сам он уже с утра до вечера не знал покоя. Нужно было поспевать всюду, отвечать на тысячи вопросов, решать на ходу десятки несложных, но все-таки хлопотливых технических и хозяйственных задач. А больше всего беспокоил его котлован. Хотя машин еще не было, он подумывал, что пора начинать, пожалуй, и все чаще поглядывал в сторону мельницы, которую надо было снесть.

Мельница, сложенная из крупных диких камней, сивая от мучной пыли, стояла как раз на том месте, где впоследствии должна была возникнуть электростанция. Алесь подошел к ней и присел возле постава. Вокруг было тихо, только шумела светлая, пронизанная солнцем струя воды, падавшая с постава в глубину омута. Чуть ниже омута, вцепившись корявыми, кое-где обнаженными корнями в мокрую землю, вековые ивы склоняли к зеркалу воды свои плакучие ветви.

Сколько воспоминаний вызвало у Алеся это место! Много раз приезжал он сюда вместе с отцом. Не помнит, сколько было ему лет, но ходил он тогда в одних холстинных штанишках со шлейкой через плечо, застегивавшейся на деревянную палочку вместо пуговицы. Весело было ему здесь в то время, как на празднике!

Около мельниковой хаты на взгорке суетились мужики, или, как их обычно называли повсюду, «завозники». По всему двору в причудливом беспорядке стояли телеги с задранными кверху оглоблями, на телегах же, словно спокойные откормленные боровы, лежали мешки, иногда увязанные веревками. Кони, отмахиваясь хвостами от мух, тихо хрумкали свежую траву или овес. Пахло рожью, пшеницей, теплой, свежеразмолотой мукой. Однообразное гудение жерновов навевало дрему, и в самом деле некоторые из завозников, чья очередь была еще далеко, богатырски похрапывали в тени возов, подбросив под голову сенца или травы. Под ставом, там, где падающая вода рождала непрерывное дрожащее кружево пены, поблескивали боками серебряные плотички или порой на мгновение возникала широкая зеленоватая спина голавля. Сероватые пескари возились и крутились на отмели, и, как лезвие перочинного ножа, блестела, выскакивая за мухой, верхоплавка.

Под самой крышей мельницы была сделана дощатая клетка с открывающимся дном. Через дно этой клетки опускалась вниз толстая веревка, какую, по мнению Алеся, могли свить только богатыри из бабушкиных сказок.

Вот в дверях показывается толстый, пузатый мельник, весь обсыпанный мучной пылью, так что брови его похожи на обындевелые рождественские кусты, и хриповатым голосом вызывает завозников. Один из них бежит наверх, а другой, сняв с воза мешок, перехватывает его веревкой, без нужды громко кричит: «Готово!» — и задирает голову кверху... Веревка натягивается, сначала несколько раз приподнимает мешок и опускает, словно примериваясь, затем быстро уносит его вверх. Мешок плывет, все больше приближаясь к клетке, своими тугими плечами раздвигает половинки дверей, поднимается еще выше, и дверь со стуком закрывается сама.

А около мельницы, в тени ив, идут разговоры. Люди съехались разные, с разных сторон: есть и вовсе ближние, а есть и такие, что прибыли за двадцать и даже за тридцать верст. И чего уж только тут не говорится за самокруткой из махорки, а то, случается, и за бутылкой горилки! И какая цена на рожь в местечке, и почем идут свиньи и кони на базаре, и у кого в хате шалит домовой, и много, много всякого другого... Алесь бегает с места на место, ему интересно все слышать и все видеть. Но вот и день подходит к концу. Отец, который и сам стал чем-то напоминать мельника, тащит по дощатому настилу мешок, потом второй и третий... Конь снова запряжен, и они возвращаются домой. Алесь и теперь вспоминает, как хорошо лежать на мешках свежеразмолотой муки — тепло, как на печи, и запах очень напоминает утро, когда мать печет оладьи. Хорошо помазать их сметаной, а еще лучше потереть кусочком сала!.. Между тем конь, чем ближе к дому, шагает все быстрее, спицы колес начинают сливаться в один серый круг, и тень от телеги тянется до самого леса...

Навсегда, на всю жизнь связаны у Алеся с мельницей самые приятные воспоминания. Теперь он снова сидит около постава. Никого нет. Двор пуст, лениво покачивается на ветерке веревка, внутри мельницы ни звука. И думы его, похожие на падающую с постава струю воды, сливаются с другими. Ему жалко, что нет уже отца, жалко беззаботного детства, которое никогда не вернется. Жаль ему и мельницы, которую он должен сломать. «Ничего не поделаешь,— думает он и припоминает слова деда Никифоровича: «Что прошло — того не вернешь, чего не было — тому быть».— Ничего не поделаешь... У тебя, старуха, золотые, но короткие руки, а у той, что сменит тебя, будут посильнее и подлиннее — они достанут и до «Пергале» и до Приедайне, не говоря уже о Долгом, которое почти рядом... Ничего не поделаешь!» Алесь

пытается представить, какую романтику родит в сердцах нынешних мальчишек то новое, что появляется здесь, какие душевные волнения потянет через всю их дорогу жизнь,— и не может. Ему на мгновение начинает казаться, что он своими руками убивает поэзию и романтику во имя удобства и облегчения жизни, и тут же он ловит себя на мысли, что вот он молод, только окончил институт, а уже и за его душу цепляются старые представления и привычки. Интересно, что в этом смысле чувствовали люди, которые наводили пушки «Авроры» на Зимний дворец и безоглядно рушили и опрокидывали старый мир?

Издалека донесся визг циркульной пилы. Алесь вздохнул и встал: мечты мечтами, а дело делом. На стройке барака шурхали пилы, как дятлы, кланялись бревнам топоры. Ветер крутил и гнал смолистые стружки, похожие на желтую пену. Алесь увидел курчавую голову Йонаса, который пригонял очередной венец на срубе, и поздоровался с ним издали. Ян Лайзан и Никифорович организовали целую столярную мастерскую. На самодельных станках они стругали, иногда сходились вместе, прикидывали, метили доски мелом и снова брались за фуганки и долота. Хотя до отделки барака было далеко, они сбивали двери.

— День добрый ударникам! — приветствовал их Алесь, ощущая при этом и некоторую неловкость: хвалят обычно за работу старшие младших, а не наоборот.— Дела идут, я вижу...

— У нас идут,— не преминул уколоть начальника строительства Ян Лайзан.— А кое у кого и стоят... Барак построим, а станции не будет.

— Почему бы это?

— А потому, что мы уже под крышу подлазим, а у вас еще и проекта нет.

— Это верно, дядя Лайзан... Только вы вот долотами да фуганками орудуете, а к нам машины подойдут. У бульдозера фуганок покрепче будет...

Лайзан предложил Никифоровичу передохнуть:

— Покурим, покоптим небо, чтобы там черти не водились...

Заслышав позади стук колес, Алесь повернулся и увидел литовские подводы с кирпичом. Он поднялся, чтобы идти. Лайзан упрекнул его:

— И не курите и посидеть с нами не хотите... Что значит молодость!

— Не приставай, ему всюду побывать надо,— вступился Никифорович.— Я из-за этого никогда бы в начальники не пошел, не люблю сразу десять дел делать...

Алесю хотелось видеть не столько кирпич, который привезли из «Пергале», сколько тех, кто привез. Втайне он надеялся почти на чудо: а вдруг и Анежка приехала? Он шел к подводам, прислушиваясь, как натужно скрипели тяжело нагруженные возы. Колеса глубоко, по спицы, вязли в песке, втулки пищали, как цыплята: «Циу... циу...» Около переднего воза шагал хмурый Пранас Паречкус. Он недовольно повернулся к Алесю:

— Куда класть, товарищ начальник?

— А сюда, пожалуйста,— показал Алесь, не ожидая такого обращения к нему. «Что ж, придется привыкать!»

— Много подвод? — спросил он, в свою очередь.

— Как видите, девять... Пересчитать нетрудно!... Десятая отстала.

— Почему?

— Это известно!.. Возчик в юбке... Опрокинула воз, теперь пока сложит...

— Почему же не помогли?

— Пусть ей дьявол помогает, балаболке! — буркнул Паречкус и стегнул кнутом лошадь, отъезжая.

Вскоре показалась отставшая подвода. Алесь узнал возчика и сначала разочаровался, а потом, подумав, обрадовался: это была тетка Босилене. Она тоже увидела Алеся и засмеялась:

— Видать, доведется нам породниться, товарищ начальник!.. Видите, как часто встречаемся...

Алесь оглянулся — ему не понравилась эта вольность. Но он и виду не подал, что обиделся, и начал помогать Босилене складывать кирпич в надежде, что та расскажет что-либо интересное. Но та хитренько поглядывала на него и молчала. Она раскраснелась за работой, щеки ее пылали, а волосы растрепались. Кончив работу, Босилене удовлетворенно вздохнула, села и обратилась с приглашением к Алесю:

— Садитесь, товарищ начальник, я разрешаю!

Алесь присел. А та пытливо поглядела на него, засунула руку за вырез кофточки и вытащила синий конверт.

— Танцуйте, товарищ начальник,— поставила она условие.— И хорошо танцуйте, а то не отдам.

— Что вы, тетка Босилене!

— Пляши, говорю...

Алесь начал злиться и опустил глаза.

— Ладно уж, берите,— смилостивилась Босилене.— Учитываю только, что вы начальник,— станете плясать, и вся стройка, глядя на вас, запрыгает... Иначе бы не отвертелись!

Алесь схватил письмо и отошел немного. Он боязливо взглянул в сторону Паречкуса, но того не было видно за возами, а Босилене прилегла на траву отдохнуть и прикрыла глаза рукой от солнца. Алесь быстро разорвал конверт, пожалел, что неосторожно: ведь это было первое ее письмо! Ровно и аккуратно лежали на маленьком листке строчки. Сначала он так разволновался, что не сразу уловил их смысл. «Друже Алесь!» — так начиналось письмо. «Друже...— подумал он.— Значит, все хорошо... Когда с самого начала называют другом, то все, что будет потом, уже не так страшно...» Он еще раз оглядел листок и начал читать по порядку:

«Друже Алесь!

Я очень благодарна Вам за письмо, хотя имела из-за него много неприятностей. Вам, наверное, уже говорила тетка Босилене, что тут у нас произошло. Письмо принес почтальон, когда меня не было дома. Как на беду, сидел у нас в это время Пранас Паречкус, которого я не люблю. Он взял письмо, не постеснялся вскрыть и прочитал моему отцу и матери все, что там было написано, да еще и многое прибавил сверх того. Можете представить, что началось в доме! Мать заплакала, отец со злости разбил тарелку, которая подвернулась под руку. «С кем связалась, с мужиком, с безбожником?!» — кричал он, и мне казалось, что он меня вот-вот ударит. А я твердила только одно: «Отдайте мое письмо...» Когда Паречкус начал меня дразнить им, я вырвала его из рук и сказала ему: «Вы дрянь!»

Вот уже который день, как родители со мной не разговаривают. А проклятый Паречкус не спускает с меня глаз. Это письмо я вынуждена писать на работе... Простите, что пишу нескладно, у меня и сейчас болит сердце от неприятностей и горя. Родителей своих я люблю, мне жалко их, а этот Паречкус, помоему, несчастье для нашего дома... Так мне тяжело, что порой хочется убежать куда-нибудь, чтобы только ничего этого не видеть... А может, родители мои правы и все это девичьи выдумки.

А вы, Алесь, свое обещание забыли. Помните, говорили, что будете приходить в «Пергале»? А вас и не слыхать.

Анежка».

Алесь почувствовал себя виноватым. В самом деле, всегда была возможность пойти туда, а он закрутился в хлопотах и позабыл об этом. Между тем разве не намекает сама девушка об этой встрече?

— Ну что, подходит? — спросила Босилене, которая хотя и лежала, прикрыв глаза, но, тем не менее, наблюдала за Алесем.

— Тише,— попросил ее Алесь.— И никому не говорите об этом.

— А чего ты боишься, начальник?

— Длинных языков... У нас их больше, чем надо!

— Подумаешь!.. Я бы на твоем месте ни на кого и внимания не обращала.

— Все-таки лучше потише.

— Так что, и Анежке ничего не передавать?

— Наоборот,— покраснел Алесь.— Большое, большое спасибо ей передайте. И скажите, что мы просим ее приехать в наш клуб...

— А может, и меня пригласишь, а?

— Это само собой разумеется, тетка Босилене...

— Да какая я тебе тетка в конце концов? — обиделась Босилене.— Мне с такими, как ты, еще не совестно и под ручку ходить...

Алесь смутился:

— Простите, я совсем не то хотел сказать, тетка Босилене...

— Опять тетка!

— Я хотел сказать, что вам и приходить не понадобится...

— Почему ж это? Может быть, ты меня приносить будешь? Если Анежка разрешит, я согласна...

— Да нет... Мешкялис говорил, что назначит вас поварихой на строительство.

— Ну? И ты согласен?

— У меня этого не спросят, но я не возражаю.

Босилене расплылась в довольной улыбке. Она любила готовить и научилась этому давно, когда еще жила прислугой у одного литовского панка. Сама пани, какой ни была привередливой, чистосердечно завидовала умению прислуги и хвалила ее. А Босилене похвалу очень любила! Она уже представляла, как теперь будут ей говорить спасибо добрые люди и как станет она тоже командовать большим и шумным хозяйством.

— Тебе первому таких оладьев напеку, товарищ начальник, что и не поверишь, будто такие бывают! — пообещала она.— И каравай на свадьбу приготовлю, хочешь?

— Ну, пока там каравай!..

— Все от меня зависит... Захочу — и сосватаю и каравай испеку... Я тебе покажу, какая я тетка!.. А что Анежке передавать?

— Я уже сказал... И большое спасибо и привет.

— Очень уж ты робок, товарищ начальник, смотри, как бы тебе при таком характере не провалить и строительство и свадьбу... Я ее поцелую,— усмехнулась Босилене.— Если сойдет хорошо, скажу, что по твоей просьбе, а если нет, на себя возьму!..

Алесь находился весь во власти этой нечаянной радости. Письмо хоть и не объясняло всего, но по тому, как было оно написано, чувствовалось, что он для девушки не безразличен. Тяжело было сознавать только, что так неладно у нее получается с родителями, тем более, что виноват в этом был он. Но что за характер у этой тихой и очаровательной девушки, какая твердость и решительность!..

Ему захотелось увидеть Анежку. «Может быть, она тоже работает на канале?» — пришло ему в голову. Забежав домой, он достал из печи горшок со щами, перекусил на ходу и на всякий случай переменил рубашку. Не забыл он прихватить и тот зеленый поясок, который купил в Минске: может быть, удастся передать? Подарок был дешевый, он это сознавал, на другой у него не хватило бы и денег, но он надеялся, что девушка все поймет: это был поясок как раз к тому платью, в котором он увидел ее в первый раз.

На колхозном дворе Алесь оседлал буланого жеребчика, которого выделил ему Захар Рудак для разъездов по различным делам. За последнее время он начал отвыкать от велосипеда, тем более, что на нем не всюду проедешь... Вскочив в седло, поехал прямо через рыжее жнивье. Низенькие хаты «Пергале», разбросанные по холмикам, в отсветах солнца поблескивали окнами, словно всматривались друг в друга, а поодаль в окружении столетних лип стоял навытяжку костел, словно нес караул и присматривал за всем в округе. Казалось, что за крест его зацепилось маленькое белое облачко. Алесь разозлился: цепляется за все на земле, цепляется в небе!.. И одновременно вспомнил маленький серебряный крестик на шее Анежки.

«Неужели она и вправду верит всему этому?» — огорчился он.

И если бы он смог проникнуть взглядом сквозь красные кирпичные стены костела, он бы, видимо, перестал сомневаться в этом. Анежка стояла на коленях перед распятием и горячо молилась. В костеле, кроме старосты, никого не было, холодная тишина и серый полумрак стояли вокруг. Некоей таинственностью веяло от ликов и фигур святых, вырезанных из дерева искусными мастерами. Потемневшие и пожелтевшие от времени, они, казалось, озабоченно и даже осуждающе поглядывали на молодую девушку, словно

судьи на преступника, опасного, но, может быть, достойного сожаления.

— Ангел господень!.. Матка боска! — шептала Анежка, впиваясь взглядом в лицо девы Марии, которая прижимала к груди своего сына.

Анежке вспомнилась мать, и слезы набежали на ее глаза. «Зачем я обижаю старую? Разве не она носила меня у сердца, как эта матерь божия, почему же я поступаю ей наперекор?» Святой Боболий чем-то напоминал ей отца, и она, хотя уже с меньшей горячностью, подумала: может быть, следовало пожалеть и его? Ведь он тоже хотел ей добра...

Так, в тяжком раскаянии, повторяя известные с детства слова молитвы, стояла она, сама похожая на скорбное изваяние. На каменном полу послышались шаги, и она поняла, что это пришел пан клебонас Казимерас.

Анежка не прервала молитвы. Ей казалось, что на душе у нее становится спокойнее, но в то же время и обида не покидала ее. «Ну, хорошо, я столько беспокоюсь, чтобы было хорошо отцу и матери, а почему они не думают обо мне? Почему они не догадаются, что делается у меня в душе? Почему они так плохо относятся к Алесю? Чем он хуже тех, которые ходят в костел? Он же такой хороший и разумный!.. Но нет, нет, надо слушаться родителей, хотя бы для этого пришлось пожертвовать самым большим своим счастьем!..» Она старалась отогнать думы об Алесе, но это ей уже не удавалось. Наоборот, его веселые глаза, его русая голова начинали ей видеться повсюду, куда бы она ни посмотрела.

Почувствовав, что клебонас ходит поблизости, Анежка встала и, опечаленная, подошла к нему.

— Я хочу исповедаться, отец Казимерас! — попросила она, и глаза ее наполнились слезами.

Клебонас молча прошел в исповедальню и, закрыв за собой дверь, приник к маленькому оконцу, через которое люди, как письма через почтовый ящик, пересылали свои покаяния богу.

— В чем согрешила, дитя? — спросил клебонас Казимерас, и на его остром, похожем на облупленное яйцо, бледном и вялом лице забегали маленькие, хитрые глазки. Он знал все, что делалось в семье Пашкевичусов, и не был удивлен, а лишь заинтересован.

— Полюбила... отец Казимерас, — с трудом выдавила из себя признание Анежка.

— Кого полюбила, дитя? — допытывался за стеной клебонас.

— Одного хлопца...

— Знаю, что хлопца, но какого?

— Боюсь даже сказать...

— Не бойся бога, дитя! Бог все равно читает твою душу, как открытую книгу.

— Алеся Иванюту, пан клебонас...

— Что?..

Анежка даже вздрогнула от резкого тона, каким была сказана последняя фраза. И эта резкость была неожиданной для самого пана клебонаса: он знал, что Алесь Иванюта ухаживает за Анежкой и даже написал письмо, но все же и представить не мог, что девушка тоже полюбит.

— Начальника из Долгого? — переспросил, все еще как бы не веря себе, пан клебонас.

— Да, пане клебонас, — дрожащим голосом подтвердила Анежка.

— Так... А ты ведаешь ли о том, что он не нашей веры?

— Знаю...

— А ты знаешь ли, что он совсем безбожник?

— Нет!

— Так знай же, знай!.. Он не верит в господа бога нашего, и душа его покрыта мраком, а на том свете уже горят для него огни и кипит смола... Выкинь его совсем из головы!.. Слушайся отца и матери, как завещал нам всевышний наш... Не разбивай родительского сердца! Ты была на пороге пекла, дитя мое!.. Иди же и молись, проси у матери божией прощения и забвения... Аминь!.. Аминь!.. — И клебонас Казимерас раздраженно захлопнул перед лицом Анежки дверцу исповедальни.

Анежка вышла из костела встревоженная и опечаленная. Сумрак костела и суровые слова клебонаса камнем легли на ее душу.

А между тем ласковые лучи осеннего солнца обняли ее всю, как только она вышла за ограду. Она огляделась: светло и радостно все вокруг, желтеющие листья лип бронзовой стеной отгородили ее от сумрака костела. Со стороны речки Погулянки доносился гул голосов, и Анежка вспомнила, что сегодня молодежь колхоза вышла на стройку канала. Зосите приглашала и ее, но она отговорилась тем, что больна, и пошла в костел.

На перекрестке Анежка остановилась. Куда идти? Домой, под осуждающие взгляды родителей, или туда, к Зосите? Суровые слова клебонаса и осуждающие взгляды мучеников приказывали ей покориться. «Может, и в самом деле пойти к матери, припасть головой к ее груди и плакать, плакать? — колебалась она. — Может, она поймет, если рассказать обо всем, что делается на сердце?». И так живо она представила ласку материнского взгляда и натруженных рук, что, пожалуй, подчинилась бы этому порыву, но перед ее глазами возникло злое лицо Паречкуса с понурым и подозрительным взглядом. Она снова заколебалась, а когда с канала донеслась тихая, но такая близкая сердцу мелодия песни, она повернулась и пошла на голоса.

На скошенном лугу, который развернулся перед ней, стояли стога. Воздух был так тих и недвижим, что тонкая паутинка, проплывавшая через дорогу, казалась висящей на одном месте. Вся окрестность выглядела так, словно в этот ясный, солнечный день «бабьего лета» решила никогда не разлучаться с теплом и покоем. И все-таки в шорохе пожелтевшей листвы Анежке как бы слышался совет: «Спеши, это последние прекрасные дни этого года, а там придут темные ночи и холодные ветры»...

Постепенно настроение, которое было у девушки в костеле, начало рассеиваться. Одна обида не давала ей покоя: почему родители так плохо относятся к Алесю? Разве он чужой человек здесь? Он же не хуже их ни лицом, ни душой! Вот только что безбожник, как сказал пан клебонас... Это снова смутило ее, но тут же она постаралась подыскать оправдание: он ничуть не хуже дядьки Пранаса, который даже и спит с молитвенником, не вылазит из костела... «Ох, нет, нет, — спохватилась она, — так грех думать!»

Подходя к Погулянке, Анежка заметила, что работа идет очень дружно. В воздухе все время, как чайки над озером, поблескивали лопаты, и уже чернели первые сажени нового русла. Поблизости, на лугу, пасся оседланный буланый конек. Анежка удивилась: чей бы это мог быть?! В «Пергале» она такого не видела. А когда подошла совсем близко, краска залила ее лицо и дыхание перехватило: рядом с Юозасом Мешкялисом, который стоял, опираясь на лопату, узнала Алеся... Она так растерялась, что не знала, как выйти из положения, но выручила Зосите:

— И ты к нам, Анежка? Поправилась?

— Поправилась, — постаралась как можно спокойнее ответить Анежка, и ей вправду показалось, что настроение, угнетавшее ее с самого утра, отошло куда-то далеко в сторону. Она поспешно взялась за лопату — для того, чтобы не сразу остаться с глазу на глаз с Алесем.

— Нет, подожди, — остановила ее Зосите. — Ты сегодня такая бледная, видно, поправилась, да не совсем... Успеешь еще наработаться! — сочувствовала ей приятельница, не подозревая, отчего то бледнеет, то вспыхивает краской лицо Анежки.

А ту и вовсе кинуло в холод, когда она увидела, что Алесь направился прямо к ней.

Если бы кто-нибудь глянул в душу Алеся, то увидел бы, что в ней творилась сумятица не меньшая, чем у девушки. Но он учился владеть собой, чему немало способствовало сознание того, что он начальник строительства. Только очень уж опытный человек мог бы прочитать на его лице отражение сердечных тревог.

— День добрый, Анежка! — поздоровался он, протягивая ей руку. — А я тоже удивился, почему вас нет...

— Спасибо за память, — ответила девушка и замолчала, ощущая резкие, почти до боли толчки сердца.

Солдат литовской дивизии Юозас Мешкялис, заметив, что разговор у молодых не клеится, воткнул лопату в землю и подошел на выручку.

— Вы не подумайте, товарищ Иванюта, что она у нас лентяйка, она сегодня прихворнула немного.

И Анежке пришлось окончательно примириться с версией о ее болезни, хотя это ей было и крайне неприятно в присутствии Алеся.

— У меня есть просьба, и в первую очередь к вам, товарищ Мешкялис, — пустился на хитрость Алесь, — дайте сегодня Анежке задание, которое, может быть, окажется ей больше по силам.

— Какое? — заинтересовалась Зосите.

— Говори ясней, — попросил Мешкялис.

— А вот какое... Пусть она приходит попеть в нашем хоре... Все равно нам придется этим заниматься: без песни не строительство...

— Правду говорите, — поддержала Зосите. — Она у нас по этой части первая мастерица!

— Я просил бы вас придти к нам сегодня, — обратился Алесь к Анежке. — Ярошка уже все глаза проглядел, ожидая вас, а сегодня у него как раз репетиция.

— Что вы!.. Что вы!.. Нет, я никак не могу! — отказывалась Анежка, хотя, по правде сказать, ей хотелось побыть с глазу на глаз с Алесем.

Она уже не думала ни о том, что он безбожник, ни о том, что он начальник строительства, а только подчинялась властному велению сердца.

— Надо бы и в самом деле сходить, Анежка, — поддержал Мешкялис. — Я, кроме военных, и песен никогда не пел, но дело-то это, кажется, хорошее.

— Сходи, сестрица! И мне роль подберешь, — пошутила Зосите, и это навело на шутку Анежку:

— Да как же мы пойдем, если пеший конному не товарищ?

— Для вас я всегда пеший,— ответил Алесь и почувствовал, что краснеет.

И Анежка согласилась. Вскоре они шли в сторону Долгого по песчаной дороге над озером. Буланого Алесь вел в поводу. Обоим хотелось сказать очень многое, но слов нужных не находилось. Алесю жег руку поясок, который лежал в кармане: его надо было передать, но он не знал, как к этому подойти. Он попробовал завести разговор о спектакле, который готовил Ярошка, но оказалось, что об этом он слишком мало знал. Пробовал он и рассказывать, что делается на строительстве, но почувствовал, что это ни к селу, ни к городу, да еще и выходило, будто он рисуется своей ролью начальника. И тогда он набрался смелости, чтобы приступить к главному, что его интересовало. Правда, и тут он начал несколько издалека.

— Вы не видели вчера тетку Василене? — спросил он.

— Когда? — застеснялась девушка.

— После полудня.

— Нет! — ответила она, не понимая, почему не говорит он о письме, которое она ему передала.

Эта же самая мысль пришла в голову Алесю, и он, расхрабрившись, взяв девушку за руку, сказал:

— От всего сердца благодарю вас за добрые слова.

Анежка спокойно, но решительно высвободила руку и пошла несколько в сторонке. Это немного смутило Алеся, но он уже не хотел и не мог отступать.

— Я вам доставил столько неприятностей своим письмом... Если можно, простите!

— Как сказать,— наклонила голову девушка.— Горького в самом деле было много.

Алесю хотелось услышать от нее хоть одно слово признания в том, что ей все-таки было и приятно получить письмо от него из Минска, но она молчала, и это делало его совершенно беспомощным. Бледное, озабоченное лицо девушки никак не свидетельствовало, что она испытывает удовлетворение от разговора с ним. «Рисковать, так всем сразу!» — подумал Алесь и, вспомнив насмешливые слова Василене о том, что при такой робости можно провалить и строительство и свадьбу, остановился, достал из кармана зеленый поясок и протянул его девушке:

— Видите, я в Минске задумал для вас и еще одну неприятность.

— Что это? — вспыхнула девушка.

— Подарок... На память.

— Что вы! — растерянно воскликнула Анежка и даже на мгновение закрыла лицо руками.

Алесь не опускал руки, и лицо его погрустнело:

— Значит, вы ни разу не подумали обо мне, если обижаетесь даже за этот пустяк...

— Что вы! — еще раз воскликнула Анежка и в самом деле испугалась, что обидела его. Решив быть помягче, продолжала: — Большое спасибо, мне очень приятно, но, сказать вам по правде, я...

— Боитесь? — договорил за нее Алесь.

Анежка несмело взяла поясок и, разглядывая его, все еще встревоженная, согласилась:

— Немного боюсь... Зачем вам надо было это делать? Что́ я скажу дома?

— Скажите, что купили в Долгом...

— Ой, обманывать я не умею!

— Выходит, я учу вас дурному?

— Нет, я не говорю этого...

— Тогда спрячьте до времени.

— Разве что так,— успокоилась наконец она и положила поясок в карман платья.

Подарок ей очень понравился, но она не отважилась признаться в этом Алесю. А еще больше ее занимала мысль, что она скажет, если, чего доброго, подарок обнаружат дома. Это разволновало ее. Она молчаливо шагала рядом с Алесем, и тревога ее все росла. Подарок подарком, о нем еще никому не известно, а как посмотрят дома на то, что она без позволения пошла в Долгое? Вспомнилось ей и суровое лицо клебонаса Казимераса, который советовал слушаться и почитать родителей. Ей стало так боязно, что она остановилась.

— Что с вами? Устали? — посочувствовал Алесь.

— Нет... Я пойду домой...

— Как же это так? — удивился Алесь.— Вас же сам председатель колхоза послал!

— Это так, но я ничего не сказала дома...

— Вы же в письме писали, что не согласны с отцом!

— Мне очень не хочется гневить его.

— Выходит, что вам от меня кругом одни неприятности? — допытывался Алесь.

— Я не говорю этого, но я должна быть дома...

Анежка прижала руки к груди, и в этот момент из-под выреза кофточки блеснула головка знакомого Алесю серебряного крестика. И ему вдруг по странной ассоциации, которая порой прорезает человеческое сознание, как молния, показалось, что на него через край кофточки глянула змея, вот-вот готовая ужалить его в самое сердце.

— Хорошо! — глухо уронил он и, не находя больше слов от беспомощной злости и обиды, повернулся, вскочил на коня и, стукнув каблуками в бока, напрямик через поле помчался в село.

Он летел, не глядя на землю, и сам не понимал, что творится с ним. Были минуты, когда ему хотелось остановиться и повернуть назад, даже хотя бы только обернуться, но он не сделал этого, не смог побороть своего внезапного ожесточения.

Анежка стояла, остолбеневшая от неожиданности, смотрела вслед Алесю, и из глаз ее на дорогу падали слезинки. Она вынула из кармана поясок, еще раз посмотрела на него. Невольно глаза ее заметили одну каплю росы на порыжевшем стебле, и ей стало больно: «Так вот и мои слезы не высушит солнце...» Завернув подарок и снова спрятав его в карман, она вздохнула. Увидев, что Алесь уже скрылся за рощей, нехотя повернулась и, едва ступая от внезапно нахлынувшей усталости, пошла домой...

Лишь около самого озера Алесь придержал коня и поехал шагом. До него наконец в полной мере дошло все случившееся, и он огорчился: «Плохо, что я так обидел Анежку, наверное, ей тоже тяжело...» Но возвращаться уже не имело смысла. А когда он увидел, как хлопочут и трудятся люди на строительстве барака, ему стало стыдно: «К лицу ли, когда поручена такая огромная работа, заниматься мне самокопанием? Что я, в конце концов, нашел в этой девушке? Слепая покорность костелу, страх перед всем новым. Разве такой мне нужен товарищ и друг?..»

В правлении, куда приехал Алесь, никого не было. Но не успел он сесть за стол и собраться с мыслями, как дверь скрипнула, раскрылась и вошел Езуп Юрканс. Толстенький, с одутловатым лицом, он некоторое время молча стоял у порога, удивленный неожиданной встречей, но потом пошел к столу:

— Я к вам, товарищ начальник.

— А зачем я вам?! — удивился Алесь.

— Да, по совести говоря, я Лайзана ищу,— поправился Юркане.

— Лайзан живет у своего приятеля Гаманька,— объяснил Алесь и поинтересовался: — А зачем это он так срочно потребовался?

— Каспар послал, наказал, чтобы я его привез безотлагательно.

— Что же там случилось?

— Да, видно, Австра помирает,— равнодушно сказал Езуп.

Обычно поражает только смерть внезапная, а уход человека, долго и мучительно болевшего, воспринимается как естественная развязка. Но Алесь знал, что Каспар, этот серьезный и сдержанный человек, остается один с малыми детьми, и это глубоко опечалило его. Он облокотился о стол, охватил голову руками — горе, которое обрушилось на дом Каспара Крумина, пересилило его собственную боль и ощущение одиночества после того, как он повернул в поле коня и оставил Анежку одну на дороге...

Авторизованный перевод с белорусского Николая ГРИБАЧЕВА.

Друзьям-сослуживцам

Александр СМЕРДОВ

Пусть года́ и намекнули снова,
Что в запас уйти подходит срок,—
Не хочу покоя отпускного
От солдатских тягот и тревог!..

К боевой побудке при любой погоде
С молодости мне не привыкать.
Жить хочу и дальше, как в походе,
По плечу еще любая кладь.

Признаюсь: порой в пути хотелось,
Запалясь одышкой, в тень прилечь,
Скатку и винтовку с запотелых,
На часок с потертых скинуть плеч.

И не раз слыхал упрек суровый
Сослуживцев: коль тебе дано,
Как оружье, боевое слово,—
Безотказно действовать должно!..

Но в одном не грешен: если грозен
Бой бывал, тяжелый звал поход,
Не искал приюта я в обозе,
Не спасался под укрытьем льгот.

И сейчас, хотя уж за плечами
Череда отслуженных годов,
С вами я, друзья-однополчане,
В марш ли, на ученье ли — готов!..

Может, и не доведется в бой мне
И с учета буду скоро снят,
Но хочу патроном быть в обойме
И хочу и впредь нести наряд!

ЗИМА НА ЦЕЛИНЕ

О. КНОРРИНГ

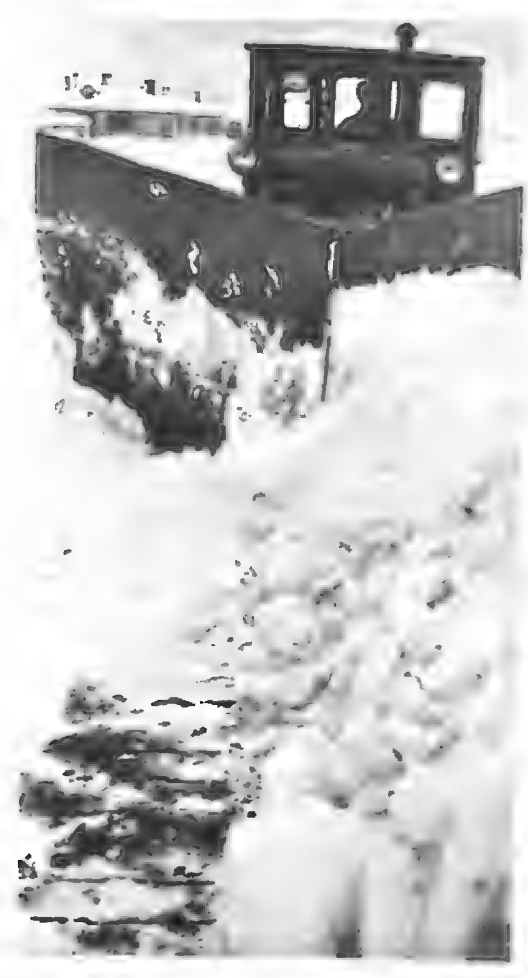
Целинные земли покрылись белой пеленой. Неутомимый степной ветер засыпал снегом дороги и намел около домов высокие сугробы. Как и всюду, в Чаганском зерносовхозе, Западно-Казахстанской области, давно отшумели напряженные дни уборки урожая, закончены последние полевые работы. На улицах безлюдно. Изредка покажется одинокая фигура пешехода или, ныряя в снежных ухабах, медленно проедет запорошенная грузовая машина.

Но внешнее впечатление обманчиво. С раннего утра до позднего вечера на фермах и в мастерских совхоза продолжается напряженная работа.

Метель не дает передышки. Ежедневно мощные снегоочистители разгребают снег на дорогах и улицах совхозного поселка, иначе здесь не проедешь, не пройдешь. В ближайшее время эта борьба со снегом сменится борьбой за снег: на полях начнутся работы по снегозадержанию.

Трактористы говорят: «Мы заняты круглый год. Летом пахота черная — пашем землю, а зимой пахота белая — пашем снег».

Часто метель делает дороги настолько непроходимыми, что самым верным средством сообщения между отделениями и центральной усадьбой становятся «вездеходные лошадки».

Работа взрослых увлекает и самых юных целинников, им тоже не страшны морозы и вьюги

— Папа, подожди! Я сейчас тебя догоню, только заведу свой автомобиль.

В столовой питаются главным образом холостяки. Повар А. А. Ситникова спешит с приготовлением обеда. Скоро придут ребята, а они после работы на отсутствие аппетита отнюдь не жалуются.

Совхоз готовится к предстоящему весеннему севу. Семена тщательно очищают и сортируют.

По вечерам молодежь собирается в клубе. Поют, танцуют, смотрят фильмы. Много забот у кружков самодеятельности: скоро концерт. В клубе, правда, тесновато, но тепло и уютно.

КИТОБОИ КУРИ

Ю. ВОРОБЬЕВ

→

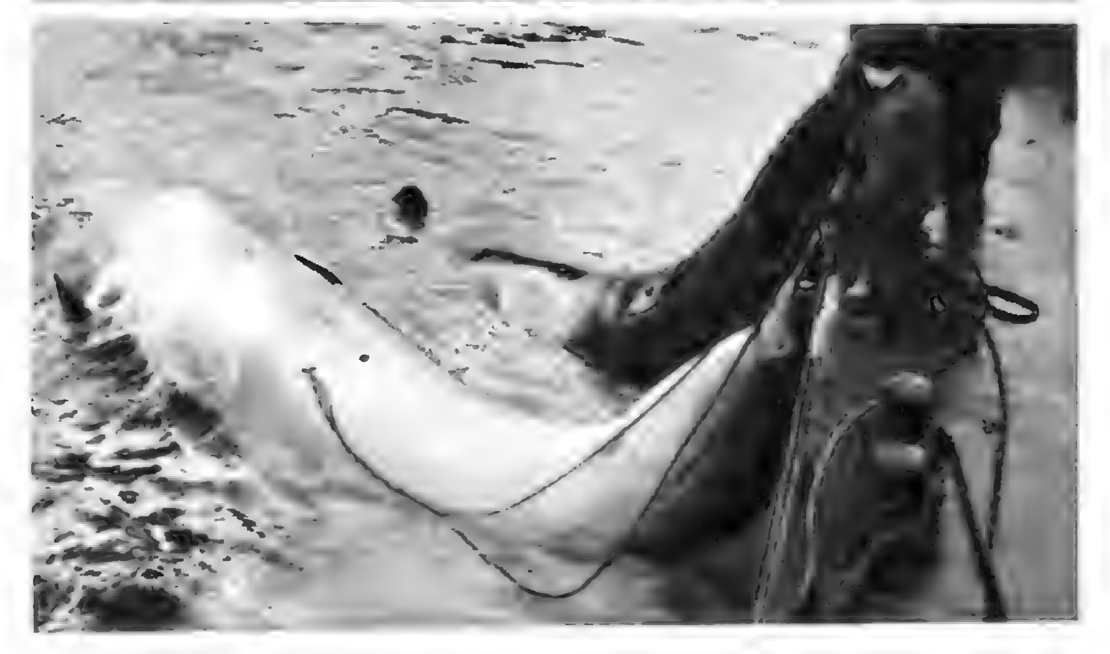
На просторах Тихого океана близ скалистых островов Курильской гряды ведут промысел советские китобои.

С палубы судна-китобойца «Буран» моряки напряженно вглядываются вдаль. Вот над безбрежной морской равниной показались фонтаны, и скоро невооруженным глазом можно рассмотреть огромных китов, мелькающих меж волнами.

К ним устремляется судно-китобоец «Буран», вооруженное гарпунной пушкой. Меткий выстрел — и стальной гарпун с гранатой поражает кита. Граната взрывается в теле животного.

Теперь кит на лине — крепком канате, к которому прикреплен гарпун. Линь подтягивают к борту и все ближе подводят к судну тушу убитого кита.

Моряки накачивают тушу воздухом, чтобы не утонула, прикрепляют к ней буй с флажком, и судно-китобоец вновь уходит в погоню стадом китов.

За тушами убитых китов выходит катер с китобойного комбината «Скалистый», расположенного на острове Симушир. Сюда, в окруженную скалами бухту, убитых китов надо доставить не позднее чем через 20 часов после убоя. Иначе качество китового мяса и жира заметно ухудшится.

И команды катеров стараются скорее доставить добычу в бухту к наклонному слипу. По этому слипу с помощью лебедок туши китов поднимают на разделочную площадку комбината.

...ЛЬСКОЙ ГРЯДЫ

→

Тут вступают в действие многочисленные крючья, ножи, пилы. Сначала от туши отделяют поверхностный слой кожи и жира. Потом распиливают скелет, разрубают мясо. Из него будут изготовлены вкусные, питательные китовые консервы.

Тщательно разделывается голова кашалота. В ней содержится спермацет — ценнейшее вещество, служащее сырьем для парфюмерной промышленности. Белые «мешки», содержащие спермацет, отделяются от головы кашалота. Затем их будут обрабатывать в специальных котлах.

→

В каждой китовой туше десятки тонн мяса, жира и других полезных продуктов. Сотни китовых туш перерабатывает комбинат «Скалистый» в течение года. В цистернах хранится растопленный китовый жир. Его вывозят с Курильских островов на морских судах — танкерах.

В коллективе комбината «Скалистый» немало знатоков китобойного промысла, ветеранов службы на морях Дальнего Востока. В числе их директор комбината Андрей Васильевич Гордейчук, награжденный недавно орденом Ленина, и один из лучших бригадиров по разделке китовых туш Аксентий Петрович Пшеничный.

ПЯТЬ ДНЕЙ НА ХАЙНАНИ

Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ

Заметки фотокорреспондента

Сильная гроза задержала вылет самолета. Мы сидим в маленьком помещении аэропорта города Чжаньцзян и ждем, когда ветер сгонит тучи с неба и прекратится ливень.

Цель нашего полета — остров Хайнань. Второй по величине (после Тайваня) остров Китая, он является самой его южной частью.

— А часто бывают дожди на острове? — спрашиваю я соседа.

— У нас всегда солнце, — видимо, из сочувствия к моей профессии отвечает В. Т. Клочков.

С В. Т. Клочковым, кандидатом геологоминералогических наук, мы познакомились в Кантоне. Он работает уже около года на хайнаньском руднике, а сейчас возвращается из командировки.

— Правда, уже месяц, как я не был дома. Возможно, и климат изменился,— добавляет он с улыбкой.

Он не оговорился, именно «дома». Клочков, как мы сразу почувствовали, влюблен в Хайнань, в его тропическую природу, людей, которые героически боролись в партизанских отрядах во время оккупации, людей, которые, освободив остров, заняты теперь большой созидательной работой.

Он много ездил по острову, много видел и много знает. С особым воодушевлением рассказывает он о работе на руднике, о шахтерах и геологах.

— Обязательно приезжайте на наш рудник. Вам это будет по дороге. Всего сто километров от Хайкоу.

...Объявлена посадка. Над аэродромом яркое солнце, грозы как будто и не было. Только от нашего «Дугласа» идет пар, как зимой от уставшей лошади.

Остался позади полуостров с трудным названием Лэйчжоубаньдао. Потом кабина наполнилась солнечными зайчиками. Они резвились, пока самолет пролетал над Хайнаньским проливом. Минут десять — пятнадцать — и уже выпущены шасси. Идем на посадку в Хайкоу. Это самый большой город и порт острова Хайнань.

Утро. Еще «прохладно», только 25 градусов по Цельсию. Местные товарищи, которые вчера помогли разработать маршрут нашего путешествия, любезно согласились разделить с нами трудности пятидневной автомобильной поездки.

Вот и первая встреча. Девушки стояли на дороге и махали руками. Машина остановилась, а они все еще продолжают размахивать, что-то хором выкрикивая.

— Девушки просят подвезти их до своего отряда,— сказал мой друг и переводчик товарищ Чу.

Довольные Дэн и У — так звали девушек, — перебивая друг друга, рассказывают о своих делах.

Около трех тысяч молодых добровольцев приехало с материка на остров. Приехали, чтобы осваивать целинные земли, строиться и поселиться на острове.

— Как у вас в Союзе, — говорит Дэн. — Мы о вашей целине читали в журнале.

Отряд, в котором работают девушки, прибыл недавно. Их двести три человека. Они все из Кантона. Большинство — учащиеся, но есть уже умеющие водить тракторы, строить, варить. Есть даже парикмахеры.

— Мы подняли около тысячи му,— замечает У.

Девушки не без гордости рассказывают, что готовят пищу из овощей, которые сами вырастили и убрали.

— К нам приезжала «утешительная делегация», — продолжают они и, видя, что я не понимаю, поясняют: — Это так в шутку называют у нас делегации с материка, составленные из представителей различных слоев населения. Они привезли много подарков, посмотрели, как мы живем, рассказали нам, как дела в Кантоне, и выразили благодарность за работу.

— Утешать нас не надо, живем мы весело и дружно,— добавляет Дэн,— ну, а подарки, конечно, очень приятно получать.

Сегодня у девушек выходной день. Они ездили к бойцам Народно-освободительной армии, чтобы пригласить их на концерт самодеятельности.

Вскоре мы подъехали к отряду. Палатки и обязательная во всех уголках Китая баскетбольная площадка... Тракторист (его зовут Чжэн Дэ-сиян, сообщили девушки), используя трактор как трибуну, проводит разъяснительную работу среди крестьян.

Прощаемся и трогаемся дальше.

Дэн и У просят их подвезти.

Китайская Народная Республика. Остров Хайнань. Молодые строители дорог.

«Огонек».

Тракторист Чжэн Дэ-сиян рассказывает крестьянам о подъеме целины.

Город Тунши — центр автономного национального района, где живут народности мяо и ли. На снимке: женщины и девушки (народность ли) пришли за покупками.

Горный хрусталь, добытый на руднике Янзяолин, рассматривают директо рудника Цзон, переводчик Ван Хуа-ин и советский специалист К. И. Яфаро

← Черные утки.

Член сельскохозяйственного кооператива Ван Бу-цзе.

Рыбачка Чжэн Я-жун — член рыболовецкого кооператива волости Нанхай.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

— Вот и рудник, — произнес наш шофер Хэ и показал на гору, неожиданно заслонившую горизонт.

...Мы въехали на единственную улицу шахтерского поселка, она заполнена людьми. Видно, как с горы, где находится рудник, по многочисленным тропинкам спускаются шахтеры. Цепочки людей, как ручейки, вливаются на улицу, образуя поток, который тут же растекается по домам.

Шахтеры шли в столовые, магазины или домой. Было время обеда.

Директора рудника товарища Цзона мы встретили на складе. Он с группой рабочих рассматривал друзу горного хрусталя. Мы познакомились и попросили его рассказать о руднике.

— Вот эта друза добыта на руднике Янзяолин — так называется эта гора,— начал товарищ Цзон.— С древних времен в Китае добывался этот минерал, который шел на изготовление стекол для очков, печаток, разных безделушек и ювелирных изделий. Местные крестьяне уже много лет собирали хрусталь, но не знали, как велико его значение. Во время японской оккупации тут начали добывать эту разновидность кварца, но добыча велась хищническим способом. Отвалы земли, которые остались от этой добычи, содержат так много хрусталя, что теперь мы их будем перерабатывать.

Кварц — ценнейшее промышленное сырье, необходимое для развития промышленности нашей республики и братских стран.

Несколько десятков километров до подножия гор, которые видны впереди, машина идет по равнине. Потом начинается тяжелый подъем. Разрезанные горы, у которых отвоевано место для дороги, напоминают о трудностях и героизме строителей шоссе. Дорога поднимается все выше и выше. Становится холодно. На перевале остановка. Отсюда уже виден городок Тунши — центр автономного района, где живут народности ли и мяо.

В горах трудно определить расстояние. Казалось, что час — полтора — и будем на месте, а добрались, когда стало совершенно темно. На площади перед гостиницей уже начали показывать кинофильм, но кругом, как светлячки, вспыхивали и двигались огоньки карманных фонариков опоздавших зрителей.

На экране Ленин. Что-то символическое в том, что в знакомой, много раз виденной картине Ильич говорит по-китайски. Зрители с неослабевающим вниманием следят за событиями Великой Октябрьской социалистической революции. Кругом тишина. Только вдруг налетит ветерок, подхватит слово Ленина и унесет в горы, чтобы и там поведать об Октябре...

...С утра идет дождь. Это очень плохо, так как фотографировать хочется буквально все, что видишь. Вчера после кино Чэн Сидэ — заместитель председателя народного комитета — очень подробно рассказал о судьбах народностей ли и мяо.

Это была длинная и страшная история об истреблении малых народов. Менялись правители, но оставалась неизменной политика преследования. Племена ли и мяо сгоняли с земли, и они вынуждены были уходить все выше и выше в горы, где умирали от голода или гибли от чумы, холеры, оспы...

Товарищ Чэн сам из народности мяо и очень хорошо знает эту историю. Он с волнением говорит о колоссальных изменениях в жизни ли и мяо при народной власти.

Несмотря на дождь, отправляемся в город, чтобы все посмотреть.

Вот ряд одноэтажных белых зданий — Педагогическое училище. В нем учатся 553 студента. Эти девушки и парни из народностей ли и мяо будут учителями в начальных и средних школах, в которых уже сейчас учится свыше 50 тысяч школьников.

В больнице много женщин с детьми. Мы заходим в кабинет детского врача вместе с Су Я-и — женщиной из народности ли. Пока врач Лин Ши-чуань осматривает ее ребенка, директор больницы рассказывает:

— Раньше, до освобождения, смертность детей среди народностей ли и мяо доходила до 82 процентов, а теперь — только 5 процентов. Пришлось много поработать, чтобы такая женщина, как Су, решилась прийти в больницу.

В универмаге большая группа женщин и девушек народности ли. Они увлечены выбором ткани.

Дождь усиливается. Нам советуют немедленно ехать дальше, иначе дороги испортятся и мы застрянем здесь на длительное время...

Полдня гнали мы машину на юг в надежде увидеть солнце. Все напрасно. Совершенно промокшие добрались до рыболовецкого кооператива волости Нанхай. Все рыбацкие шаланды стояли в бухте на якорях. В море шторм. Прощайте, поездка в море, эффектные кадры лова рыбы, сетей, наполненных добычей!

Отправляемся дальше, в уездный городок Яйсань.

Когда утром Хэ увидел, что опять идет дождь, он сказал:

— Будут еще бóльшие неприятности у нас в дороге.

И он оказался прав.

Уже начинает смеркаться, а мы за весь день не проехали и пятидесяти километров. Вдруг дорога вообще ушла под воду. Дождь и горные потоки переполнили реки, вода вышла из берегов, затопив поля и дороги. Что делать?

Нас приглашают на усадьбу каучукового госхоза. Здесь собралось уже много машин: рейсовые автобусы, легковые и грузовые автомобили — всех загнало сюда бездорожье.

Сегодня в госхозе вечер отдыха. Парторг попросил выступить перед рабочими с рассказом о Советском Союзе.

Когда прекратился дождь и на площадку вынесли скамейки, их быстро заполнили люди. Чу предложил:

— Задавайте вопросы.

Вопросы сыпались, как из рога изобилия. Они охватывали все области жизни, и вряд ли на них мог ответить один человек.

Вот некоторые из вопросов:

— Скоро ли собираются советские товарищи лететь на Марс?

— Что такое сдельная оплата?

— Что едят в Союзе вместо риса?

— Какие машины работают в сельском хозяйстве?

— Что такое снег?

— Какой высоты Московский университет?

— Из чего добывается атомная энергия?..

Когда собравшиеся увидели, что «докладчик» начинает сдавать, вопросы прекратились. Все сразу зашумели и начали аплодировать.

Чу перевел:

— Они просят теперь вас спеть советскую песню.

Никакие отговорки не помогли, и я робко затянул:

— «Широка страна моя родная...»

Но тут же эту песню подхватили все собравшиеся. Начался вечер отдыха.

Выезжать решили ночью. Засыпая, мы еще долго слышали китайские и советские песни, которые доносились с усадьбы...

А здесь даже неунывающий Хэ схватился за голову: «Как проехать?..»

4 января — День независимости Бирмы.

ПИСЬМО ИЗ РАНГУНА

ТАКИН КОДО ХМАИНГ,
лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами»

В связи с девятой годовщиной Дня независимости Бирмы я шлю вам, дорогие читатели «Огонька», и всему советскому народу мой сердечный привет.

Бирманский народ, так долго томившийся под колониальным игом, после многолетней борьбы против колониализма приобрел независимость и суверенитет. И теперь мы, бирманцы, отдаем все силы борьбе за мир во всем мире, за дружбу между народами. Наше особое желание заключается в том, чтобы непрерывно росла и расцветала дружба между народами нашей и вашей страны.

В эти дни мы, бирманцы, с большой симпатией следим за борьбой египтян, отстаивающих свою свободу и независимость. Как и общественное мнение всего мира, мы считаем, что суэцкий вопрос может быть решен мирным путем, на базе уважения суверенитета Египта и свободного пользования каналом всеми нациями. Поэтому так возмущен был мой народ, когда Англия, Франция и Израиль под фальшивым предлогом совершили жестокое и наглое военное нападение на Египет. Действия армий, флотов и авиации этих стран в Египте представляют собой не что иное, как акт самой настоящей агрессии.

Сейчас, под давлением общественного мнения во всем мире, агрессоры вынуждены уступать требованию народов, хотя они делают это очень неохотно. Чрезвычайно важно и необходимо каждое усилие направлять на то, чтобы агрессоры были осуждены и убрались навсегда прочь с египетской территории. Миролюбивые народы должны преподать агрессорам суровый урок так, чтобы в будущем не повторилось ничего подобного.

Мы должны это сделать, ибо неспособность отразить агрессивные действия может повлечь за собой потерю независимости и свободы и в то же время послужит империалистам приманкой для расширения их агрессивных действий.

Ключ к решению египетской проблемы заключается в успешном сопротивлении планам иностранных агрессоров, которые хотят нажиться на интервенции против других стран. Пусть народы Азии и Африки объединятся на основе программы борьбы за свободу, независимость и мир. По моему мнению, это лучший путь к тому, чтобы силы мира одержали победу над силами войны.

Я сам очень стар — сейчас мне 82 года. Но я никогда не устану делать все, что я могу, для мира, во имя дружбы между народами.

Да здравствует дружба между народами Бирмы и Советского Союза!

Сила искусства

В. МАРЕЦКАЯ,
народная артистка СССР

Бывает в жизни так, что раз и навсегда осознанные чувства и мысли, ясные и бесспорные положения вдруг озаряются каким-то новым светом, с новой силой оживают в твоем сознании, будоражат тебя. Так возникает то творческое беспокойство, которое понятно каждому художнику, мечтающему о высоком искусстве, облагораживающем душу человека, художнику, сознающему ответственность за свое творчество. Все эти мысли встали предо мной при встрече с кинозрителями сегодняшнего Китая, где довелось делегации советских киноработников провести 12 дней в ноябре прошлого года.

...Наша делегация шла по заполненному до отказа молодежью залу одного из кинотеатров Пекина. Мы направлялись к эстраде, на которой должны были выступать. Вот сейчас и я окажусь лицом к лицу с совсем новыми для нас зрителями, видевшими меня в фильмах «Член правительства», «Она защищает Родину», «Сельская учительница», «Мать». Ну как вам описать окружавшую нас аудиторию? Она излучала — другого слова не подберу — не просто обычные при встречах зрителей с актерами приветливость и любопытство. Нет, это было нечто большее!.. Такая неподдельная радость, чистота и приязнь светились в славных черных глазах, сиявших вокруг! Чувствовалось, что им необходимо узнать от нас что-то очень-очень важное, воспринять это всем сердцем, чему-то научиться, настроиться на большой и сокровенный разговор. Многие из них протягивали к нам руки с какими-то сувенирами; трогало до слез их желание тут же, сейчас же, пока мы еще только идем к эстраде, что-то преподнести. Какая-то девочка сунула мне нечто похожее на леденец; показалось, что он тает в руке, и я на ходу сунула его в сумочку. А потом обнаружила, что это — маленькое зеленое стеклянное сердечко...

Ни мои товарищи, ни я, разумеется, не относили все происходившее на счет своей актерской популярности. Я хорошо понимала, что китайские зрители приветствуют «правительственную комиссарку» (так называют у них героиню фильма «Член правительства»), сельскую учительницу Варвару Васильевну и, наконец, Ниловну, рабочую мать — «мучи», слово, которое я постоянно слышала с тех пор в обращениях ко мне. И трудно передать, с какой теплотой произносили они это слово «мучи» — мать... Во мне будто воплотились для китайских друзей увиденные на экране образы русских женщин, подвиг которых может служить примером.

Я бывала во многих странах, общалась со многими людьми самых разных национальностей и возрастов. Но нигде у меня не было такого ощущения молодости, юности, передававшегося от окружавших людей, нигде не ощущалось такое желание услышать, узнать еще что-то о жизни в ее высоком назначении, как в Китае. А приветливость здесь трогала бесконечно.

Если бы это зависело от меня, я бы сделала так, чтобы максимальное количество советских людей посетило Китай — эту благородную страну замечательных людей, необычайно скромных и полных достоинства, умеющих отказывать себе во многом сегодня, чтобы поскорее настало счастливое для каждого из них завтра. Дружбой этих людей по праву можно гордиться.

Нас, представителей советского искусства, воспринимают китайские зрители прежде всего как вестников искусства героического, отмеченного высоким строем мыслей и чувств. Кто-то из китайцев сказал нам, что в педагогическом институте Пекина в начале учебного года вновь принятым студентам показывают «Сельскую учительницу». Я вчитываюсь в строчки одного из полученных мною писем от юноши, китайского студента, где он пишет, что, восхищенный мужеством Павла Власова, собирается ехать добровольцем в Египет.

Нельзя было не задуматься над тем, как велика сила нашего искусства, сила образов, достойных подражания! А ведь именно на этом направлении одержаны основные победы советской литературы, театра, кино. Ведь мы сами, наши лучшие спектакли и фильмы подготовили зрителей к восприятию героической темы как решающей темы советского искусства. От нас поэтому ждут ленинской пламенной веры, настоящего революционного взлета! Именно этого ждут от нас и советские зрители и прогрессивные люди всего мира. На всем земном шаре народ тянется к доброму, честному, вечному. Во всем мире ценят отвагу и благородство, человечность и чистоту. Когда герой художественного произведения, жертвуя многим, идет по трудной жизненной стезе и достигает своей высокой цели,— это волнует людей повсеместно, независимо от цвета их кожи, от их языка.

Мы, артисты Театра имени Моссовета, знаем, что, к сожалению, спектакль «Шторм», поставленный несколько лет назад нашим театром, не пользовался у нас особой популярностью. Но вот мы поехали на гастроли в Польшу, а потом в Болгарию и Румынию. И там «Шторм» прозвучал совершенно иначе: героика первых революционных лет необычайно привлекала, волновала зрителя, и сами мы, откликаясь на волнение зрительного зала, играли спектакль так горячо и сильно, как, должно быть, никогда не играли его в Москве.

Невольно думалось о том, что — увы! — иногда у себя, «дома», мы позволяем себе компромиссные вещи: в «чем-то» снимаемся, «что-то» играем, и как часто это «что-то» оказывается недостойным и репутации советского искусства и нашей личной творческой репутации. Поистине в неоплатном еще долгу находимся мы перед зрителем — и нашим и зарубежным. Можно назвать любого крупного режиссера кино, любой театр, любого большого актера — каждый не сделал еще в искусстве того, что мог бы сделать, в полную меру таланта и душевных сил. Непрестанно нам надо повышать идейный и творческий уровень своего мастерства.

Сегодня, оглядываясь на события, пережитые нашим искусством в году 1956-м, на радости и тревоги, победы и поражения, нельзя не видеть, в какой тесной близости с искусством других стран развиваются советский театр, кино, цирк, эстрада. То, о чем еще недавно мы знали только понаслышке, предстает теперь перед нами во всем богатстве и своеобразии мастерства. Там, где о нас почти не слыхали, встречают посланцев советского искусства, как дорогих гостей. Идет оживленный обмен культурными ценностями. Советские деятели искусств то и дело выезжают за рубеж — иногда в одиночку, чаще целыми коллективами. А Москва принимает в это же время то английский театр «Теннент», то венгерскую оперетту и французскую труппу Вилара, мастеров итальянского кино и румынский ансамбль «Жаворонок», американского тенора Пирса и бостонский симфонический оркестр. Наш город становится мировым художественным центром, а наш советский театр как бы стоит сегодня перед лицом мирового общественного мнения. И это повышает ответственность за дело, которым мы занимаемся, позволяет отчетливо осознать, в чем мы сильны и где отстаем.

Широкий обмен культурными ценностями помог нам увидеть многое в зарубежном искусстве. Мы отдали должное и высокой культуре сценической речи театра Вилара, и строгой простоте шекспировского спектакля у англичан, исключительному мастерству артистов Шанхайского театра пекинской музыкальной драмы, обаянию музыкальности и пластичности Ива Монтана.

Но обидно думать, что свое-то хорошее и настоящее мы подчас размениваем на мелочи, забывая, в чем наша сила, сила советского искусства. Ведь и сегодня, как в день своего рождения, волнуют нас фильмы Сергея Михайловича Эйзенштейна и недавно безвременно скончавшегося Александра Петровича Довженко; ведь по сей день и профессор Полежаев, и Чапаев, и рабочий-революционер Максим, и герои «Молодой гвардии» остаются властителями дум все новых и новых поколений нашей молодежи. У советского искусства много славных традиций, но эта, героическая его традиция — самая главная, самая нерушимая и самая дорогая.

И кому же, как не нам, инженерам человеческих душ, которыми советские актеры могут и должны называться наряду с советскими писателями, следует сейчас выступать в полном вооружении, утверждая в мире мир, свет, торжество советского гуманизма!

И мы ждем этого оружия от своих соратников — писателей и драматургов. Жду и я, жду женских образов проникновенной силы, воплощая которые на сцене или экране, я смогла бы полным голосом говорить о том главном, что сегодня волнует всех нас, мечтающих о красивой жизни на спокойной и мирной земле. Это и моя мечта.

Мысль далеко не новая, очевидно, общая для всех советских актеров, но для меня сегодня — особенно после моих встреч в Китае — она ощущается как первейшая жизненная необходимость.

Мне еще очень многое хочется рассказать средствами своего искусства девочке-китаянке, подарившей мне маленькое зеленое сердечко, которое я теперь всегда вожу с собою, куда бы я ни поехала.

Кадр из фильма «Полюшко-поле». Сцена на собрании. На переднем плане — В. Санаев в роли директора МТС и В. Марецкая в роли Елизаветы Урагановой.

ЖЕНЩИНА С НЕБА

Рассказ

Г. КАЛИНОВСКИЙ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

Нет, торопиться не стоит. Надо еще раз попробовать разобраться, почему ему захотелось позвонить этой женщине...

Сергей Михайлович Романов с размаху повесил на рычаг трубку, и монета весело звякнула.

После наглухо закупоренной будки телефона-автомата осенний вечер дохнул на него сырым тревожным запахом мокрых от недавнего дождя деревьев. С деревьев падали листья; они зябко вздрагивали в воздухе и медленно опускались на аллеи бульвара.

Думать Сергей Михайлович умел только с папиросой в зубах и обязательно на ходу. Причем он терпеть не мог сновать из угла в угол даже в самой просторной комнате. При первом, еще смутном замысле он отправлялся шагать по прямой, никуда не сворачивая, не глядя по сторонам, и не возвращался до тех пор, пока не созревала ясная, твердая формулировка.

«Романыч мозгует»,— кратко объясняли его многочасовое отсутствие в лагере изыскатели на Дальнем Востоке, в Сибири и в пустынях Средней Азии.

Пустыня и явилась местом их первой и единственной встречи.

Если бы раньше Сергею Михайловичу сказали, что бывают на свете такие приключения, он не поверил бы и скептически улыбнулся. Но так было, так произошло в январскую ночь, на пятый день нового года...

Никаких особенных потрясений не знал поселок геологической экспедиции, затерянный в центре пустыни.

В землянках, врытых по крышу в песок и связанных с Большой землей лишь высокой мачтой антенны да нечастыми рейсами заказного самолета, жили своей привычной жизнью люди. Бурили скважины, радовались удачным кернам, поругивали снабженцев, слушали по вечерам концерты из Колонного зала, мечтали об отпуске и резались в преферанс. Случались, конечно, и неприятности. Теряла колею, не приходила вовремя машина, отправленная в маршрут, и ее терпеливо ждали три дня. Если незадачливые разведчики не появлялись, налаживали поиски и быстро находили.

И когда в ту ночь к нему в землянку ворвался полуголый радист Севка Глебов, он растерянно переспросил:

— Пришли пешком?

— Ага, пешком,— дернул головой испуганный радист.— Четыре человека. У одного лоб перевязан. Моя хата крайняя, на нее и наткнулись. Требуют начальство.

— Веди сюда.

Глебов толкнул ногой фанерную дверь и, обернувшись, предупредил:

— Только вы, Сергей Михайлович, карты секретные со стола уберите. Очень уж типы подозрительные...

Они ввалились в землянку все сразу, громоздкие, неуклюжие в своих меховых комбинезонах. Человек с бинтом, сползавшим на переносицу, приложил к шлему ладонь.

— Полковник Ларин. Летчик-испытатель. Совершил вынужденную посадку примерно в пятнадцати километрах от вашего лагеря. Вот документы.

— Правильно! — обрадованно вмешался Севка.— Утром где-то что-то гудело!

— Сбегайте к завхозу, Сева,— сухо оборвал его Романов.— Надо принять людей.

Но радист, прежде чем выскочить из землянки, тоном бывалого авиатора поинтересовался:

— Вы нарочно? Испытание на излом, да?

Молодой летчик с рыжими усами похлопал Глебова по плечу и охотно подтвердил:

— Обязательно! Об землю — трах, если жив, значит, порядок!

— Перестаньте, Саша. Ничего веселого не случилось.

Романов вздрогнул и поспешно вернул документы. Эти слова произнесла женщина. Он не заметил ее вначале, такую же неуклюжую в летном обмундировании, ничем не отличимую от всех остальных.

Она шагнула вперед и протянула руку:

— Инженер Белова.

У него едва не сорвалось «очень приятно», но он спохватился и предложил:

— Раздевайтесь, пожалуйста. Будьте хозяевами. Если нужна медицинская помощь, есть фельдшер.

— Пустяки! — устало опустился на табурет Ларин.— Рассек кожу на лбу.

Белова первая сняла шлем и как-то очень по-женски, слегка встряхнув головой, провела ладонью по черным гладким волосам, собранным на затылке в тугой узел.

Густые, слишком прямые для женщины брови придавали ее лицу суровое, замкнутое выражение и плохо сочетались со светло-карими глазами и по-детски пухлыми губами.

Она бросила на стол потрепанный планшет, ловко выскользнула из комбинезона и осталась в зеленом кителе с белыми погонами подполковника технической службы.

Китель плотно облегал начинавшую полнеть фигуру, и Романов определил: «Лет тридцать шесть, не больше...»

— А одну поговорку мы сегодня все-таки отменили! — вдруг хрипло и неестественно рассмеялся Ларин.— Вечер утра мудренее! Доказано и подписано! Брели, брели по песочкам черт знает куда, весь день ругались, спорили, а стемнело — и ваша мачта спасла. Один огонек — и все ясно!

Ларин говорил быстро, лихорадочно мял пальцами и без того помятую папиросу: из-под бинта чересчур ярко поблескивали зрачки; чувствовалось, что у него наступила разрядка после большого нервного напряжения.

Романов сам испытал за свою бродячую жизнь две авиационные аварии и знал, как любят обсудить спасшиеся люди мельчайшие подробности перенесенной катастрофы.

И сейчас, ожидая услышать нечто похожее от ночных гостей, он отобрал в памяти самые убедительные примеры из собственной практики. Но никто не поддержал полковника.

— Когда у вас радиосвязь? — спросила Белова.

— Только на рассвете. В семь.

— Значит, до утра начальство спать не ляжет.— Она повернулась к обладателю рыжих усов: — Саша, если услышите самолет,— немедленно ракету. Пусть зря не ищут.

— Есть! — козырнул усатый.

— Как у вас с аэродромом? Какие принимаете машины?

— Даже «ЛИ-2» садится,— торопливо и не без гордости отрапортовал Романов.

— Ишь ты! Настоящее Внуково! — усмехнулся закуривший наконец свою папиросу Ларин.

Сергей Михайлович тут же обозвал себя последним идиотом: «Нашел чем хвастать! И, главное, кому!»

От деловитых вопросов Беловой, от ее четких распоряжений необычность ночного происшествия пропала. Пришел завхоз Капитон Игнатьевич. Под ножом заскрипела белая жесть консервных банок. Белова принялась резать колбасу, но Саша отстранил ее:

— Ни в коем случае, Нина Павловна! Мы давно проголосовали вас мужчиной и извольте подчиняться!

— Спирт разбавляет каждый в своем стакане соответственно вкусу и тренировке,— категорически заявил Ларин.

Завхоз одобрительно кивнул:

— Полковник понимает!

Лысый майор, который до сих пор не произнес ни одного слова, постучал ногтем по бутылке:

— Простите, что-нибудь полегче у вас не водится?

— Имеется портвейн. Но... — Капитон Игнатьевич чистосердечно признался,— местного розлива.

— Чудненько! — Майор потер короткие руки.— Нина Павловна крепких напитков не употребляет. А чокнуться за спасение грешных душ положено по уставу.

— Единственное, в чем они признают меня еще женщиной,— улыбнулась Сергею Михайловичу Белова.— А вы, Костя, нахал. Вместо благодарности за приют грабите хозяев.

— Пустяки!— успокоил ее Капитон Игнатьевич.— Я же сказал: местный розлив.

«Едва-едва увильнули от смерти — и пожалуйста: первая мудрость — спирт разбавлять самостоятельно по вкусу и тренировке,— промелькнуло что-то вроде смутного огорчения у Сергея Михайловича.— Притворяются или привыкли?»

Через несколько минут в землянку набились снедаемые любопытством изыскатели, считавшие своим прямым долгом чокнуться с каждым летчиком и потолковать о сверхзвуковых скоростях.

Нина Павловна, не замечая их присутствия, резко спросила Романова:

— Разве у геологов не бывает горя?

Ее удивительные брови сомкнулись над переносицей сплошной чертой, карие глаза засветились желтыми огоньками, и Сергей Михайлович подумал: «Интересно, а каково мужу приходится? Посмотреть бы на него хоть издали».

Усатый Саша, выпроваживая любителей авиации, виновато объяснял:

— Не обижайтесь, здорово спать хочется, товарищи...

Землянка опустела, за столом все молчали, а наливать по второй Романов не решался.

— Будь я проклят, если не прав! — громко выругался Ларин и отшвырнул в угол папиросу.— Доказывал в Москве Махоткину, убеждал, а он...

— Не надо, Петя, не надо! — Белова легонько тронула пилота за плечо.— Кажется, обо всем по дороге договорились. Остальное в Москве. Показания приборов полностью за нас. Ну, где улыбка номер один?

Но полковник не улыбнулся.

Лысый штурман и второй пилот Саша отправились ночевать к завхозу, а Беловой и Ларину Сергей Михайлович уступил свою раскладушку и узкую армейскую койку главного геолога, уехавшего на буровые.

Пока Белова укладывалась, они с полковником вышли из землянки.

В черном небе сквозь белесую, морозную дымку стремительно летела луна; ее неяркий свет голубоватыми пятнами переползал по крутым откосам барханов, покрытых тонким слоем искристого снежка.

Ларин с хрустом потянулся и жадно глотнул колючий, ледяной воздух.

— Хорошо! Зима — штука надежная! А летом мы бы к вам без водички не дотащились. Носом в песок — и крышка. Верно?

— Да,— честно ответил Сергей Михайлович.

— Спать, — сказал полковник. — Только спать!

Он уснул мгновенно, еле прикрывшись одеялом. Романов расстелил на полу кошму, разложил спальный мешок и выключил аккумуляторную лампу.

— Для приличия полагается выражать сожаление, что загнали хозяина под койку... Но нет сил... отваливаются ноги.

В темноте голос Беловой был другой — мягкий, без деловых интонаций.

«Ну и выбрала профессию!» — ни с того, ни с сего рассердился Сергей Михайлович и спросил:

— Я никак не пойму, Нина Павловна, что у вас за должность в авиации?

— Инженер по летным испытаниям.

— И давно летаете?

— Одиннадцать лет. Еще немного — и в приют для престарелых.

— Не завидую мужу. Жена в облаках — как-то не звучит,— неуклюже сострил Романов.

— Не звучит,— согласилась она.— Он и сопротивлялся, даже негодовал.

— Теперь приучили?

— Не успела. Он погиб четыре года назад.

— Извините... — смущенно пробормотал Сергей Михайлович.

— Ничего... Не о всех катастрофах пишут.

В землянке стало тихо, негромко всхрапывал полковник Ларин, потрескивал в чугунной печке догорающий саксаул. Наверху, почти прямо над головой, тоскливо завыл лагерный пес Подлиза, ошалевший от ночного одиночества и от невозмутимой, дразнящей луны.

— Не хватало музыки! — приподнялся Романов.

— Пусть поет,— сонно отозвалась Белова.— Теперь не страшно.

Сергей Михайлович, не включая света, осторожно открыл дверь и выбрался наружу. Подлиза обрадованно тявкнул и, жертвуя теплым местом у трубы, лохматым клубком скатился по крыше землянки, прыгнул ему на грудь. Злость на собаку пропала, и Романов, поняв, что все равно не уснуть, закурил папиросу и решительно направился к такыру, глиняным полукольцом окружавшему лагерь с востока.

Подлиза, зная о прогулках хозяина, бросился вперед, перекувырнулся в снежной пыли и немедленно вернулся обратно. Пристроившись возле левой ноги, он с озабоченным видом пошел рядом, неслышно перебирая лапами...

Романов шагал по такыру, как шагает сейчас по кольцу московских бульваров. Шагал до рассвета и не смог объяснить себе, чем так встревожила его душу женщина, в буквальном смысле слова свалившаяся с неба...

...Второй раз он позвонил из Арбатского метро.

Пока жужжал диск, Сергей Михайлович задумался: «А если бы она не дала перед отлетом номер телефона, искал бы я ее через справочное бюро или нет?»

— Слушаю! — густым басом буркнула трубка.

— Будьте добры, Нину Павловну.

От мужского голоса по спине пробежали неприятные колючки: многое могло случиться за эти месяцы.

— Я у телефона. Кто? А, добрый дух пустыни! Что вы, что вы! Разве можно забыть нашего спасителя!

До боли вдавив в ухо эбонитовый кружок, Романов расплылся в глупейшей улыбке и внезапно заорал срывающимся визгливым фальцетом:

— Я в Москве, Нина Павловна! В отпуске!

— Как раз вовремя. Сегодня у меня день рождения, и, если не будете уточнять мой возраст, немедленно приезжайте. Компания вам знакомая. Ехать надо в метро до «Сокола», а там на трамвае...

В такси он попытался заглянуть в зеркало на ветровом стекле и, опомнившись, возмущенно передернул плечами. Хватит и того, что перед уходом из гостиницы он битый час вертелся у трельяжа, специально помял острые складки на брюках, присыпал папиросным пеплом лацканы пиджака. Больше всего он боялся выглядеть в ее глазах чистюлей-аккуратистом с повадками старого холостяка...

* * *

Дом, где жила Белова, Романов нашел быстро и, нажав кнопку звонка, яростно дернул твердые поля новой шляпы. Подарок! Непрерывно подгоняя шофера, он даже не вспомнил о подарке и явился с пустыми руками. Удирать было поздно: Нина Павловна открыла дверь.

— Задерживаетесь, Сергей Михайлович, задерживаетесь! У нас в полном разгаре...

— Я торопился,— промычал Романов,— забыл о подарке...— Повесив пальто, он пожал ей руку.— Поздравляю.

— Спасибо. А насчет подарка вы провидец. Мне их преподносить не положено.

Белова ввела его в большую, ярко освещенную комнату. За овальным столом, кроме полковника Ларина, лысого штурмана и рыжеусого Саши, сидело еще несколько летчиков. У всех у них вспыхивали золотыми искорками погоны, на мундирах пестрели разноцветные ленточки орденов.

«Настоящий парад! — удивился Романов.— И одни мужики!»

Но он ошибся. У рояля стояла тоненькая девушка и перебирала ноты. Она круто повернулась к Сергею Михайловичу, и на него из-под нахмуренных черных бровей посмотрели в упор светло-карие глаза Нины Павловны. Посмотрели настороженно, с непонятным дерзким вызовом, с жестокой, холодной пристальностью.

«Дочь,— догадался Сергей Михайлович.— И, очевидно, вроде мамы, с характером».

— Отшельник! — просиял подвыпивший Саша и вскочил из-за стола.— Немедленно штрафную!

Не дав Сергею Михайловичу опомниться, он протянул ему пузатый фужер и, взмахнув вилкой с ломтиком лимона, скомандовал:

— Хор!

Летчики дружно забасили «Пей до дна», и Романову пришлось залпом проглотить неимоверную порцию коньяку. Еле переведя дух, он с трудом сдержал набежавшие слезы.

— Теперь лимончик — и порядок! Можно повторить. Безопасно! — продолжал распоряжаться Саша.

— Дайте человеку спокойно закусить! — вмешалась Нина Павловна.

— Традиция превыше всего! — авторитетно поднял кверху палец полковник Ларин.

Лишь за столом, уничтожив изрядное количество маринованных грибов, Сергей Михайлович пришел в себя.

В продолговатой комнате с дверью на балкон было не так уж светло, как показалось вначале: густые клубы табачного дыма плавали вокруг оранжевого абажура. Вторая лампа на металлической стойке возле тахты тоже обволакивалась сизыми струйками. Волны дыма отражались в зеркале, укрепленном у изголовья, и зеркало вздрагивало.

На выцветшем гобелене, спускавшемся на тахту разлохмаченными кистями, к средневековому городу неслась каравелла с крутыми боками. Гобелен заинтересовал Сергея Михайловича своим явно старинным, неподдельным происхождением, но его мучительно тянуло к фотографии, висевшей над радиолой. Стараясь не проявить нетактичного любопытства, он украдкой разглядел худое лицо мужчины с выпиравшими скулами, с глубоко раздвоенным подбородком и с необыкновенно большими насмешливыми глазами. Русые кудрявые волосы были сбиты влево, а широко распахнутый воротник меховой куртки открывал полуотложной воротник гимнастерки.

«Такие большеглазые любят грустные песни. И он, наверно, любил. Протяжные, под гармонь...»

Романов отвел взгляд от фотографии и подавил вздох. Цветной снимок на противоположной стене заставил его нахмуриться и наклониться к тарелке. Ему стало неприятно, что просто так, перед всеми, Белова сидит в купальном костюме на берегу моря, обхватив колени руками.

«Старею. Превращаюсь в ханжу»,— заключил Сергей Михайлович, но перебороть себя не смог.

— Братцы! — завопил над ухом Саша.— Отшельник загрустил! Прикажем ему сбегать за подарком!

— Не выдумывай! — перебила Белова.— Вон сколько подарков, до утра вам хватит. У меня на торжествах только мужчины бывают,— объяснила она Романову.— Отсюда и уговор — никаких преподношений, кроме спиртного. Все равно ничего приличного ваш брат сообразить не в силах. Смирились.

— Есть предложение! — зазвенел ножом по бокалу Ларин.— Белова-младшая за рояль, Белова-старшая поет. Кто за?

Вместе с остальными поднял руку и Сергей Михайлович. Нина Павловна укоризненно улыбнулась ему:

— Вы-то зачем голосуете? Мой талант — для привычных ушей.

— Выполняйте приказание, подполковник Белова! — Ларин дурашливо стукнул кулаком по столу.— Устав игнорируете!

Хорошо или плохо поет Нина Павловна, Романов и не пытался определить.

Когда она подошла к роялю и, наклонившись, обняла дочь за острые плечики, душу Сергея Михайловича затопила теплая волна никогда раньше не испытанной мужской нежности.

Ничего общего не имела сейчас Нина Павловна с авиационным инженером Беловой, с той, в комбинезоне, что, черпая унтами промерзлый песок пустыни, прибрела от разбитого самолета в землянку. Даже прямые брови не напоминали о суровом, усталом лице — они то задорно выгибались кверху, то сходились в кокетливой, нарочитой грусти.

Незамысловатые слова песни о том, как далеко-далеко кочуют туманы и колышется от легкого ветра рожь, летчики слушали притихшие, с подозрительно повлажневшими глазами.

Выпятив широкую спину, полковник Ларин сидел за столом и внимательно слушал. Лысый штурман мерно покачивал головой; Саша, не стесняясь, раза два всхлипнул. Незнакомый чернявый капитан покусывал мундштук погасшей трубки...

«А скажи им она: «Прыгайте из окна» — и прыгнут, черти! Забудут про пятый этаж!» — с восторгом подумал Романов.

У него вспыхнуло желание поблагодарить этих грубоватых на вид людей за дружбу с Ниной Павловной, признаться, что он завидует их рискованной, но зато совместной работе...

Аплодисменты всколыхнули табачный дым, и он взметнулся вокруг абажура.

Саша, распушив усы, первым подлетел к Нине Павловне, брякнулся на одно колено и поцеловал руку.

— Шпага, сердце и зарплата в вашем распоряжении, мадам! Рыцарь ждет! Повелевайте!

— Пожалуйста! — Белова потрепала его за ухо.— Повелеваю воздержаться тебе от очередной рюмки и впредь употреблять один нарзан.

— Э, нет! Дудки! — запротестовал Ларин.— Где поют, там и пьют! За хозяйку!

— Правильно! — неожиданно для самого себя крикнул Романов.

Коньяк начал действовать; в голове у него шумело; ему хотелось немедленно доказать кому-то, что он не хуже других, что наравне со всеми имеет здесь право говорить, чокаться и, если нужно, не побояться пуститься в пляс.

— Умница! — обхватил его за шею Саша.— Рвани тост! Погоди, дай я тебя наперед поцелую! Отшельники — они башковитые, факт!

— Друзья! — произнес Романов и не узнал собственного голоса. Он опять срывался от волнения на молодой петушиный фальцет.— Выпьем за Нину Павловну. Она перенесла тяжелое, непоправимое горе, но на Востоке есть поговорка: «Пока женщина помнит свой последний поцелуй, к ней обязательно придет любовь!» Я поднимаю бокал за вашу будущую любовь, дорогая Нина Павловна!

Сергей Михайлович не донес рюмки к губам: немигающие, раскрытые до предела глаза девушки у рояля обожгли его, нет, пожалуй, ударили, такой бешеной, откровенной ненавистью, что он пошатнулся и невольно схватился за край стола.

Растерянно повернув голову, он наткнулся на угрюмый, отчужденный взгляд Ларина, на опущенные книзу ресницы Нины Павловны и лишь тогда, холодея от предчувствия чего-то непоправимого, отчетливо услышал в немой тишине пронзительное дребезжание вскипевшего на кухне кофейника...

Эта тишина пришла вместе с ним и в номер гостиницы. Едва открыв дверь, он машинально включил на предельную громкость репродуктор, не раздеваясь, опустился в кресло и тупо уставился в черный прямоугольник окна, потекший светящимися от уличных фонарей дождевыми каплями.

Дождь размочил поля шляпы, колючие струйки стекали за воротник пальто, но Романов продолжал неподвижно сидеть, забыв даже закурить папиросу.

В чем он виноват? Почему все переменились после тоста?

Правда, Нина Павловна робко попробовала вернуть прежнюю непринужденность, предлагала кофе с лимоном...

— Спасибо! — отрезал Ларин.— Я домой.

А Саша, веселый, с душой нараспашку, и тот покрутил у виска указательным пальцем.

— Не хватает у тебя, отшельник. Не соображаешь...

Романов действительно не соображал. С ужасом он понял единственное: он лишний, надо немедленно уходить. Жалко улыбаясь, он попрощался, не пожимая рук, и Нина Павловна не протестовала, не удерживала его...

Странно, но он ясно видел: у нее на лице застыло подобие виноватой и тоже жалкой улыбки...

Радио надрывно гремело металлической музыкой, но тишина не пропадала. Она оставалась, наполненная яростной ненавистью девичьих глаз, молчаливым мужским презрением...

Да! Именно презрением, и, значит, не из-за ревности, не из-за соперничества его выставили из дома. Ни один из летчиков не походил на влюбленного в Белову, ни один!

Капли на окне перестали скатываться прозрачными бусинками, забарабанили по стеклу, и под монотонный шум усилившегося дождя Сергей Михайлович закрыл глаза. Он не дремал, а будто плавал по комнате, отделившись от своего сознания, нырял в глухую пустоту...

...Сквозь рев репродуктора пробился новый, резкий звук. Минуты три Романов недоумевающе изучал телефон на углу стола и, поднимая трубку, автоматически взглянул на часы: стрелки показывали половину первого ночи.

— Сергей Михайлович? Я внизу. Не встречайте, не надо...

Он не удивился ни внезапному появлению Беловой, ни тому, откуда она узнала, в какой гостинице он живет. По-прежнему, бессмысленно уставившись прямо перед собой, он сидел в кресле, пока не раздался стук в дверь.

Нина Павловна вошла в шинели, в сбитой на затылок шапке.

Помогая ей раздеться, он невнятно сказал:

— Зачем вы в дождь?..

— Я на машине.

Как тогда, в землянке, Нина Павловна встряхнула головой и провела ладонью по волосам.

— Обиделись?

Пожав плечами, Романов ничего не ответил. Белова присела на валик кресла и нервно выдернула штепсель репродуктора.

— Я попробую объяснить вам, Сергей Михайлович. Поймите меня правильно...

Она говорила спокойно, неторопливо, но почему-то упорно не смотрела на Романова, отводила глаза в сторону.

— Андрей был замечательным человеком. Незаменимым ни для меня, ни для дочери. И мне сначала нравилось: ведь от души берегут, охраняют память друга. Проголосовали мужчиной — хохотала. Казалось, забавная шутка... Потом...

Нина Павловна помолчала и грустно скривила губы:

— Теперь стоит мне кому-нибудь улыбнуться, не сдержаться, на миг почувствовать себя женщиной, и сразу слова: «А помнишь, Андрей говорил, а помнишь, мы с Андреем». Или еще страшнее: «Не забывай, Ниночка, лучше Андрея не найдешь...»

Сергей Михайлович слушал внимательно, но одновременно ловил какую-то очень важную, беспрерывно ускользавшую мысль.

Заметив его отсутствующий вид, Белова спохватилась, быстро встала и попробовала одернуть несуществующий ремень на коричневом платье.

— Я заехала извиниться, Сергей Михайлович. Мальчики сегодня перебрали коньяку.

— Да, да,— невпопад отозвался он и тихо спросил:— Ну, а если все-таки придет любовь?

— Любовь? — Она взглянула на него строго и предупреждающе, но голос ее вдруг задрожал, лицо побледнело.— Они ждут бога! Слышите, бога! После Андрея они одному всевышнему разрешат меня поцеловать. Прощайте!

Дверь упруго хлопнула, и шаги мягко прошуршали по ковровой дорожке коридора.

Романов не двинулся с места. Вернуть ее он не имел права: она не нуждалась ни в его помощи, ни в его любви.

Добруджскую землю вы почувствуете лишь тогда, когда переправитесь через старый Дунай на пароме, который вас перевезет в Хыршову. Там красновато-желтая земля, необъятные массивы пшеницы, кукурузы и подсолнуха, там можно укрыться под скупой тенью белой акации, утолить жажду в редких колодцах, где карликовые ослики неустанно вращают колесо, подающее воду.

Эти земли разоряли в свое время римляне, ими владели турецкие паши, их топтали орды кочевников. Сотни лет тяготел над Добруджей гнет бояр и кулаков-мироедов. О многом расскажет вам дед Георге Стэнеску, житель села Чобану, что примерно в четырех километрах от Хыршовы. Нахмурившись, вспомнит дед о старом, поведает историю господ Крисовелони, тех самых, что владели банком в Бухаресте и бескрайними поместьями в Добрудже; о мироедах Дуцэ Папук и Думитру Оанча, на которых гнуло спину все село с ранней весны до поздней осени. И дед помянет прошлое крепким словом...

Но после аграрной реформы 1945 года нет больше помещиков на Добруджской земле. Убрались они! Куда же?

— К черту на куличики,— смеется дед.

О старой Добрудже вам могут рассказать десятки тысяч крестьян возрастом постарше. У них узловатые, мозолистые руки, их лица изборождены глубокими морщинами, обожжены солнцем, высушены ветрами. Али Омер узнал, что такое подушка, только после освобождения страны, а детям впервые купил сахар в 1950 году, когда в коллективном хозяйстве был собран первый урожай. Вы смотрите на преждевременно состарившихся женщин и просто не верите, что им всего по 35—40 лет. Это следы неимоверно тяжелого труда на помещика. Из года в год косили здесь людей жестокие болезни.

— Проклятая земля!

Так называли ее раньше крестьяне. Так бранился в сердцах и румын, и татарин, и липован[1], и турок. Но какой бы ни была земля, только она могла дать кусок хлеба, горсть кукурузной муки, жизнь для детей. Крохотные хижины, затерянные в степи, наполовину ушедшие в землю, укрывали голодных людей. В сердцах вспыхивало возмущение и тут же угасало. Оставалась одна ненависть, тлевшая, как уголь под пеплом.

Фото А. Гостева.

Николае МОРАРУ,
румынский писатель

Фото автора.

— Проклятая земля!

Нет, не земля была виновата. И напрасно буржуазные писаки твердили, что Добрудже так и суждено навсегда жить в отсталости.

В Добрудже наших дней вы увидите теплоэлектроцентраль Овидиу II, металлический завод, цементные заводы в Чернавода и Меджидии. Но самые поразительные перемены произошли в селе. В Добрудже, старой, отсталой Добрудже, сейчас почти 600 коллективных хозяйств и товариществ по совместной обработке земли, объединивших почти 64 тысячи крестьянских дворов. Именно здесь возник первый полностью кооперированный район в стране — район Негру Водэ.

Дорога, пересекающая район Хыршовы, приведет вас к деревне Касимча. В прошлом это был медвежий уголок, тонувший в грязи и темноте. В селе безраздельно властвовал помещик Георге Нистор, по прозванию Бочоакэ[2]. О деревне люди говорили, что она богом проклята. Теперь здесь сельскохозяйственный кооператив, известное на всю округу государственное хозяйство, большая МТС. Давно ли эта деревня освещалась лучиной? Теперь в ней сверкает лампочка Ильича, зажженная током собственной электростанции. В деревне кинотеатр и радиоузел. Хозяева выстроили каменные дома, покрытые красной черепицей. Открываются новые школы, библиотека пополняется сотнями новых книг.

— Это «Победа»!

— Врешь, не «Победа», а «Шевроле», я по марке вижу.

Так спорят два загоревших до черноты мальчугана, вертясь вокруг запыленной машины, остановившейся у помещения Народного совета. Ласково смотрит на ребят сторож дед Петря, может быть, он вспоминает, что его дети и поезд-то увидели впервые тогда, когда их забрили в солдаты. 20 лет назад грамотными тут были лишь поп да жандарм. Теперь десятки юношей и девушек уехали учиться в полной средней и высшей школе.

Коллективное хозяйство в селе Касимча было создано шесть лет назад. Люди гордятся высокими урожаями, плодовым садом, образцовым виноградником, скотными дворами, чудесной пасекой...

Вам будет интересно потолковать и с товарищем Клинча из села Чобану. Высокий, широкоплечий, с голубыми глазами и русыми волосами, спадающими на лоб, со спокойной речью и мягкими движениями, он больше похож на молдаванина.

Велики заботы председателя Народного совета Клинча.

— Прямо беда,— жалуется он.— Уж не знаю, кто это нас благословил «усовершенствованными» жатками-сноповязалками. Когда они жнут — не вяжут, а когда вяжут — не жнут. Я пустил в ход простые жнейки, с ними надежнее...

Товарищ Клинча задумывается на минуту, потом продолжает:

— Наши крестьяне помнят тяжелую руку помещика... Их предками были горемыки-чабаны — отсюда и название деревни. Они и сейчас охотно занимаются овцеводством, только, конечно, для своей пользы. Пастбищ у нас достаточно — 320 гектаров. Скоро в кооперативе будет до трех тысяч овец... Представьте, половину всего дохода хозяйству дали овцы! 500 килограммов брынзы продали в этом году. Земля, конечно, бедновата, слов нет. Но в пойме Дуная можно заложить огород гектаров на двадцать... Заведем молочных коров, построим образцовую ферму. Ну, и свиней заведем, птиц!..

Мечтает председатель! Это хорошие мечты. История села, да и коллективного хозяйства свежа у него в памяти. Всего пятьдесят три крестьянских двора вошли в кооператив, когда он создавался в 1950 году. В начале 1956 года их и то было не больше ста.

— Нам конгресс партии[3] словно глаза открыл. Мы как бы от сна очнулись: увидели, что зря стенкой отгородили себя от остальных хозяев,— говорит дед Георге Стэнеску, тот самый, что убедил полсотни крестьян вступить в коллективное хозяйство.— И вот пошли мы по дворам, приглашали людей к себе — пусть поглядят, как мы живем, что нам дает коллективное хозяйство.

— К каждому человеку заходили,— подхватывает товарищ Клинча.— Случалось, что и выгоняли нас некоторые. А мы не обижались, приходили снова, с женами. Кто решал вступить в коллективное хозяйство, тот шел вместе с нами к своим соседям. Теперь в нашем хозяйстве 469 дворов и 280 — в ТОЗе. У тозовцев тоже верный путь — в кооператив. Однако некоторые еще медлят.

Кузнец Георге Фэту — сейчас видный член коллектива, и доходы семья считает — не нарадуется. А ведь еще только несколько месяцев тому назад было так:

— Не могу, товарищи... Всем сердцем хочу, но жена не пускает, говорит, что разведется...

Пошли люди к нему домой поговорить с его женой.

— Что вы, что вы, люди добрые, дорогие товарищи! Как Георге, так и я, перечить ему не стану. Захочет он, завтра же вступим,— говорит женщина...

Сидит в Народном совете председатель, советуется с односельчанами, вызывает по телефону район, а то и область.

Как раз в тот день, когда мы приехали в село Чобану, кулаки распространили среди членов местного ТОЗа слух, будто в Бухаресте было решено не моло-

[1] Липованами называют русских переселенцев-раскольников, бежавших от религиозных преследований из царской России.

[2] Бочоакэ (рум.) — дубинка.

[3] 2-й съезд Румынской рабочей партии состоялся в декабре 1955 года.

Председатель Касимчанского народного совета товарищ Клинча.

тить больше вместе собранный урожай и даже распустить все ТОЗы в стране. Значит, и общего семенного фонда больше не надо оставлять.

Есть и другие заботы у Клинча — председателя Народного совета. Он, например, замечает, что МТС работает «несправедливо» — отдает предпочтение селу Бэлэчану, посылает туда самые хорошие машины, а село Чобану держит в черном теле... А вот еще незадача с пшеницей: пришлось весной перепахать озимые, погибшие из-за сильных морозов. Хоть и собрали вдвое больше, чем единоличники, все же пшеницы маловато...

Однако все заботы бледнеют перед большой мечтой.

— Лошадей да волов продадим. Тракторами быстрее и лучше землю обработаем. Накупим коров, овец, свиней. С кормами у нас неплохо. Нужно дать коллективному хозяйству другой профиль, более соответствующий нашим условиям.

Не подумай, читатель, что кооператив в селе Чобану передовой. Нет, он средний. Но мечты лучших людей села ведут его в передовые. Так это и должно быть там, где мысль и слово партии обрастают плотью, пускают глубокие корни...

Не знаю, в который раз мы проклинали добруджские дороги, когда вдали появились очертания большого, широко раскинувшегося села. Товарищ Якоб, работник райкома партии района Негру Водэ, расплылся в улыбке:

— Это Комана. Заедем сюда, в коллективное хозяйство имени Филимона Сырбу. Оно передовое в районе, все жители села состоят в нем. Там было только пять кулаков. Сейчас они работают в госхозе, но это не мешает им время от времени распускать всякие слухи...

На полях коллективного хозяйства идет обмолот пшеницы. Оживленно и на большом дворе центральной усадьбы. Здесь строят коровник и амбар на 40 вагонов зерна. Председатель правления Николае Худицяну пожимает нам руки, но не отводит глаз от каменщиков, выводящих стену. Не скоро поворачивается он к нам и смотрит не очень приветливо: ему, видно, надоели частые визиты. Но потом он смягчается и, дав какое-то поручение, отправляется с нами.

Николае Худицяну руководит большим хозяйством. 2 200 гектаров пшеницы, ячменя, овса. Кукуруза, высокая, красивая, горох, соя, картофель...

— Нам говорили, что здесь картофель не родится,— замечает он.— Однако в прошлом году мы взяли 100 центнеров с гектара...

Николае Худицяну показывает нам золотистую пшеницу, в нее приятно погрузить руки до самого локтя. Потом ведет нас к хлевам и кошарам. Коров немного, всего 41, и три десятка телят. Но все они хорошей породы. 1 800 овец, 400 свиней, до полутора тысяч голов птицы. Упряжек хватает, а два грузовика сами говорят о достатке в хозяйстве.

В коллективном хозяйстве четыре полеводческие бригады, одна овощеводческая, одна животноводческая. Но гордость председателя—своя строительная бригада. Каменотесы, каменщики, плотники — все без исключения члены кооператива.

— Хватило бы только материалов! Камня у нас достаточно. Есть немного железа, а вот леса нет. Если бы только нам лесу подкинули...

Доходим до околицы села. Волнистая степь, на ней изредка небольшие холмы. Там два года назад кооператив посадил пять гектаров виноградника.

— Доведем площадь до четырнадцати гектаров,— хвалится старик сторож.— Тогда приходите посмотреть...

Несколько поодаль раскинулись сад, бахча, картофельное поле, засаженное яровизированным картофелем. Между ровными рядами яблонь, груш, абрикосовых деревьев, черешен и слив посажена свекла.

— Уходят люди из села на сторонние заработки?

— Зачем им уходить?—смотрит на меня с удивлением Николае Худицяну.— Они и у нас хорошо зарабатывают!

И он гордо выпрямляется, как бы вызывая на спор всех неверующих скептиков.

— А работают как?

— Хорошо работают, ничего не скажешь. Не нравится людям, чтобы свои же соседи стыдили на собрании, вот и работают.

— А женщины?

— Все работают.

— В том числе и жена председателя,— добавляет сторож.

— Да, и моя. Ведь не барыня она. У нас женщины — сила. Да и молодежь... Хорошо работают. Деды да старухи — на картошке, на бахче, а в саду и в винограднике они полные хозяева.

— Какое у вас образование, товарищ председатель?

Худицяну откидывает кепку на затылок и смеется:

— Образование? Нет, мы люди необразованные, неученые.

Я промолчал, не поверив ему. В тот же день я узнал, что он работал несколько лет участковым агрономом МТС.

Село Топрайсар расположено в 24 километрах от Констанцы, в нем свыше тысячи жителей. Привлекает чистота, царящая в просторных хатах. Объединенные единой борьбой за лучшее будущее, живущие в селе румыны и татары забыли о давней розни и работают дружно, сообща. Кооператив в этом селе создан в 1950 году, в него вступили 114 дворов, владевших площадью свыше 500 га. А сейчас все село в кооперативе, доходы которого превышают миллион лей.

— Как вы этого добились?

Секретарь партийной организации Темур Секури взглянул на меня и сказал серьезно:

— Нелегко это нам досталось. Ведь наши люди верят только тому, что видят своими глазами. Когда они увидели, что мы сеем квадратно-гнездовым способом кукурузу и получили в прошлом году 66 центнеров кукурузы в початках,— тут уже и скептикам нечего было сказать. Пшеницы мы собрали с 580 га по 18,7 центнера, а с 80 га, где сеяли перекрестным способом,— по 30 центнеров.

Зашел разговор о молочном хозяйстве. В Добрудже корова не давала больше тысячи литров молока в год. Так это было, так оно и будет, говорили многие. И вот в 1955 году коровы местной породы при хорошем уходе дали до 2 250 литров, а животноводы Амет и Годяну надаивают и до 15 литров в день — свыше 5 тысяч в год.

В 1955 году члены кооператива получили по 20 кг пшеницы и кукурузы на трудодень, помимо денег и других продуктов. 20 хозяев построили себе новые дома. Начата и электрификация села.

— Как же отказываться человеку от своей выгоды, не слеп же он,— говорит Темур Секури.— Вот, скажем, член кооператива Флоря Гидяну. Привез в свой амбар полтора вагона всякого добра и уложил за кимир (широкий пояс) почти две с половиной тысячи лей. Была раньше у нас загвоздка: не водилось у членов кооператива денег, они их получали лишь в конце года, при распределении доходов. В этом году членам кооператива несколько раз выдавались авансы за счет продажи выращенных продуктов, и вот почему больше не соблазняют никого заработки на стороне. Да и свои коровы, овцы, свиньи, птица есть теперь у большинства хозяев.

Впрочем, дело и здесь не обходится без колебаний. Давно ли Антохи Аурел хмурился, когда заходили к нему в хату работники МТС и предлагали вспахать его землю трактором!

— Этого мне не требуется, господин инженер,— говорил он бригадиру трактористов.— Вы мне не разъясняйте, я уже давно все знаю. Не вздумайте заехать трактором на мой надел, не ровен час — может и дурное получиться...

Прошло некоторое время — и Аурел Антохи постучался в двери МТС.

— Не вспашете ли вы и мой участок трактором, товарищ инженер?..

А потом Антохи добровольно вызвался:

— Пойду и я с вами по соседям, расскажу им, каким упрямым я был.

Ныне Аурел Антохи — один из передовиков кооператива, он кандидат в члены партии.

Темная ночь, ни зги не видно, Только на горизонте сверкают яркие зарницы. Сильные порывы ветра бьют в смотровое стекло машины, сгибают деревья у дороги.

Мы тычемся от дома к дому, ищем усадьбу МТС. Новая, хорошо вымощенная дорога резко отличается от «областного» шоссе, по которому как будто прошли все танки мира. Но нигде ни души, только в глубине усадьбы колышется огонек. Громко и лениво лает дворовый пес. Наконец появляется молоденький безусый дежурный и обещает привести к нам главного инженера.

И вот мы беседуем с товарищем Ионом Григоре. Я сижу, скрестив по-турецки ноги, на жесткой походной кровати, он — на простом табурете, закинув ногу за ногу, с нескончаемой папиросой в зубах.

Я уже знал, что МТС создана недавно, что 85 тракторов, которыми она оснащена,— это лишь небольшая часть из 3 580 тракторов, 188 комбайнов, 1 278 молотилок и множества других сельскохозяйственных машин и орудий, составляющих техническую базу МТС и госхозов области. Но я не знал еще истории главного инженера.

По путевке министерства Ион Григоре прибыл в эти места в 1953 году. Здесь он встретил озлобленного, капризного старика агронома. В сводках тот писал, что вспашка проводится на глубину 18 сантиметров, в действительности же допускал и 10—12. Не выдержал Ион Григоре и как-то сказал ему:

— Если бы я был контролером, я заставил бы вас за все уплатить из своего кармана.

Старик насмешливо взглянул на

Председатель правления коллективного хозяйства имени Филимона Сырбу Николае Худицяну, его заместитель Георге Война и работник райкома Румынской рабочей партии товарищ Якоб.

него и ничего не ответил. Только позже Григоре узнал, что старик испугался.

— Этот молодчик,— говорил он,— решил посадить меня в тюрьму. Что я ему сделал плохого? Ведь он инженер-механик, пусть и занимается своим делом, а не пахотой.

Но Ион Григоре занимался не только техникой. На второй же день он велел бригадиру тракторной бригады пахать на глубину в 27 сантиметров. В 1954 году урожай повсеместно оказался слабым, но в зоне Топрайсарской МТС было собрано не менее 10 центнеров с гектара.

Сейчас МТС обслуживает 9 колхозов и 9 ТОЗов. Однажды пришел на усадьбу председатель соседнего коллективного хозяйства Абдул Аман. Он разыскал инженера и низко поклонился ему, пожелав доброго здоровья.

— Ваша бригада,— сказал он,— делает чудеса. Еще вчера вся земля была серой, а сегодня она черная.

МТС выполняет в настоящее время 17—18 видов сельскохозяйственных работ. Раньше коллективные хозяйства подавали заявки только на пахоту, сев и уборку, теперь требуют и боронования, и перевозки хлеба в зернохранилища, и механизированной подкормки культур.

— В СССР,— говорит главный инженер,— МТС обеспечивают по заявкам колхозов перевозку сена и соломы, снегозадержание, стрижку овец механизированными средствами и тем самым облегчают труд колхозников.

— Откуда вы все это знаете?

— Оттуда же. Я учился в Саратове и защищал дипломную работу в СССР.

— Сколько же вам лет?

— Тридцать один год.

Я смотрю на этого наполовину седого человека, и мне не верится.

— Массовое вступление крестьян в кооперативы поставило перед нами новые задачи. Что ж, тринадцать наших бригад оказались на высоте. До сих пор в зоне МТС мы собрали по 15—30 центнеров с гектара, получали и до 75 центнеров кукурузы с гектара, а в среднем — 45. В этих местах крестьяне дорожили больше конем, чем землей. Теперь же конь уходит в отставку, победа трактора неоспорима.

Инженеры-механики Топрайсарской МТС Валерия Малышева и Ион Григоре.

Бывают в работе радости, бывают и огорчения. Так и здесь, в Топрайсарской МТС. У Иона Григоре нет привычки жаловаться, но есть многое, за что он готов вступить в жестокую драку. В МТС посылают зачастую негодную технику и не могут обеспечить тем, в чем МТС нуждается. Некоторые запчасти МТС вынуждена изготовлять своими силами. Все это не помешало, однако, Топрайсарской МТС стать в третий раз претендентом на получение переходящего Красного знамени Министерства сельского хозяйства и ЦК Союза работников сельского хозяйства.

На следующий день я вместе с главным инженером обходил постройки МТС. Просторная, светлая мастерская была полна молодыми рабочими, командовали ими бухарестские мастера, искусные в работе, веселые, шутливые. Благоустроенные, чистые помещения для машин, есть установки для автогенной и электрической сварки. МТС растит молодые кадры и из числа местных жителей. Тут большую роль сыграла одна худенькая, смуглая, подвижная женщина. Она инженер-механик, зовут ее Валерия Александровна Малышева. Валерия Александровна — жена Иона Григоре. Она тоже окончила саратовский институт.

Мы стоим перед сараем. Ровным строем вытянулись... 15 хромых сеялок. В чем дело? Слишком тонкие спицы, сделанные из низкокачественной стали, легко ломаются и с большим трудом поддаются сварке. Посылали рекламацию за рекламацией, но пока сеялки продолжают поступать в прежнем виде...

В Констанцской области 33 МТС. Впереди идут Хаджиеньская, Топрайсарская, имени 23 августа и Кирнодженская. О Кирнодженской говорят много и только хорошее, несмотря на то, что в уборочную кампанию она оказалась недалеко от хвоста. О Топрайсарской же МТС узнаешь лишь тогда когда приезжаешь в зону ее действия. Почему это? Скромные здесь люди, или же мы не научились еще в силу инерции по-настоящему видеть новое, растущее?

Вдали блеснула длинная полоса воды. Возвращаемся к Дунаю. В Хыршову мы прибыли как раз к обеду, но напрасно торопились. Не нашли мы здесь ни Кириака Пырву, первого секретаря райкома партии, ни других членов бюро. Все разъехались по селам. Отправляемся в села и мы, но вечером, вернувшись в район, застаем помещение райкома попрежнему пустым. Видим все того же дежурного, который пытался нас уверить, что первый секретарь должен прибыть с минуты на минуту.

Часам к десяти вечера у ворот останавливается взмыленный конь. Всадник, покрытый несколькими слоями добруджской пыли, приветствует нас. Это и есть первый секретарь райкома. Отряхнув пыль, он приглашает нас в кабинет.

Кириак Пырву — широкоплечий, прочно стоящий на ногах человек с открытым, широким лицом, на котором сверкают умные карие глаза. Говорит он горячо, с обезоруживающей искренностью, стремительно и резко. Он может горячо поспорить с вами, готов чуть ли не в драку полезть, если вы с ним не согласны, но если вам удастся убедительно доказать ему, что он не прав, он это признает и в обиде не будет.

В нем сразу можно угадать рабочего-металлиста. Долгие годы Пырву работал котельщиком, он признается, что и теперь охватывает его тоска по старой профессии. Его уважают и любят в районе. Немножко самолюбив, правда, порой слишком самоуверен, но готов попросить прощения, если помимо воли задел чем-нибудь товарища,— таким знает его и так говорит о нем партийный актив. Слово партии — для него закон, он будет все делать, чтобы выполнить волю партии, пусть придется для этого лечь костьми.

Некоторые работники района помнят кое-какие его былые заскоки: как-то раз, в ходе заготовок, он в азарте даже предлагал снимать черепицу с домов злостных нарушителей первой крестьянской заповеди. Но, говоря об этом, люди понимающе улыбаются: нет, они не прощают ему, но признают в то же время его энергию, упорство, настойчивость.

Теперь Кириак Пырву сидит передо мной и пытается развенчать некоторые «святые аксиомы».

— Скажите, пожалуйста, кто это выдумал, что во всей Добрудже нужно сеять только пшеницу и кукурузу? А если у нас в некоторых местах бедная земля? Я могу вам доказать, что мы добьемся вдесятеро лучших результатов, если изменим профиль района. Если я могу отвести площадь под плодовые сады, дать тонны шерсти, цистерны молока, зачем меня заставлять давать на плохих землях по 4 центнера пшеницы с га?

И он рисует будущую карту района, рассказывает о великолепных виноградниках, которые можно посадить в Касимче, о садах в Топалу, о животноводческих фермах, которые могут быть созданы почти повсеместно.

— Нашлись идиоты из числа специалистов (первый секретарь райкома не выбирает выражений), которые утверждают, будто симменталки у нас не приживаются. Но вот у нас появились коровы весом до 700 килограммов, дают хорошее молоко. Значит, можно? Если вы малограмотны, отправляйтесь учиться,— говорит он, обращаясь к невидимым противникам.

Я забрасываю его все новыми вопросами по поводу того, что я видел в районе.

— Конечно, вы правы. Некоторые «умники» утверждали: ничего не выйдет в Добрудже с полезащитными полосами. Но мы посадили их в Касимче. Да и землю удобрили, как раньше не водилось. И что же? В этом году, когда в районе было нашествие жучка, загубившего нам 12 тысяч га, кто не пострадал? Касимча! Какой урожай собрали? 14 центнеров с га — в плохой год!

Сердцу Кириака Пырву близки и строительные дела. Он крепким словом поминает строительный трест № 10, употребляя при этом даже такие эпитеты, что руководители последнего, вероятно, вздрагивают во сне. Он требует, чтобы ему дали черепицу, что же касается остального, «то мы достанем все собственными силами, из местных ресурсов».

— Поймите меня, я просто не в силах слушать, когда какой-нибудь дед говорит, что скотине жилось у него на дворе лучше, чем в коллективном хозяйстве. Мы должны строить хлева, кошары, свинарники. Строительный камень у нас есть, рабочей силы тоже хватит. Так что же нам хныкать? Надо только руки приложить!

«Приложить руки» — этому товарищ Пырву учит всех партийных и государственных работников, всех трудящихся района.

Хорошие показатели Хыршовского района — результат вдумчивого труда, досконального знания местных условий и людей, личного примера коммунистов. Здесь люди, сменившие подушки на копны сена в поле, железнодорожные вагоны — на скрипучие телеги или оседланного коня, словом, люди, душой и телом отдавшиеся великому делу социалистического преобразования села. Многие из партийного актива поотстали от литературы, от новинок театра и кино, можно их упрекнуть и в том, что они мало видят свой дом, детей. Но именно они, несколько десятков человек, составляющих районный актив, смогли поднять на ноги 700 коммунистов района, нашли прочную опору в среде коммунистов и беспартийных, молодежи и пожилых, мужчин и женщин, крестьян и сельской интеллигенции. Немало слов потратили они, чтобы убедить середняка вступить в коллективное хозяйство. Убеждали фактами: в 1940 году килограмм брынзы у крестьянина покупали за 6 лей, а метр полотна продавали за 40, нынче же народное государство платит за брынзу 12 лей, а полотно продает по 6—8 за метр.

В общении с крестьянами коммунисты сами набирались хозяйственного опыта, расчетливости, умения вести дело.

Кириак Пырву говорит о собраниях, на которых 300—400 крестьян мечтали вслух о завтрашнем дне. Вспомнить только, как крестьяне сел Вултуру, Пантелимон, Ступина, Гэлбишорь, Рунку, Сириу подсчитывали, сколько пшеницы и шерсти, кукурузы и яиц, вина и денег они будут получать через 7—8 лет! Сколько детей будут посещать школу, сколько учителей и врачей будет в их селах, сколько новых домов они построят, какая жизнь будет у них! Да, он и сам знает, что вспыльчив подчас, слишком скор в решениях. Это, пожалуй, так. Но он любит людей, любит жизнь и сам умеет мечтать.

— Был я однажды в области, на совещании,— рассказывает Кириак Пырву.— Когда первый секретарь обкома сказал, что на ТЭЦ Овидиу II имеется неиспользованный резерв мощности в 15 тысяч киловатт, меня просто дрожь охватила. Ведь с такой мощностью мы можем электрифицировать всю область! Теперь обком спорит с госпланом. Подумать только, госплан хочет нам дать ток из... Галац! И когда-то это будет! Но Центральный Комитет обещал нас поддержать. Его слово свято!..

Старая Добруджа, пыльная, с растрескавшейся от зноя землей и пожелтевшими от непосильного труда и малярии людьми, безвозвратно уходит в прошлое. На ее месте растет молодая, полная жизни и сил новая Констанцская область. Изменяют свой облик села, меняются люди. В стране раздается голос новорожденного: появился на свет первый кооперированный район, первая область, ставшая на путь массового кооперирования.

В. М. Петров-Маслаков. У ПАШНИ.

Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина.

Пятая всесоюзная выставка дипломных работ студентов художественных вузов СССР.

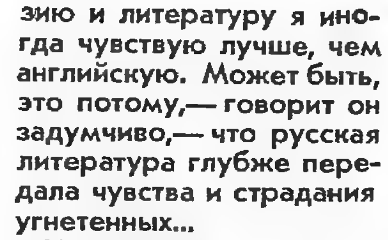

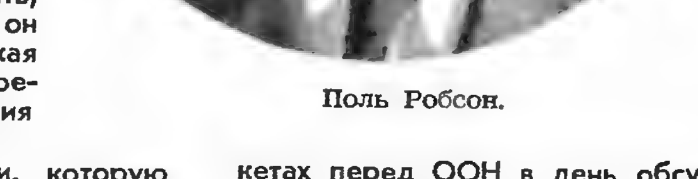
Н. П. Родионова. НОВАЯ ТКАНЬ.
Московский государственный художественный институт имени В. И. Сурикова.

А. М. Демин. ГОРЬКИЙ В ПЕКАРНЕ БУЛОЧНОЙ СЕМЕНОВА.

Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина.

Поль Робсон: «О, я еще побываю в Москве и привезу много новых песен!»

Поль Робсон.

Л. ТЮРИНА

В тот день, когда мы были приглашены к Полю Робсону, газеты сообщили о новой злобной вылазке реакции против великого американского артиста.

30 ноября, после долгого перерыва, в небольшом городке штата Нью-Джерси должен был состояться концерт Поля Робсона. Владелец отеля «Эссекс Хауз» Эллис согласился предоставить один из своих залов. Уже был внесен задаток, расклеены афиши и объявлено о продаже билетов. Но после появления в местной газете грубой, полной угроз статьи владелец «Эссекс Хауза» испугался и порвал контракт.

Робсон, конечно, уже знал об этом, когда мы пришли к нему. Но мы не заметили в нем ни тени уныния. Нас встретил все тот же большой, сильный, улыбающийся Поль, по-юношески влюбленный в жизнь, в музыку и в людей.

Легко завязывается беседа. Робсон не только великий певец и артист. Он и удивительный рассказчик.

— Три больших дела заполняют всю мою жизнь,— говорит он.— Искусство, борьба за освобождение негритянского народа и борьба за мир. Меня часто спрашивают: «Когда вы будете петь?» Имеется в виду: когда я буду петь в концертных залах. Пока я лишен этой возможности. Но я никогда не прекращал своих выступлений. Я пою в негритянских церквах, в кругу друзей. На таких концертах я не только пою. Я разговариваю с друзьями. Несмотря на истерию, разжигаемую определенными кругами, простые американцы горячо хотят мира, и я говорю им: мир — это дружба американского народа с народами России и Китая.

Робсон на минуту замолкает, а потом продолжает горячо и убежденно:

— Но скоро я надеюсь выступить перед более широкой аудиторией. Я получил много приглашений от молодежи. Студенты Чикагского, Калифорнийского, Северо-восточного, Канзасского и многих других университетов зовут меня к себе. Есть надежда выступить в одном из концертных залов Нью-Йорка, поступило предложение сыграть в театре... О, я еще побываю и в Москве,— широко улыбаясь, говорит он,— и привезу много новых песен!..

Он рассказывает о своих теоретических работах в области музыки. Идея, увлекшая Робсона,— сходство народной негритянской музыки с церковной музыкой Византии, со старинными русскими и грузинскими песнями и с хоралами Баха.

— Да, да, и с хоралами Баха,— повторяет Робсон.— Поэтому я могу петь эти хоралы, как народные мотивы.

Он иллюстрирует свои слова музыкальными фразами, которые звучат очень убедительно.

— Конечно,— говорит он,— утверждение, что Бах сделан из того же теста, что и русские, грузинские и абиссинские песни, вызовет споры. Ну что ж, и поспорим! — И в голосе его звучат юношеская страстность и задор.

Разговор переходит на другую тему.

— Я читал Пушкина еще задолго до того, как впервые отведал хлеба в вашей стране. И хотя я вырос в Америке и воспитан на английской культуре, русскую поэзию и литературу я иногда чувствую лучше, чем английскую. Может быть, это потому,— говорит он задумчиво,— что русская литература глубже передала чувства и страдания угнетенных...

У мировой реакции, которую возглавляют Соединенные Штаты, главная цель сейчас — остановить прогресс социалистических стран,— продолжает Робсон.— Поэтому защита Родины социализма — это первая линия борьбы против мировой реакции. Это было правильно раньше. Это еще более правильно сегодня.

Потом мы вместе вспоминаем его недавнее выступление перед комиссией по расследованию так называемой антиамериканской деятельности. Перед лицом всего народа (заседания комиссии передаются по телевизору) Робсон заявил своим обвинителям, что̀ он о них думает. Он от души смеется, вспоминая, как взбесились конгрессмены, когда на вопрос, знаком ли он с Беном Дэвисом, одним из руководителей американских коммунистов, находящимся в тюрьме, последовал ответ: «Ничем я не горжусь более, чем моим знакомством с ним. И я говорю вам: Бен Дэвис — настоящий американский патриот, а вы не патриоты и должны стыдиться самих себя».

Эсланда Робсон рассказывает о том, какой горячий отклик в сердцах американцев нашли его мужественные ответы комиссии, сколько писем, полных одобрения и благодарности, получил он от простых американцев — черных и белых.

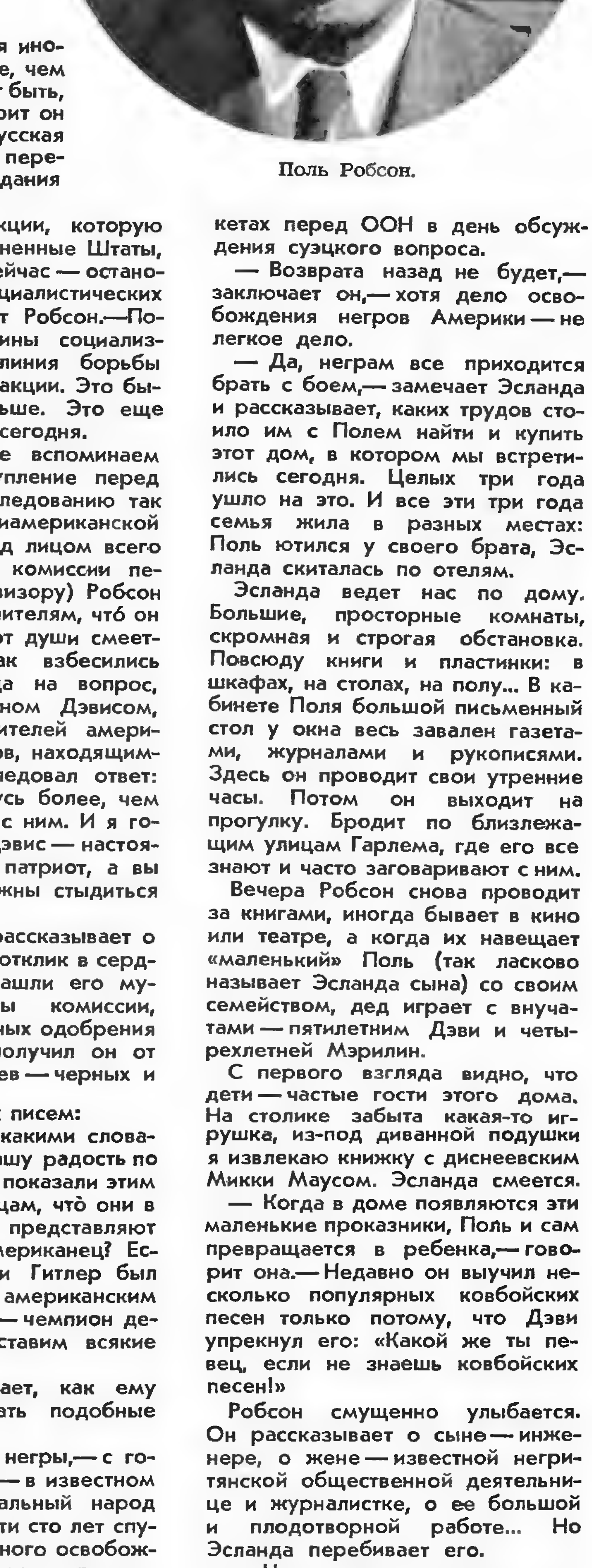
Вот одно из таких писем:

«Мистер Робсон, какими словами выразить вам нашу радость по поводу того, что вы показали этим истинным американцам, что̀ они в действительности представляют собой! Уолтер — американец? Если это так, тогда и Гитлер был достоин стоять под американским знаменем. Истленд — чемпион демократии? Тогда оставим всякие надежды!»

Робсон не скрывает, как ему приятно было читать подобные письма.

— Американские негры,— с горечью замечает он,— в известном смысле полуколониальный народ в своей стране. Почти сто лет спустя после официального освобождения нас утешают тем, что, может быть, в 1967 году мы добьемся настоящей свободы. Но неграм Америки надоело ждать.

И Робсон напоминает нам о новых массовых формах борьбы, впервые использованных американскими неграми: об упорном и успешном бойкоте автобусов в Монтгомери и о негритянских пикетах перед ООН в день обсуждения суэцкого вопроса.

— Возврата назад не будет,— заключает он,— хотя дело освобождения негров Америки — не легкое дело.

— Да, неграм все приходится брать с боем,— замечает Эсланда и рассказывает, каких трудов стоило им с Полем найти и купить этот дом, в котором мы встретились сегодня. Целых три года ушло на это. И все эти три года семья жила в разных местах: Поль ютился у своего брата, Эсланда скиталась по отелям.

Эсланда ведет нас по дому. Большие, просторные комнаты, скромная и строгая обстановка. Повсюду книги и пластинки: в шкафах, на столах, на полу... В кабинете Поля большой письменный стол у окна весь завален газетами, журналами и рукописями. Здесь он проводит свои утренние часы. Потом он выходит на прогулку. Бродит по близлежащим улицам Гарлема, где его все знают и часто заговаривают с ним.

Вечера Робсон снова проводит за книгами, иногда бывает в кино или театре, а когда их навещает «маленький» Поль (так ласково называет Эсланда сына) со своим семейством, дед играет с внучатами — пятилетним Дэви и четырехлетней Мэрилин.

С первого взгляда видно, что дети — частые гости этого дома. На столике забыта какая-то игрушка, из-под диванной подушки я извлекаю книжку с диснеевским Микки Маусом. Эсланда смеется.

— Когда в доме появляются эти маленькие проказники, Поль и сам превращается в ребенка,— говорит она.— Недавно он выучил несколько популярных ковбойских песен только потому, что Дэви упрекнул его: «Какой же ты певец, если не знаешь ковбойских песен!»

Робсон смущенно улыбается. Он рассказывает о сыне — инженере, о жене — известной негритянской общественной деятельнице и журналистке, о ее большой и плодотворной работе... Но Эсланда перебивает его.

— Нет, нет, — говорит она нам.— Два самых больших дела моей жизни: то, что я вышла замуж за большого Поля и произвела на свет маленького Поля.

И они оба весело смеются...

Удивительно легко и просто чувствуешь себя в обществе этих замечательных людей, и, кажется, никогда бы не устала слушать их.

Фото из семейного альбома Робсонов. Сын Поля Робсона Поль, жена «маленького» Поля Мэрилин Робсон с сыном Дэви, Поль Робсон.

Юношеские годы Сергея Есенина

Фото В. Молчанова.

Ю. ПРОКУШЕВ

Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолий.
С. Есенин

Привольно раскинулось на высоком холмистом правом берегу Оки село Константиново — родина выдающегося русского поэта Сергея Есенина. Как и во времена поэта, здесь

Одна, как прежняя, белеется гора,
Да у горы
Высокий серый камень.

Отсюда открывается взору необъятный простор заливных лугов, летом утопающих в цветах, словно сказочный гигантский ковер, поблескивающая гладь озер, убегающие вдаль перелески, а у самого горизонта синеет дымка лесов Мещеры.

До последнего времени мы очень мало знали о жизни поэта среди «рязанских раздолий» в годы детства и юности.

Когда в прошлом заходила речь об этом периоде жизни поэта, то чаще всего подчеркивалось влияние на Есенина религиозно настроенных людей, а то и прямо говорилось о «церковно-мистической закваске», полученной поэтом в юные годы. Объясняли все это тем, что Есенин-де в юности серьезно нигде не учился, больше озорничал, литературу знал понаслышке и явился в 1914 году в Петроград наивным пареньком, влюбленным в патриархальную деревенскую жизнь. Отголоски этих легенд приходится, к сожалению, слышать и сегодня.

Стоит только обратиться к действительным фактам: ранним стихам поэта (опубликованным и к тем, которые не были напечатаны при его жизни), почитать письма Есенина к родным и друзьям, познакомиться с материалами о занятиях Есенина в Константиновском училище и Спас-Клепиковской учительской школе, воспоминаниями его родных, учителей и товарищей по школе,— чтобы увидеть, как несхожа подлинная жизнь поэта (до приезда в Петроград) с тем представлением, которое укоренилось в большей части литературы о Есенине.

С некоторыми новыми и малоизвестными фактами из жизни Есенина в школьные годы и ранний период его творчества нам и хочется познакомить читателей.

До 1909 года Есенин живет в родном селе Константинове. В детстве Сергей Есенин, босоногий деревенский мальчишка, вместе со своими сверстниками часто убегал в луга, ездил на Оку поить лошадей. «Ночью луна при тихой погоде стоит стоймя в воде. Когда лошади пили, мне казалось, что они вот-вот выпьют луну, и я радовался, когда она вместе с кругами отплывала от их ртов»,— вспоминал он позднее в автобиографии.

Один из сверстников Есенина, товарищ по деревенским играм и забавам, Кузьма Васильевич Цыбин, рассказал:

Наши ребячьи походы в луга за Оку я хорошо помню. Бывало, ранним летним утром забежишь к Есенину:

— Айда в луга!

— Сейчас выйду, жди на улице.

И вот мы уже на Оке. Переправившись на другой берег, отправляемся через луга к дальней косе. Песчаная коса, где такое раздолье для купанья, высокие травы с ежевикой и другими ягодами — наше любимое место. Иногда мы идем к Старице, затерявшемуся в лугах старому руслу Оки, берега которого покрыты зарослями ивняка и камыша.

Мы сидим с Кузьмой Васильевичем под яблоней в саду, раскинувшемся на пригорке. Внизу, у плотины Кузьминской ГЭС, играет и шумит Ока. За рекой в лугах поблескивает та самая Старица, о которой идет речь. А вдали, где Ока неожиданно делает резкий поворот, желтеет песчаная коса.

— Помню, как однажды,— говорит Кузьма Васильевич,— по пути к этой косе мы решили половить утят в одном из луговых озерец. Стремительный и ловкий Есенин был по этой части большой мастак. Поймав быстро одного за другим трех утят, он передал их мне с наказом «держать крепко». Не успел Есенин отойти, как один утенок, вырвавшись из моих рук, нырнул в воду и скрылся в камышах. Увидев это, Есенин взял у меня утят и начал распекать меня. Потом вдруг подошел к берегу и... пустил одного, затем другого утенка в воду. И долго смотрел им вслед...

Очень любил Есенин цветы. Для него они что живые друзья были.

И цветы, и шелест тростника, и плеск волны — вся красота родного края становится для Есенина источником поэтического вдохновения. Уже в те годы он создает свои широко известные лирические миниатюры о природе. К ним следует присоединить неопубликованное стихотворение Есенина «Ночь», написанное им в 1910—1911 годах в селе Константинове.

Усталый день склонился к ночи,
Затихла шумная волна,
Погасло солнце и над миром
Плывет задумчиво луна.
Долина тихая внимает
Журчанью мирного ручья.
И темный лес, склоняясь, дремлет
Под звуки песни соловья.
Внимая песням, с берегами,
Ласкаясь, шепчется река.
И тихо слышится над нею
Веселый шелест тростника [1].

Занимался Сергей Есенин сначала в Константиновском училище, куда поступил в 1905 году. Нам довелось беседовать с теми, кто учился тогда в Константиновском училище. Все они — и Николай Петрович Калинкин, и Павел Михайлович Любушкин, и Кузьма Васильевич Цыбин, и двоюродная сестра поэта Анна Ивановна Власова — неизменно подчеркивали, что Есенин занимался легко, как бы шутя, но по праву считался одним из способных учеников.

Вспоминая о школьных годах Есенина, Николай Петрович Калинкин рассказывает:

Школа наша была небольшая, всего четыре класса. Помещалась она почти напротив дома Есениных. Из учителей мы особенно любили Ивана Матвеевича Власова. Он за-

Сергей Есенин. 1912—1913 годы.

[1] Из фондов Государственного литературного музея.

нимался с нами во 2-м и 4-м классах. В 1-м и 3-м классах занятия проводила Лидия Ивановна Власова.

И учителя и мы любили Есенина за прямоту и веселый нрав. Был он среди нас, как говорится, первый заводила, бедовый и драчливый, как петух.

Но не только о похождениях «деревенского озорника» помнит Николай Петрович Калинкин. Вспоминая былое, школьный товарищ поэта говорит:

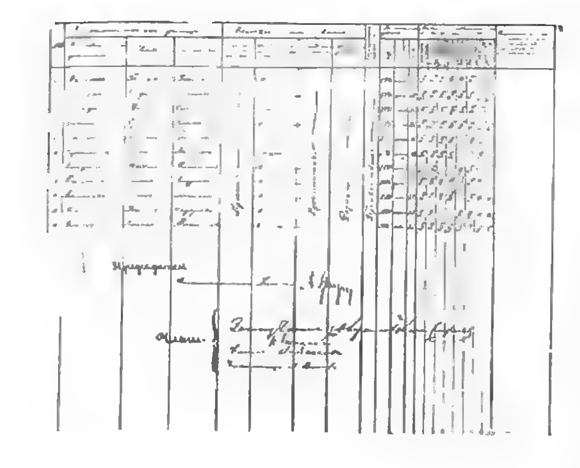
Есенин не только был мастер на разные выдумки и шалости. Одарен он был ясным умом. Мы и тогда уже чувствовали это. Выделялся он среди нас. Отвечал на уроках бойко. Особенно, когда читал вслух или декламировал стихи Некрасова, Кольцова, Никитина. Иван Матвеевич стремился привить нам любовь к родной литературе. Была у нас и библиотека.

Есенин любил читать. Бывало, если увидит у кого-нибудь новую книгу, то весь загорится и уже каким-нибудь образом, но заполучит ее себе.

Впервые нам стало известно о том, что Сергей Есенин пишет стихи, в третьем или четвертом классе. Однажды зимой Есенин пришел в класс и, подав учителю клочок бумаги, на котором что-то было написано, сказал:

— Посмотрите, вот что я сам сочинил.

Окончил он школу с похвальным листом, на круглые пятерки. Сохранился «Список учащихся Константиновского училища Рязанского уезда, подвергнутых испытанию при окончании в оном курса в мае месяце 1909 года», фотокопия которого здесь впервые публикуется.

Способности, проявленные Есениным в Константиновском училище, побудили родных поэта устроить его в 1909 году в Спас-Клепиковскую учительскую школу, которая находилась в 30 километрах от села Константиново. По окончании ее в 1912 году Есенину было присвоено звание «учителя школы грамоты».

О жизни и учебе Есенина в Спас-Клепиках, о его творчестве в те годы долгое время было известно очень немногое. Все это показывает, что «клепиковский период» — важная веха в жизни поэта. Здесь, в Клепиках, он впервые по-настоящему занялся поэзией, мечтая «всю душу выплескать в слова».

«Стихи я начал писать рано, лет девяти,— вспоминал Есенин,— но сознательное творчество отношу к 16—17 годам» (то есть ко времени учебы в Спас-Клепиках.— Прим. автора).

Можно предполагать, что часть из клепиковских стихов Есенина не дошла до нас; часть стихов поэт в дальнейшем либо переработал, либо уничтожил совсем. Так, в 1912 году, вскоре после окончания Спас-Клепиковской школы, приехав в родное село, Есенин в письме к товарищу по учебе Грише Панфилову обращается с такой просьбой: «Дай мне, пожалуйста, адрес от какой-либо газеты и посоветуй, куда посылать стихи. Я уже их списал. Некоторые уничтожил, некоторые переправил».

Домик, где любил работать поэт во время приездов в родное село.

Лучшие клепиковские стихи вошли в книги поэта, изданные в разные годы («Там, где капустные грядки...», «Подражание песне», «Сыплет черемуха снегом...», «Выткался на озере алый свет зари...», «Калики», «Темна ноченька, не спится...», «Моя жизнь» и другие).

О живом интересе, проявленном Есениным в годы учения к поэзии, мы узнаем из воспоминаний учителя русского языка и словесности Евгения Михайловича Хитрова.

Стихи он начал писать с первого года своего пребывания в школе... Писал он коротенькие стихотворения на самые обыденные темы. Более серьезно занялся я им в третий, последний год его пребывания в школе, когда мы проходили словесность. Стихи его всегда подкупали своей легкостью и ясностью. Но здесь уже в его произведениях стали просачиваться и серьезная мысль и широта кругозора... И все-таки я не предвидел того громадного роста, которого достиг талант С. Есенина, развиваясь беспрерывно. Мешало мне рассмотреть и то, что в нашей школе у Есенина среди его товарищей-однокурсников были сильные соперники в поэтическом творчестве. Из них наиболее выдающимся был Е. Тиранов, рабочий с Великодворского стекольного завода. У Тиранова муза была мрачная, скорбная, стих тяжеловатый; занимали его более гражданские темы. Произведения его были обширны по объему, простираясь до поэм, но мысли в них кипели, чувство клокотало.

Воспоминания Е. М. Хитрова были помещены в 1924 году в рукописном журнале правления Спас-Клепиковского уездного Союза Просвещения. (Цитирую по экземпляру журнала, хранящемуся в личном архиве рязанского краеведа С. М. Титова).

О том, что у Есенина среди одноклассников были «соперники в поэтическом творчестве», рассказывает и Артем Никитич Чернов, вместе с которым Есенин учился и прожил три года в школьном интернате.

Наше отделение,— говорит он,— всегда отличалось интересом к литературе. Правда, книг для чтения в школе было мало. Брали мы их обычно в земской библиотеке, которая помещалась неподалеку от нас. Кроме Есенина и Тиранова, поэзией увлекались и писали стихи другие ученики. По вечерам мы собирались в одной из комнат интерната, читали Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Кольцова, а потом кто-либо читал свои стихи. Чаще всего это был Есенин. У него уже и тогда имелось много стихов. Писал он их, как нам казалось, быстро и легко. Бывало и так: утром встаем, собираемся на занятия (кровати наши в интернате стояли рядом), и Есенин просит послушать его новое стихотворение. Иногда отдельные стихи Есенин дарил на память кому-либо из нас.

В долгие зимние вечера устраивали мы школьные спектакли. Душой этого дела был Есенин, которого мы обычно откомандировывали к старшему учителю Хитрову за разрешением на «представление», пользуясь тем, что Есенин был у него одним из любимых учеников.

Учителем Есенина все три года в Спас-Клепиковской школе был Виктор Алексеевич Гусев. Совсем недавно ему исполнилось 75 лет. В Спас-Клепиковской школе он начал работать в 1908 году. Вел занятия по физике, арифметике, геометрии, дидактике, педагогике (учителей в школе было немного, вот и приходилось каждому педагогу вести несколько дисциплин).

Об увлечении Есенина поэзией учителя знали, но серьезного значения поначалу этому не придавали.

Потом, во второй и особенно третий год занятий в школе,— вспоминает В. А. Гусев,— стало ясно, что голубоглазый, подвижной, как ртуть, весельчак Есенин не просто «сочиняет» стихи (это со многими случается в юности), а обладает незаурядным поэтическим дарованием. Талант его развивался стремительно. Я хорошо помню, как в 1915—1916 годах мне в руки попалась книга стихов, где среди произведений лучших поэтов было напечатано и стихотворение Есенина.

Писал стихи Есенин, судя по всему, быстро. Показывал их иногда и нам, учителям. Чаще всего он давал их Хитрову. Иногда обращался и ко мне. Это бывало, как я замечал, в тех случаях, когда Евгений Михайлович Хитров высказывал довольно резкие замечания по поводу его стихов. Он и приходил тогда ко мне. Хотел, вероятно, посмотреть, как воспринимаются его стихи другими. Был он в этом отношении настойчив и, я бы сказал, излишне самолюбив.

Во время беседы Виктор Алексеевич несколько раз возвращался к вопросу, который, очевидно, сильно тревожил и волновал его.

Мне приходилось вскоре после смерти Есенина, да и в дальнейшем читать и слышать о религиозности юного поэта, о «влюбленности» его в образы церковно-патриархальной Руси. Говорилось в этой связи о религиозном влиянии нашей школы на Есенина. Со всеми этими суждениями я никогда не соглашался и согласиться не могу. Тем более, что и сам поэт решительно возражал против этого. «Я вовсе не религиозный человек и не мистик,— писал он в одном из предисловий к своим стихам.— Я реалист, и если есть что-нибудь туманное во мне для реалиста, то это романтика, но романтика не старого нежного и домообожаемого уклада, а самая настоящая земная... Я просил бы читателей относиться ко всем моим Исусам, Божьим Матерям, Миколам, как к сказочному в поэзии».

Что же касается нашей школы, то она, будучи предназначена для подготовки учителей церковно-приходских школ, имела, конечно, свой специфический облик. Заведовал школой священник, он же вел занятия по церковной, общей и русской истории и закону божию. Утром и вечером учеников водили на молитву. Но, кроме этих формальных признаков, были и другие, которые определяли действительный облик школы и ту обстановку, в которой протекала жизнь и учеба Есенина в Спас-Клепиках. Их предстоит еще выяснить исследователям творчества поэта. Я же хочу обратить внимание на ряд фактов, как человек, проработавший в школе в Спас-Клепиках почти десять лет. Прежде всего хочется подчеркнуть, что, согласно учебному плану и программам, основное время отводилось изучению таких дисциплин, как русский язык и словесность, арифметика (полный курс), геометрия, физика, география, дидактика, отечественная история и другие.

В справедливости этих слов В. А. Гусева еще раз убеждаешься, когда знакомишься со школьными сочинениями Г. Панфилова. Хотя мы и не располагаем школьными сочинениями самого Есенина, но вполне можно предположить, что по своему содержанию они были примерно такого же характера.

Судя по этим сочинениям, качество преподавания в Спас-Клепиковской школе, взгляды, настроения коллектива преподавателей — все это способствовало воспитанию будущих учителей в демократических традициях русской школы. Об этом не без гордости говорит и Виктор Алексеевич Гусев:

Важно, конечно, не только название дисциплин, но кто и как их преподает. И здесь хочу сказать, что на долю Есенина в школе не пришлось ни одного ретрограда.

Старшим учителем в школе был Евгений Михайлович Хитров — преподаватель русского языка и словесности. Он отвечал за воспитательную работу с учащимися и в неурочное время, особенно с теми, которые жили в интернате при школе. Хитров любил и по-настоящему знал русский язык, отечественную и зарубежную литературу. В отношениях с учениками был временами чрезмерно строг, но всегда справедлив. Настроен был демократически. В Октябрьские дни 1917 года вступил в большевистскую партию.

Преподаватели Александра Петровна и Виктор Алексеевич Гусевы.

Здание бывшей Спас-Клепиковской учительской школы.

Хочу заметить, что и ученики шли в нашу школу не по религиозным убеждениям, а потому, что это было единственное учебное заведение, доступное детям крестьян, где за небольшую плату можно было получить фактически среднее специальное образование. Почти все выпускники школы работали после ее окончания либо учителями начальных классов общеобразовательных школ, либо служили в гражданских учреждениях. Вот почему, я еще раз подчеркиваю, годы, проведенные Сергеем Есениным в стенах нашей учительской школы, религиозного влияния на Есенина и его поэзию не оказали да и в тех обстоятельствах оказать не могли.

Благотворное влияние на Есенина в Спас-Клепиках оказал друг юности Гриша Панфилов. Семья Панфиловых жила тут же, и Есенин свободное время проводил в их доме. Мать Гриши, Марфа Никитична Панфилова, рассказывает:

Гриша был постарше Есенина. Читал много (были у него и свои книги). В доме у нас всегда было полно молодежи — товарищей Гриши. Чаще других, кроме Сережи Есенина, приходили Митя Пырьков, Анна Шилина, Гриша Черняев, других уже сейчас не помню. Был у них как бы свой кружок. Зимними вечерами засиживались допоздна. Пели, играли, танцевали, а иногда сидели тихо, кто-либо читал, другие слушали, потом начинали спорить, убеждать друг друга в чем-то.

Более подробно о настроении, литературных интересах и жарких спорах, которые вспыхивали среди молодежи в доме Панфиловых, мы узнаем из рассказа Григория Львовича Черняева. В 1909 году он, как и Есенин, поступил в Спас-Клепиковскую школу.

Наш кружок у Панфилова,— вспоминает Григорий Львович,— образовался почти стихийно. Вначале все мы собирались, чтобы сообща развлечься, поговорить о школьных делах, поспорить о прочитанных книгах. Потом, когда ближе узнали друг друга, в беседах и спорах стали касаться вопросов тогдашней общественной жизни. Читали роман Л. Н. Толстого «Воскресение», его трактат «В чем моя вера?» и другие книги писателя. Одно время сильно увлекались толстовством. Мечтали побывать в Ясной Поляне. Толстовские идеи сильно захватили тогда и Есенина. Однако сложившихся взглядов и убеждений у нас тогда еще не было. Мировоззрение наше только формировалось. Помню, как мы спорили о Горьком и его книгах. С особым интересом воспринимали ранние рассказы писателя. Захватил нас их романтический дух, горьковская вера в человека.

Мы были знакомы со стихами Есенина. Он часто читал их в кружке.

За три года учебы в Спас-Клепиковской школе многое было пережито, передумано юным поэтом. Желание посвятить свою жизнь и творчество народу — вот мысли, которые теперь больше всего начинали волновать Есенина. В 1912 году в стихотворении «Поэт» он писал:

Тот поэт, врагов кто губит,
Чья родная правда мать,
Кто людей, как братьев, любит
И готов за них страдать.
Он все сделает свободно,
Что другие не могли.
Он поэт, поэт народный,
Он поэт родной земли![1]

История этого стихотворения такова: в 1912 году, прощаясь с Гришей Панфиловым перед отъездом из Спас-Клепиков, Есенин подарил ему свою фотографию, на обратной стороне которой написал своего «Поэта» с посвящением: «Горячо любимому другу Грише».

О том, что «Поэт» явился для раннего периода творчества Есенина своеобразным идейно-эстетическим кредо, а не просто стихотворением, написанным под горячую руку, в момент прощания с другом, убеждаешься, читая письмо Есенина к Панфилову из Москвы, относящееся к середине 1913 года.

Обращаясь к другу, Есенин пишет:

«Благослови меня, мой друг, на благородный труд. Хочу писать «Пророка», в котором буду клеймить позором слепую, увязшую в пороках толпу. Если в твоей душе хранятся еще помимо какие мысли, то прошу тебя, дай мне их, как для необходимого материала. Укажи, каким путем итти, чтобы не зачернить себя в этом греховном сонме. Отныне даю тебе клятву, буду следовать своему «Поэту». Пусть меня ждут унижения, презрения и ссылки, я буду тверд, как будет мой пророк, выпивающий бокал, полный яда, за святую правду с сознанием благородного подвига».

Побыв некоторое время в родном Константинове, Есенин в том же 1912 году едет в Москву, к отцу, который тогда работал приказчиком в мясной лавке на Щипке. В Москве Есенин мечтает серьезно заняться учебой и творчеством. Литературные интересы привели его в Московский литературно-музыкальный кружок имени Сурикова, где в те годы группировались начинающие писатели из среды рабочих и крестьян. В заявлении в Совет кружка Есенин писал: «Настоящим покорнейше прошу Совет кружка зачислить меня в действительные члены. Печатные материалы появлялись: «Рязанская жизнь», «Новь», «Мирок», «Проталинка», «Путеводный огонек».

В начале 1913 года Сергею Есенину удается поступить подчитчиком корректора в типографию Сытина.

Работая в типографии, Есенин по вечерам слушает лекции в Московском городском народном университете имени А. Л. Шанявского. В одном из своих писем (1913 г.) к Панфилову поэт сообщает другу, что он «поступил в университет Шанявского на историко-философский отдел». Программа университетских занятий была рассчитана на три года. Есенин же прозанимался полтора года, после чего, как он сам отмечал в одной из своих автобиографий, «должен был уехать обратно по материальным обстоятельствам в деревню». В университете Есенин слушал лекции по русской и западной литературе, истории России и Франции, истории новой философии, политической экономии, логике (все эти предметы читались на первом и втором годах обучения). Правда, работа в типографии, вероятно, не всегда позволяла Есенину бывать на лекциях. Но при всем этом очевидно большое значение университетских занятий в формировании духовного облика молодого поэта. О напряженной интеллектуальной жизни поэта, его литературных исканиях и мечтах, о его близости к революционно настроенной молодежи, работавшей в типографии, и о многих других малоизвестных, но очень важных сторонах его жизни в этот ранний московский период мы узнаем из писем Сергея Есенина к Г. Панфилову. Читая эти письма, чувствуешь, что в них Есенин вел с другом взволнованный и откровенный разговор[2].

Чрезвычайно интересно большое письмо Есенина к Панфилову, написанное после того, как он проработал некоторое время в типографии. Настроение письма лучше всего выражает предпосланный ему эпиграф:

Сбейте мне цепи, скиньте оковы!
Тяжко и больно железо носить.
Дайте мне волю, желанную волю,
Я научу вас свободу любить.

В письме Есенин говорит, что Гриша «в углу своего прекрасного далеко» не видит, как «здесь кипит, бурлит и сверлит холодное время, подхватывая на своем течении всякие зародыши правды, стискивая в свои ледяные объятия, и несет бог весть куда в далекие края, откуда никто не приходит. Ты обижаешься, почему я так долго молчу, но что я могу сделать, когда на устах моих печать, да и не на моих одних... Мрачные тучи сгустились над моей головой, кругом неправда и обман. Разбиты сладостные грезы, и все унес промчавшийся вихрь в своем кошмарном круговороте...

Я чувствую себя прескверно. Тяжело на душе. Злая грусть залегла. Вот и гаснет румяное лето со своими огненными зорями, а я и не видел его за стеной типографии. Куда ни взгляни, взор всюду встречает мертвую почву холодных камней и только и видишь серые здания да пеструю мостовую, которая вся обрызгана кровью жертв 1905 года»...

Эти факты показывают, что легенда о появлении в Петрограде в 1914—1915 годах наивного, религиозно настроенного и влюбленного в патриархальный сельский уклад жизни деревенского юноши нуждается в серьезных коррективах. Характерно, что Алексей Максимович Горький (не зная о жизни Есенина в Москве и Клепиках), встречавшийся с ним в Петрограде в 1914 году, чувствовал явное противоречие между богатой мыслями и образами поэзией Есенина и его внешним «картинным» видом.

«...Когда я читал его размашистые, яркие, удивительно сердечные стихи,— вспоминает А. М. Горький,— не верилось мне, что пишет их тот самый нарочито картинно одетый мальчик...».

Конечно, восстанавливая действительный облик поэта, не следует допускать крайности в выводах. Факты, о которых идет здесь речь, не надо переоценивать и из юноши Есенина делать сложившегося в своих убеждениях борца-революционера. Но их и не надо сбрасывать со счета, когда речь идет о формировании мировоззрения поэта и его отношении к передовым общественным силам России.

Со временем к Сергею Есенину заслуженно пришла слава. Но он всегда был сердцем со своими «рязанскими раздольями», всегда с любовью вспоминал ту «сельщину, где был мальчишкой», часто наведываясь в родные края.

Земляки Есенина с любовью хранят в памяти эти встречи с поэтом.

В родных краях,— вспоминает двоюродная сестра Есенина Анна Ивановна Власова,— ему и работалось хорошо. В домике, что стоял за есенинской избой на усадьбе (несколько лет назад он сгорел), мне приходилось видеть, как много Есенин трудился над своими стихами.

Конечно, тогда нам, односельчанам, трудно было представить все значение работы Есенина.

Зайдешь, бывало, к матери Есенина Татьяне Федоровне и спросишь ее:

— Чего это твой Сергей все пишет и пишет? Шел бы он лучше в луга с мужиками косить или на рыбалку.

Странным казалось, что на такое дело, как стихи, можно убивать столько времени. И только много лет спустя мы, односельчане Есенина, видя, как высоко народ ценит его поэзию, по-настоящему поняли, что заставляло его быть таким взыскательным к своей работе.

Заслуженный учитель школы РСФСР Сергей Николаевич Соколов, с 1919 года работающий в Константиновском училище, вспоминая о своих встречах с поэтом, когда тот приезжал в родное село, рассказывает:

Как-то под вечер мы собрались в доме друга детства Есенина Клавдии Воронцовой. Пришел и Сергей Александрович. Настроение было у него хорошее. Мы попросили его почитать свои стихи. Он охотно согласился, ибо такими просьбами односельчане его редко донимали. Как это ни покажется сейчас странным, но так получалось, что Есенин, будучи признанным в литературе того времени художником слова, стихи которого уже тогда переводились на иностранные языки, в своем родном селе был как поэт мало известен. Все здесь смотрели на него как на односельчанина, приезжающего летом погостить из города. Нам, местным учителям, тогда тоже не приходило в голову как-то шире познакомить константиновцев с поэзией Есенина. Кто знает, может быть, видя такое отношение к своему творчеству со стороны нас, односельчан, Есенин временами с грустью думал о том, что:

Моя поэзия здесь больше не нужна.
Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен.

В тот памятный вечер он буквально потряс присутствующих. Всех нас захватило половодье чувств его поэзии. Не верилось, что перед нами тот самый Есенин, об озорных ребячьих проделках которого по селу ходили легенды. А он, словно не замечая нашего восторженного оцепенения, все бросал и бросал потрясающие душу слова:

Но и тогда,
Когда во всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть,—
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь».

Таким влюбленным в жизнь, в родную Русь, вечно юным и светлым, как его поэзия, он и живет в моей памяти.

Вечно юная, светлая, полная сыновней любви к родной русской земле поэзия Сергея Есенина будет всегда жить в народном сердце.

[1] Стихотворение «Поэт» впервые было напечатано в рязанской областной газете «Сталинское знамя», в статье А. Скороходова «На родине Сергея Есенина», 28 декабря 1945 года.

[2] Переписка, которую вел Есенин со своим другом вплоть до смерти Панфилова (он умер от чахотки в феврале 1914 года), частично опубликована в альманахе «Литературная Рязань», 1955 год, № 1.

Дом в переулке

О. ШМЕЛЕВ

Фото А. Бочинина.

Началось это совсем не гладко. Вот как было дело... Решили в пятнадцатом домоуправлении Куйбышевского района Москвы как-то лучше, интереснее устроить досуг жильцов, а главное, организовать ребят. В доме номер 9 по Армянскому переулку имелось помещение, очень подходящее для клуба, но его все время занимали разные посторонние учреждения. Родительский комитет, возглавляемый Ольгой Ивановной Межовой, и домоуправление повели «осаду» этого помещения. «Осада» была длительной, но окончилась она успешно: клуб создали. Конечно, это слишком громко звучит — клуб! Всего две комнаты: одна небольшая квадратная, другая продолговатая, площадью приблизительно в восемьдесят квадратных метров, но и то хорошо — база для работы есть.

Сперва решили устроить лекцию. Договорились с лекционным бюро, повесили афишу, и вот настал вечер первого «мероприятия».

Народу собралось много, и старые и малые. Но лектор попался неудачный — через полчаса в зале остались только те, кто постеснялся уйти, да и то почти все они дремали...

После неудачи родительскому комитету стало ясно: работу надо сделать живой. И задумали прибегнуть к методу, прямо противоположному лекциям,— танцам.

Танцы имели немалый успех, такой успех, что авторы этой идеи схватились за голову. Со всех окрестных улиц и даже с Трубной площади и из Сокольников каждый вечер являлись «на огонек» гости, а среди них были и непрошенные: подвыпившие молодые люди, которые вели себя возмутительно.

И вот что значит нет худа без добра: нашествие хулиганов заставило сплотиться и дать им отпор. Молодежь в Армянском переулке не какие-нибудь вегетарианцы-непротивленцы.

Создался комсомольско-молодежный штаб: Володя Осипов, Володя Ильюхин, Борис Завалишин, Валерий Болотов и другие ребята. И хулиганам пришлось забыть дорогу в тихий Армянский переулок.

Этот эпизод можно считать поворотным пунктом в истории клуба. Ребята организовались по-настоящему. Кому-то пришла мысль создать свой эстрадный оркестр, благо рояль уже был. Домоуправление смогло выделить на покупку инструментов семь тысяч рублей. Прошло немного времени, и музыканты настолько хорошо сыгрались, что однажды несколько номеров оркестра были записаны на магнитофон.

Долго мучила родительский комитет одна проблема.

...Утро. Взрослые ушли на работу. По двору бесцельно слоняется парнишка лет десяти,— в школе он во второй смене. Попалась ему на глаза консервная банка, стал гонять ее ногами — скрежет и звон стоит во дворе. Потом увидел кошку, поймал ее, начал мучить... Привлеченный шумом, с соседнего двора приходит другой «деятель». В руках у него рогатка. Посовещавшись, они устраивают засаду в углу возле мусорного ящика и посылают одной девочке в спину заплесневелый огурец, у другой метко пущенным камешком сбивают с головы берет.

Ольге Ивановне Межовой и ее сподвижницам приходилось поодиночке вылавливать таких сорванцов, водить их к родителям и бабушкам. Но это помогало мало, нужно было искать более эффективные меры.

Выход нашли. Теперь родители, уходя утром на службу, приводят своих детей в клуб. Здесь их уже ждет воспитательница. Девочки и мальчики готовят заданные на дом уроки, потом ребята идут в столярную мастерскую, где дедушка Пимен Федотович Елисеев учит их, как из обыкновенного куска дерева делать своими руками необходимые людям вещи. А потом воспитательница Вера Федоровна ведет ребят обедать в столовую соседней школы. Мирные кошки могут спокойно ловить мышей...

А вечером в клуб приходят матери тех, кто был здесь хозяином с утра. Они садятся за большой общий стол, раскрывают тетради и блокноты. Руководительница Анна Андреевна начинает теоретические занятия кружка кройки и шитья. Слушают и лекции, но теперь уже тщательно подбирают лекторов. В маленькой комнатушке за сценой колдуют над пленками фотолюбители. В зале гитаристы тихо, под сурдинку, разучивают сложные переборы.

Одним словом, незаметно коротаются долгие зимние вечера...

Эстрадный квартет.

Штаб во главе с Владимиром Осиповым (сидит за столиком) разбирает очередной конфликт.

За верстаком

Остап ВИШНЯ

Рисунки В. СОЛОВЬЕВА.

Речь пойдет о делах весьма серьезных, поэтому давайте договоримся сразу о терминологии. Значит, так:

Щука — это щука — рыба женского рода.

Щупак — это щука мужского рода.

Щурята, щукленята, щучки, щученята — это так себе, мелкота.

...Спор разгорелся страшный, чуть ли не до драки: кто бо́льшую поймал щуку.

Гордей Иванович, знаменитый спиннингист, исхлеставший своим спиннингом Десну, Днепр и всевозможные озера от Чернигова до Днепропетровска, захлебываясь, рассказывал, что где-то около Бужина он вытащил на спиннинг щуку весом в двадцать один килограмм триста десять граммов, что вся она была в иле, точно в пакле, и что, распотрошив ее, вынул из нутра двухкилограммового судака, а зубы у щуки были длиной в сантиметр, и что из зуба он смастерил себе шило, и тем шилом он и до сих пор протыкает подметки!

Дед Круча слушал Гордея Ивановича, презрительно попыхивая трубкой, и, когда Гордей Иванович, закончив рассказ, вздохнул: «Вот такая была щука!», — дед Круча резко потянул трубкой, вынул ее изо рта, сплюнул и произнес:

— Щучка!

Гордей Иванович подскочил, хотел что-то крикнуть, но у него вышло только:

— Т-т-т-т-т!..

Он закашлялся, сел, ударил о землю рукой, зашелся, с трудом отдышался, схватил баклажку, глотнул воды, хотел еще что-то сказать, да дед Круча сердито перебил его:

— Ты песню знаешь?

— Какую песню?

— Которую атаман Иван Сирко пел.

— Мало ли какие песни пел Иван Сирко!

— Да я про щуку спрашиваю. Песню про щуку? Вот эту:

Та щука — рыба в море
Гуляет на воле...
А мне, молодому,
Нету счастья-доли!

— Слышал такую песню? — не унимался дед Круча.

— Ну, слышал!

— Так ее атаман Иван Сирко пел! Давние дела! Так вот ту щуку, какую видел Сирко, я и поймал! Три пуда с фунтом! А ты мне: двадцать одно кило! Щуренок твоя щука против моей! О!

— Да откуда вы, дедушка, знаете, что то та самая щука?

— Да ты не перебивай! Ты слушай!

Мы сидели на берегу Подстепного лимана, под раскидистой вербой, и такая та верба старая-старая, что она даже треснула от старости и на три ствола поделилась, стволы те в разные стороны расщепились и образовали в вербе уже не дупло, а какое-то межстволье, где не то что сесть, а и лечь можно. Дед Круча уверяет, что той вербе «с тысячу лет, а может, и меньше».

— Сирко Иван, дедушка, под этой вербой, часом, не ужинал?

— Сирко? Что Сирко?! Сирко — это было позавчера, а ты скажи, не сидел ли под этой вербой князь Святослав, который плыл Днепром-Славутичем. Ты об этом подумай, а не о Сирко, об Иване! О!

— Да вы, дедушка, и такого можете наговорить, что под этой вербой князь великий Киевский Олег целовался с византийской княжной Ганной после того, как он, «княжну поя, отцдя в волости своя».

— А почему нет? — ощетинился дед Круча. — Почему, я спрашиваю, не поцеловаться под такой вербой?! Да под таким небесным шатром, звездами расшитым, да еще под тихий плеск ключа зеркального! А ты бы разве не поцеловался?!

А оно и в самом деле: над нами небо — глубокое-глубокое, темно-синее, даже черное, а звездочек тех, звездочек — да такие те звезды чистые, такие озаренные, будто их кто-то нарочно на эту ночь надраил кирпичом.

От Подстепного лимана до той самой раскоряченной вербы-гиганта пролег проток из прозрачной воды, к этому протоку прижалась бескрайняя херсонская степь, прилегла и целые столетия из того протока, горячая, жадно пьет воду и никак напиться не может... А вода там свежая-свежая и прозрачная, так как из-под вербы и дальше за вербой в тот проток бьет ручьистая вода, веками бьет вода из многих ключей, даже зимой не замерзая... А на той стороне протока ивняк с камышом над водой склонились.

В протоке рыба играет: окунь и щука. А мелюзги той, мальков — тучами табуны гуляют!

Проток этот за расколотой вербой сворачивает влево и между ивовыми берегами идет налево во Фролов лиман, а направо — в Казначейский.

Почему Фролов, почему Казначейский? Почему такие странные названия?

Тут монастырь был... И все эти необозримые угодья, луга, лиманы-озера — все это было монастырское, и был монах Фрол — это его именем назван лиман, а монастырский казначей оставил название для второго лимана.

А в лиманах — рыба и раки; караси, как корыта, а лини, как подсвинки, окуни, как постолы, а щуки, как челны.

Очень часто слышится тут над протоком отчаяннейший мальчишеский крик:

— Гляди-гляди! Вон! Вон-вон-вон, поплыл! Окунь! Пускай меня бог убьет, как постол!

Ериками лиманы соединяются с речкой Конкой, которая от Днепра течет рядом с речкой Крынкой, под селом Крынками, вплоть до села Казачьи лагери, а там уже опять соединяется с Днепром...

За селом, за Крынками, из Конки направо вытекает небольшая, густо-прегусто закудрявленная вербами речушка Басанка, которая почтительно прикорнула к могучему Днепру, а из Басанки небольшой ерик идет в Дедушкин лиман, а вокруг Дедушкина лимана раскинулись лиманы Малая Злодеевка, Большая Злодеевка, Круглик, Шея...

...Посреди Дедушкина лимана был когда-то небольшой островок, заросший густейшим-прегустейшим камышом. А на том островке росло три куста калины. Давно это было. Еще до царицы Екатерины. Жил в те времена где-то чуть ли не под Херсоном дед Ступак. Жил он с бабкой Килиной, а детей им господь не дал. Бабка Килина была очень злая, такая злая и клятая, что поймала когда-то во своем дворе татарина и свернула ему голову глазами назад:

— Чтоб басурман никогда больше вперед не глядел!

Дед Ступак как раз сети на озере проверял. Проверив сети, дед пришел домой, увидел того татарина, который назад смотрел, перекрестился и, дрожа, произнес:

— И со мною такое будет!

И огородами, огородами, огородами — на луга и к Днепру... Да как пошел по-над Днепром против воды, да и дошел до нынешнего Дедушкиного лимана. Глядит: островок. Он переплыл речку Басанку, где вброд, где вплавь, — на островок. Выкопал между тремя калиновыми кустами землянку, да и поселился на том островке. Сбежал, выходит, от бабы.

Так вы думаете, не нашла его старуха? Нашла!

Перебралась бабка Килина на островок загонять деда домой.

— До каких пор ты меня будешь мучить? — бросился к старухе дед.

Бабка Килина деда по темени цепком! Дед без чувств!

Старуха на него кадку воды! Дед вскочил и удирать! А в голове у деда еще не все как следует прояснилось — он в воду. А там омут! Потонул дед — только пузырьки на том месте пошли.

С того времени и называют этот лиман Дедушкиным лиманом.

Давно это было. Уже и островка того нет: в воду осел, а еще до сих пор на том месте, где нырнул дед Ступак, если присмотреться, пузырьки со дна подымаются...

— Ну, а с бабкой Килиной что?

— А что с такими бабами, как бабка Килина, бывает? В ведьмы устроилась! Долго на метле вон там около Херсона кружила, кровь высасывала, а потом в Киев на Лысую гору подалась. За главную ведьму, говорят, на Лысой горе правила. Вот как, бывало, на Лысой горе устраивался шабаш ведьм, так очень часто можно было слышать мощный голос — резко так запевает, запевает, запевает, а потом и выведет, словно бугай с поросятами, — это бабка Килина! А вот лет десять назад приезжал к нам из Херсона лектор, так говорил, что ведьм

уже и на Лысой горе уничтожили, теперь там уже одни предрассудки остались! А что это за штука предрассудки, я вам уже и не скажу! Говорил тут один, у церкви, как я вот в великий пост говел, что это будто антирелигиозная пропаганда! Могло быть!

Это так про Дедушкин лиман дед Кирюха из Маячков рассказывает.

— Да что вы его слушаете? — пыхтит трубкой дед Круча. — Болтает черт знает что! И кто бы это ему поверил, что старуха деда утопила?! Да еще не народилась и никогда в свете не народится та баба, чтобы меня утопила! Моя покойница тоже когда-то, бывало, за качалку хваталась! Так я ей показал качалку! Если бы сапог не упрятала да на печь меня не загнала, я бы ее прикончил! И не каркнула бы! А так своей смертью умерла! Видели мы таких баб!

— А где же, дедушка, Сирка Ивана щука на три пуда с фунтом? — спросил у деда Кручи Гордей Иванович.

Дед Круча поглядел на небо, повздыхал, перекрестивши лоб:

— Побледнел, глядите вон, уже Млечный Путь. И Волосожары вон куда откатилися! Давайте подремлем! Вот-вот уже и рассветет! Ложитесь! Лучше завтра уже про щуку расскажу.

* * *

...Дед Круча набил трубку, придавил табак в трубке ногтем большого пальца, завязал кисет, запрятал кисет в карман, взял из костра уголек, положил в трубку, разжег трубку, потянул раз пять, вынул трубку изо рта, сплюнул и начал:

— Было это... Да еще мой дед покойный, царство ему небесное, жив был. Чтоб не сбрехать, было это как раз тогда, как вышло замирение с Гапонией (Японию дед Круча упорно называл Гапонией, а японцев — гапонцами). Начали у нас тогда, помню, панские якономии палить. То там в степи пан горит, то там... Да у нас была панская якономия... Я родом не тутешний, я оттуда, аж из-за Чаплинки, туда, ближе к Таврии... Мне уже тогда на призыв повернуло. Вот дед и говорит:

«Что ж оно такое на свете делается?! Всюду паны горят, а наш же как: у бога теленка съел или как?»

Посмотрел на меня дед, а я на деда, а потом дед и говорит бабе:

«Ты, Федоська, хлеба нам в торбочку положи, хлебины две, да луку с десяток, соли, пойдем мы с Ванькой (меня Иваном зовут) сеткой перепелов ловить».

«А на что же вам аж две хлебины?» — спрашивает баба.

«Да мы не скоро вернемся! Наловим перепелов да, может, в самые Алешки на базар понесем. В Алешках, говорят, немцы за перепелов хорошие деньги дают!»

Дед говорит, а сам и не улыбнется, а я сразу догадался, что не перепелами тут пахнет.

Одним словом, чтоб долго не говорить, сгорела той ночью у нашего пана якономия, а мы с дедом очутились аж в Основе, работали на виноградниках, а потом в эти места прибились да тут уж и отаборились.

Родители мои с братьями да с сестрами на Дальний Восток подались, где-то аж на Амуре очутились, а я с дедом остался. Когда все немного утихло, переехала к нам бабушка, да и жили мы тутечки, тут я и женился, тут сначала мы бабку похоронили, а потом и деда...

Замолк дед, задумался, задумался...

Покатилась с неба звезда, заревел бугай в Казначейском лимане, ударила под осокой щука.

— Ишь, бьет! Ишь, как бьет! — помотал бородой дед.

— А когда ж уже про щуку, дедусь? Про Сиркову? — Гордей Иванович к деду.

— А ты не перебивай! — сердито огрызнулся дед. — Ты слушай!

Тихо-тихо стало вокруг. Такая настала тишина, что не слышно было даже журчанья ручья, не шуршали камыши, не выбрасывалась рыба. И мы словно не дышали.

Вдруг крик:

— Ко-ко-ко! Ггр-гр-гр-гр!

Зашелестели крылья, и сонный петух сорвался с вербы и упал на Гордея Ивановича.

— Бей тебя сила божья! — подскочил Гордей Иванович. — Откуда он тут?

— Сдохнуть бы ему! — выругался дед Круча. — То куры сторожа на вербе ночуют. Сторож тут рыбацкую снасть охраняет! Бригада тут рыбацкая колхозная рыбачит.

— Смотри, напугал как, чертов петух!

И снова тишь, тихо-тихо...

— Так вот, значит, и поплыли мы на лодке с дедом, — начал дед Круча, — в речку в Басанку. В Дедушкином лимане у нас ятери стояли. Так мы, бывало, проверим ятери, а тогда и балуемся на щук в Басанке, на живца... А омуты там глубокие есть! Там такой есть омут — саженей, должно быть, пять глубиной. Закинули, значит, мы на живца. Живец крупненький, крючок тоже такой, что и бугая удержит, а леска — в двадцать пять волосин. Тогда еще капронов мы не знали, а сами плели леску из конского хвоста. У степных лошадей, что в табунах долго ходили, отличный волос был — крепкий, увесистый и в воде незаметный. Щук мы ловили на живца много. Так что не было ничего удивительного, что поплавок вдруг нырнул. Подсек я. А дед рядом. Подсек, значит, дернул и вспомнил черта: за корягу зацепился! Дед не любил на воде черта поминать, ругнул меня за то, что я его вспомнил, да и спрашивает:

«Почему не тянешь?»

«Зацепила, — говорю, — коряга!»

Да как дерну! А оно меня как дернет — так я торчком в воду: вынырнул и к деду:

«Спас...»

А оно меня как дернет — я снова нырнул! Дед штаны с себя — да в воду меня спасать. Вынырнул я из воды, а дед меня за руку, а сам за вербу держится — верба на берегу аж к воде ветки наклонила. И вот вам такая чертовщина: я удочку держу, дед одной рукой меня держит, а другой за вербу держится! А оно водит, а оно водит! Как поведет, как поведет!..

— Да что же водит? — не вытерпел Гордей Иванович.

— Да ты слушай! — отмахнулся дед. — Что водит? А я знаю, что там на крючке сидит: может, щука, может, сом, может, еще какая-то лихая образина! Водит, дергает, да так дергает, что рука трещит. Дед кричит:

«Тяни! Подтягивай!»

А я не могу, не подтяну! С полчаса вот так оно нас водило! Наконец вот как будто поддалась! Идет! Я его все хочу из воды вывести, чтобы оно воздух хватило! Как вот высовывается из воды что-то такое: вроде морда коровья, только безрогая! Высунулось оно, нас как увидело, да как бросится назад, чуть-чуть я удочку не выпустил. И снова началось: водит и водит... Не знаю, что уже с дедом стряслось, — замерз ли, или что другое, — да только он в крик:

«Пущу! Пущу, ей-богу, пущу! Не могу!»

«Держитесь, — кричу, — может, оно утихомирится?»

«Да пускай! — кричит дед. — А то оно нас обоих утопит!»

И такое — неизвестно что и творится! Как вдруг из-за камышей Микита Пувичка на лодке приблизился! Подплывает:

«Что такое?»

«Спасай, Микита!» — Мы с дедом к нему.

А оно как раз снова вверх идет, морду высовывает...

«Бей, Микита, веслом! Бей!»

Микита как врежет его веслом между глаз — вывернулось оно на воде. Глядим, щука! Ну, как теленок величиной! Вытащили мы ее на берег, оттащили подальше от воды... Ох, и страшилище! Три пуда и фунт! Голова — ну не меньше, как у коровы, только безрогая. Корыто икры мы из нее выпустили. Вон какая щука!

— А откуда видно, что она Сиркова? — спросил Гордей Иванович.

— Откуда? А у нее там над глазами, точно поперек лба, вроде как буквы «Си»... Сирко, значит... Меченая.

— Что-то вы, дедушка Круча, такого тут наплели!.. «Си»... Буквы... Сирко щуку в море видел, а это вон, вишь, где, в Басанке!.. Да и когда тут Сирко был, а когда вы с дедом щуку вытащили?! Сказку где-то слыхали, дедусь?

— А ты разве не читал, в книгах было написано, что в Москве вот это не так давно поймали щуку, а на ней кольцо, а на кольце надпись, что, мол, сия щука пущена в царствование Бориса Годунова! Вон аж когда! Триста лет щуке! А Сирко — это не так уже и давно, и двухсот лет нету! А ты не веришь?!

«Огромные, — подумал я про себя, — щуки бывают на свете! Три пуда и фунт! Исторические щуки!»

* * *

При нас дед Круча большой щуки ни разу не поймал.

Все щучьи рекорды того лета побила одна симпатичная супружеская чета спортсменов, немолодые уже люди, Валентина Васильевна и Гаврила Иванович. Сколько же они щук попереташкали! Да каких! Правда, на три пуда с фунтом не было, а так, до десятка килограммов, бывали.

И знаете, на что?

На дорожку! На блесну!

Гаврила Иванович садился на весла, а Валентина Васильевна с дорожкой.

Выезжали они и утром и вечером. Как выедут, обязательно минимум с полдесятка щук и есть! А бывало, что и до двух десятков! По килограмму и больше! Что удивительно: когда на веслах Валентина Васильевна, а ведет дорожку Гаврила Иванович, очень редко ловились щука! А как только дорожка у Валентины Васильевны, — тащит одну за другой! Особенная какая-то симпатия к Валентине Васильевне. Или, может, одни щупаки попадались?!

Ох, и щуки же на речке на Конке! А на Басанке! А на Днепре!

Так вот, значит, знайте: щуку самое выгодное ловить на живца!

Но хорошо и на дорожку, и на спиннинг, и на кружки, и на жерлицу!

А то еще есть один очень оригинальный способ ловить щук.

Вы плывете на лодке и внимательно всматриваетесь в осоку, под камыш, что выпирает из самой воды.

Неожиданно замечаете: стоит под берегом огромная щука, мордой в камыши, видно, что она как-то тяжело дышит, а изо рта у нее что-то торчит. Подъезжаете потихоньку, щука не удирает. Вы ее сачком — ррраз! — в лодку.

И видите, щука схватила большого судака и никак проглотить не может! И выбросить изо рта не может, потому что у судака плавники ощетинились и не пускают!

Вот у вас сразу и щука есть и судак!

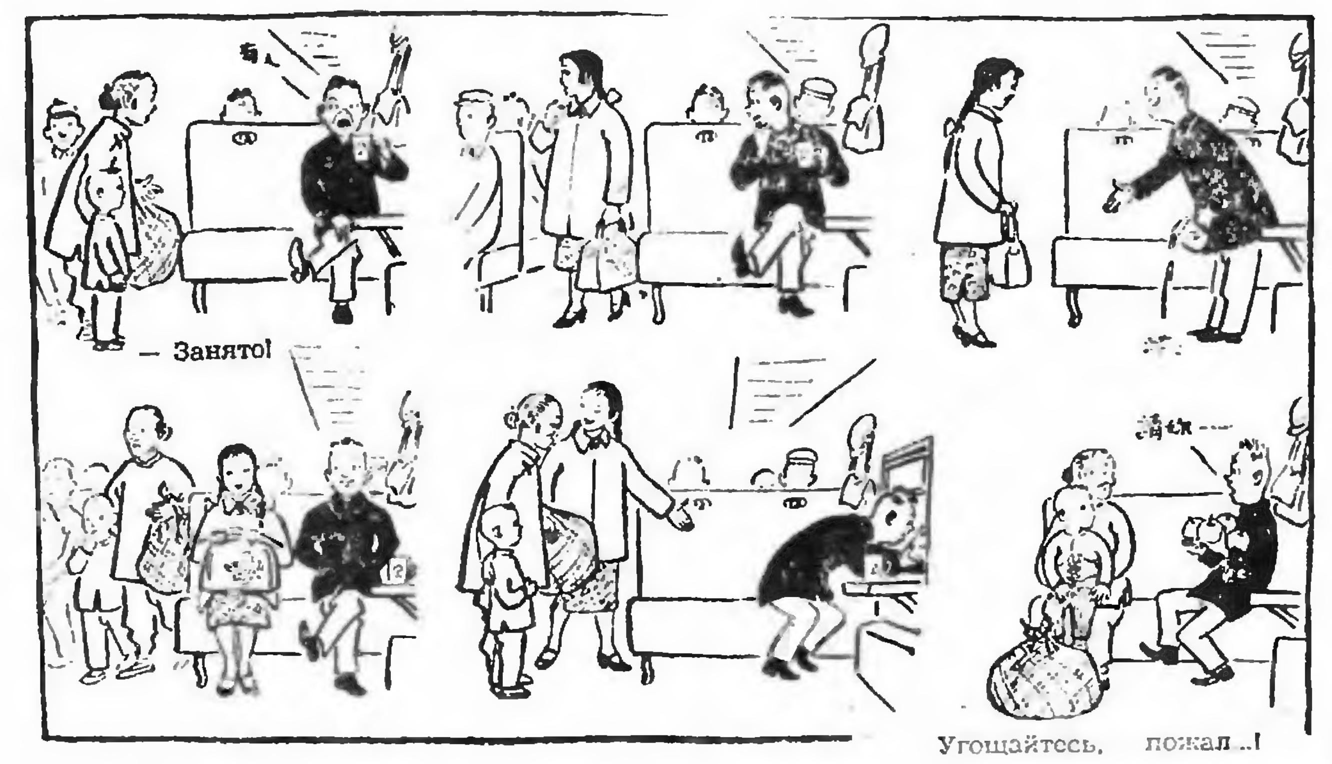
Одним словом, ловите щуку каким угодно способом, какой вам больше по душе, на здоровье вам!

Попадались ли мне большие щуки — монстры?

Не ловил! Не ловил ни на спиннинг, ни на дорожку, ни на живца, ни на жерлицу!

А так — щурята, щукленята, щучки, щученята — такие случались! Врать не буду!

Авторизованный перевод с украинского **Е. ВЕСЕНИНА.**

«Чжунго цинняньбао»

ИНДОНЕЗИЙСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ

Мутная вода течет не из чистого озера.

Алмаз сохраняет свой блеск и в мусорной яме.

И высокая гора рухнет, если ее подкапывать каждый день.

Каждому червю хочется стать драконом.

Каким бы острым ни был кинжал, человеческий язык острее.

Нет такой слоновой кости, которая никогда не треснет.

Перевел с индонезийского Н. БУЛЫГИН.

БАСНИ ФЭН СЮЭ-ФЭНА

ЭХО

Однажды облаяла Собачонка большую Каменную Гору:

— Тяфф, тяфф!

Гора тоже ответила:

— Тяфф, тяфф!

Собачонка возгордилась:

— Хоть и велика Гора, а голос у нее не сильнее моего. Одно из двух: или слава у нее дутая, или я с ней сравнялась!

Услышал Гром собачонкины слова да как ударит:

— Ты что болтаешь?!

И Гора вслед за ним загремела:

— Ты что болтаешь, а?!

Собачонка перепугалась до смерти и залепетала:

— Я... я... ничего... ничего не болтаю...

Тут ее только и видели.

Кто на самом деле велик, тот для всех велик!

УТРЕННЯЯ ЗАРЯ

Говорят, что с глубокой древности живет в море Девушка-Рыба[1]. Каждый день, задолго до восхода Солнца, она поднимается на морской остров, садится на утесе и ждет, когда появится Солнце. Но ее старшей сестре всегда казалось, что младшая поднимается наверх слишком рано и зря теряет много времени. Тогда старшая всплывала и, высунувшись из воды, начинала корить сестру:

— Какая же ты у меня лентяйка! Времени не жалеешь. Ведь можно найти какое-нибудь дело, пока Солнце не взошло! Что ты с пустыми руками сидишь!

Тогда Девушка-Рыба собрала облака и туманы из ближних и дальних краев и усердно начала ткать, как это она привыкла делать дома. А вскоре и Солнце проснулось. Сначала оно послало Луч посмотреть на море. Луч проник в облачную ткань, которую ткала Девушка-Рыба, и превратился в прекрасную, переливающуюся всеми цветами радуги Утреннюю Зарю.

Если человек встречает свет работой, свет этот очень скоро озарит человека.

Эту басню можно назвать притчей, потому что цель ее — не высмеять плохое, а, наоборот, воспеть хорошее.

Ханчжоу, КНР.

Перевод с китайского Ю-ФЭЙ БОСТРЕМ.

[1] Согласно легенде, она обитает в Южно-Китайском море, где день и ночь ткет. Слезы ее — это и есть жемчуг, который находится в море.

Путешествие вокруг Солнца

Читатели «Огонька» А. Самохин (Вологодская область) и Н. Кульчин (Караганда) спрашивают: «Как сказывается на Земле ее движение вокруг Солнца?»

Каждый из нас, даже никуда не выезжая, ежегодно совершает очередное путешествие в девятьсот сорок миллионов километров. По невидимой, но, тем не менее, реально существующей орбите, то замедляя, то увеличивая ход, мы мчимся быстрее самой стремительной ракеты со скоростью около тридцати километров в секунду, не ощущая ни толчков, ни качки. Это — самое плавное движение, какое можно вообразить. Похоже даже, что мы стоим на месте, однако смена времен года и другие признаки свидетельствуют об этом движении.

Близкая к кругу орбита Земли не имеет ни конца, ни начала, но, совершая по ней свой полет, Земля пересекает точки солнцестояний и равноденствий, между которыми лежат четыре больших перегона, резко отличающихся один от другого в наших широтах. Эти перегоны — зима, весна, лето и осень. Не только каждому отдельному перегону, но и началу каждого из них соответствуют те или иные изменения в природе, конечно, различные для разных широт.

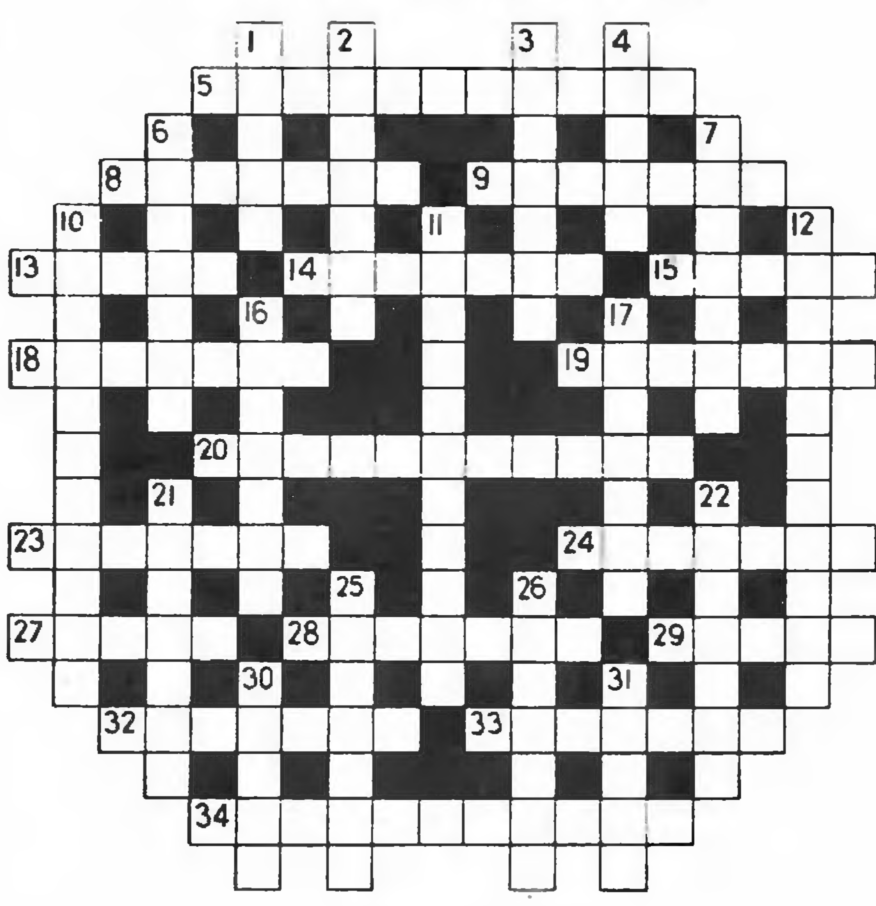
После 22 декабря — зимнего солнцестояния — день начинает медленно расти, а морозы на время обретают полную силу. Около 21 марта — весеннего равноденствия — проглядывают уже проталины, а в небе, как корабли, только что вышедшие из гавани, плывут первые кучевые облака. Вслед за летним солнцестоянием — 22 июня — дни становятся короче, усиливается жара. Цветок этого периода в средней полосе — жасмин, ягода — румяная земляника. За осенним равноденствием — 23 сентября — следует первый заморозок в воздухе, исчезают кучевые облака.

Перегон весна — лето примерно на восемь дней длиннее перегона осень — зима. Это объясняется большей длиной пути и большим удалением Земли от Солнца, вследствие чего его притяжение действует слабее и скорость движения Земли меньше. Любопытно, что 1 января Земля на пять миллионов километров ближе к Солнцу, чем 1 июля. Но разница температур зимы и лета обусловлена не этим, а наклоном земной оси: летом солнечные лучи падают более отвесно, дни длинны, а ночи коротки.

Когда мы будем наблюдать Землю не только с ее поверхности, а в пространстве, например, с одного из искусственных спутников, то увидим, как Земля на своем годовом пути обращается к солнечным лучам то северным, то южным полушарием, а в дни равноденствий оба они освещены одинаково.

Б. АЛЕКСЕЕВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Способ письма. 8. Птица отряда длиннокрылых. 9. Вид вознаграждения. 13. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 14. Остров в Средиземном море. 15. Отход обработки конопли. 18. Млекопитающее семейства кошачьих. 19. Характеристика излучения света. 20. Город в Крыму. 23. Представитель народа одной из советских республик. 24. Хищная птица. 27. Начальная страница в книге. 28. Алгебраическое выражение. 29. Металл. 32. Русский живописец-пейзажист. 33. Дополнительный тон. 34. Область науки, техники и производства.

По вертикали:

1. Вид термической обработки металлов. 2. Свойство тела сохранять состояние движения. 3. Клетка животного организма. 4. Русский композитор. 6. Птица. 7. Морское животное. 10. Поэт пушкинской плеяды. 11. Клавишный музыкальный инструмент. 12. Минеральная краска. 16. Великий итальянский астроном, физик и механик. 17. Русский художник. 21. Герой поэмы А. С. Пушкина. 22. Газ. 25. Профессия рабочего. 26. Кредитное учреждение. 30. Режущий инструмент. 31. Река в Казахской ССР.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ в № 1

По горизонтали:

1. Шутка. 6. Пассивность. 9. Изюминка. 11. Канитель. 13. Тост. 14. Шалаш. 15. Крен. 18. Шарж. 19. Сардина. 21. Елка. 24. Острие. 26. Пенсия. 30. Печка. 31. Адрес. 32. Робот. 33. Антимония. 34. Штамп. 36. Шляпа. 37. Ребро. 38. Дамка.

По вертикали:

2. Улита. 3. Конек. 4. Зависть. 5. Отписка. 7. Бюрократ. 8. Перепляс. 10. Кошка. 12. Аршин. 16. Ушко. 17. Баня. 20. Дифирамб. 22. Цитата. 23. Феерия. 25. Спешка. 27. Ирония. 28. Мастер. 29. Осанка. 35. Прок. 36. Шанс.

ОТВЕТ НА ФОТОЗАГАДКИ (№ 52)

1. Спичка со сгоревшей головкой.
2. Светящаяся нить лампочки.

На вкладках этого номера репродукции картин В. Григорьева — Рыбаки Мурманска, М. Толоконниковой — Утро, В. Петрова-Маслакова — У пашни, Н. Родионова — Новая ткань, А. Демина — Горький в пекарне булочной Семенова и 4 страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, И. А. УРАЗОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Уразова.

А 12772. Подписано к печати 2/I 1957 г. Формат бум. 70×108 1/16. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. 1.200.000. Изд. № 4. Заказ № 3448.

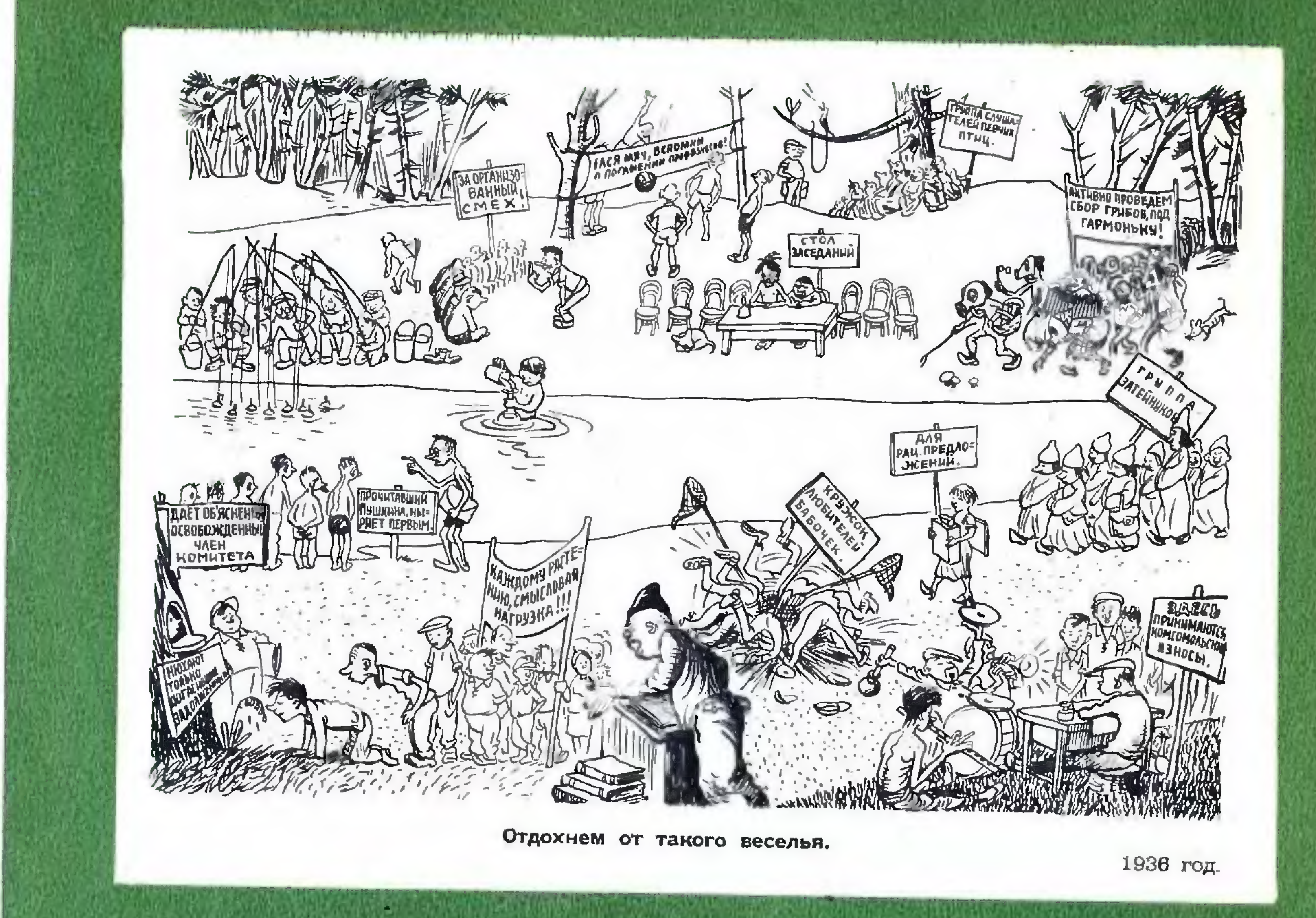
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

И. Семенов

Кто не знает полных юмора, острой наблюдательности и выдумки сатирических рисунков талантливого художника Ивана Максимовича Семенова. Работы И. Семенова мы сразу узнаем по содержанию и художественному почерку. Своей колкой и веселой сатирой Семенов изобличает пережитки прошлого, еще сохранившиеся в нашем быту, все, что мешает советским людям строить коммунистическое будущее. Он зорко и по-своему подмечает смешные положения в жизни. А смех и лечит, и убивает, и дает минуты отдыха.

Художнику исполнилось пятьдесят лет. Нам хочется пожелать ему всегда сохранять молодость и свежесть творчества, бороться за новое оружием сатиры.

Заслуженный деятель искусств
Федор БОГОРОДСКИЙ.

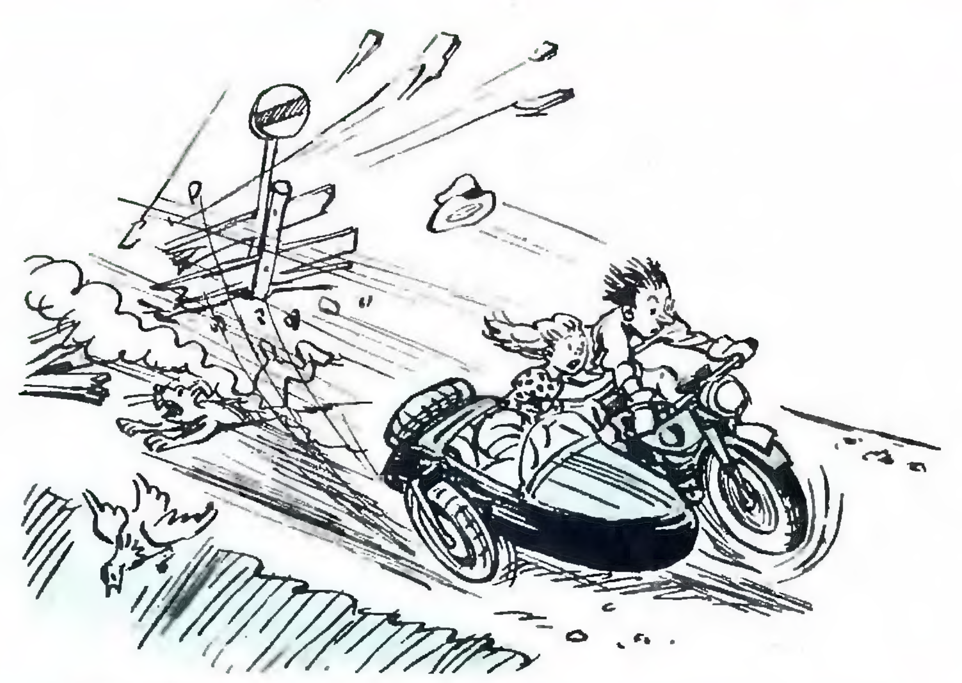
Отдохнем от такого веселья.

1936 год.

В тиши ночей.

1954 год.

— Вася! Ты потише, я ведь первый раз на мотоцикле еду!
— Я сам в первый раз!..

1956 год.

Наблюдение за воздухом на крейсере. Черноморский флот.

1942 год.

Цена номера 3 руб.

